

Российская академия наук

Институт Дальнего
Востока

А.В.Островский

КИТАЙСКАЯ
МОДЕЛЬ
ПЕРЕХОДА
К РЫНОЧНОЙ
ЭКОНОМИКЕ

МОСКВА ■ 2007

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

遠東
研究所

ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

А.В. Островский

**КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ
ПЕРЕХОДА
К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ**

МОСКВА
2007

УДК 3382
ББК 65.5(Кит)
О 77

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института Дальнего Востока РАН*

Рецензенты:

д.и.н. П.М.Кожин, к.и.н. Смирнов,
д.э.н. В.И.Шабалин

Ответственный редактор

д.и.н. П.М.Кожин

Островский А.А. Китайская модель перехода к рыночной экономике / РАН, Ин-т Дальн. Востока. М., 2007. 208 с.

В книге рассматривается китайская модель перехода от плановой к рыночной экономике в ходе реформы хозяйственной системы (с конца 1970-х годов по настоящее время). Исследуются основные аспекты экономической реформы в КНР (реформа собственности, формирование рыночной инфраструктуры, изменения в системе государственного регулирования экономики и распределительных отношений, открытость во внешнеэкономической сфере). На этой основе анализируются проблемы российско-китайского экономического сотрудничества и дается сравнительная характеристика китайской и российской моделей постепенного перехода к рынку.

ISBN 978-5-8361-0121-1

ББК 65.5(Кит)

© Островский А.В., 2007.

© Институт Дальнего Востока РАН, 2007.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Об уровне экономического развития Китая	14
Глава 2. Реформа собственности и системы управления предприятиями	29
Глава 3. Формирование рыночной инфраструктуры в экономике	54
Глава 4. Реформа системы экономического макроконтроля	77
Глава 5. Изменения в системе распределительных отношений ...	93
Глава 6. Политика открытости во внешнеэкономической сфере	122
Глава 7. Проблемы российско-китайского внешнеэкономического сотрудничества	141
Глава 8. Сравнительная характеристика форм и методов реализации российской и китайской моделей реформ	172
Заключение	198
Об авторе	204

ВВЕДЕНИЕ

В начале XXI в. Китай продолжает развивать экономическую реформу в стране. В результате последовательного выполнения задач экономической реформы в КНР к 2050 г. должны быть достигнуты такие стратегические цели социально-экономического развития, как осуществление всесторонней социалистической модернизации, необходимой для достижения зрелости социально-экономического развития; значительное повышение статуса страны на международной арене и обеспечение первого места в мире по совокупной государственной мощи; выход в ряды стран со средним уровнем объема ВВП на душу населения; создание условий для зажиточной жизни народа; превращение страны в мощное государство с высоким уровнем материальной, правовой и духовной культуры¹.

Программа экономического развития КНР состоит из трех этапов (или «трех шагов»). Первые два «шага» были пройдены в XX в., они состояли из модернизации — на первом этапе и реализации стратегических целей — на втором этапе. В 1996 г. в Китае началась 9-я пятилетка, которая ознаменовала начало третьего этапа социально-экономического развития страны. Этот этап включает три периода: 1) 1996—2010 гг.; 2) 2011—2030 гг.; 3) 2031—2050 гг. В течение первого периода, к 2010 г., поставлены задачи в основном провести индустриализацию, создать совершенную систему социалистической рыночной экономики, развивать связи с мировой экономикой, по доходам на душу населения войти в категорию стран с доходами ниже среднего уровня (*чжунсядэн*), народ должен стать более зажиточным по сравнению с обществом «малого благоденствия» (*сяокан шэжуэй*), по совокупной государственной мощи Китай должен занять 4-е место в мире. Во второй период, к 2030 г., страна должна завершить индустриализацию, постепенно осуществлять модернизацию, создать конкурентную экономическую систему, по доходам на душу населения войти в категорию стран с доходами выше среднего уровня (*чжуншандэн*), народ должен стать сравнительно зажиточным, а по совокупной государственной мощи КНР должна занять 2-е место в мире. В свою очередь, к 2050 г., Китай должен на основе результатов социально-экономического развития, достигнутых в первом и втором периодах, исходя из реалий международной

обстановки и уровня своего экономического развития, полностью достичь намеченных стратегических целей и решить задачи социально-экономического развития².

В настоящее время по своей экономической мощи — с учетом показателей объема ВВП, внешней торговли, привлеченных иностранных инвестиций, золотовалютных резервов и др. — Китай уже представляет силу, с которой вынуждены считаться все страны мира. Его политическое влияние пока больше заметно на региональном уровне — в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, Юго-Восточной и Центральной Азии. По своей военной мощи КНР уступает США и блоку НАТО, однако по мере экономического роста его военная мощь будет нарастать. Дальнейшее усиление страны будет определяться динамикой его экономического развития. Ныне Китай занимает 4-е место по объему ВВП (в пересчете по текущему валютному курсу в долларах). Однако уже в 2030—2040 гг. при выполнении показателей среднегодовых темпов роста ВВП (2000—2010 гг. — 8,1%, 2010—2020 гг. — 6,4%, 2030—2040 гг. — 5,4%, 2030—2040 гг. — 4,9%, 2040—2050 гг. — 4,3%) КНР выйдет на 1-е место в мире по этому показателю, а при удержании показателя общей численности населения страны на уровне 1,4 млрд. человек объем ВВП превысит 3000 долл. на душу населения.

В рамках общей программы экономического развития на 1996—2050 гг. предусмотрено достижение следующих конкретных показателей социально-экономического развития в течение 15 лет (1996—2010 гг.): темпы прироста ВВП — 8—9% в год, объем ВВП — 20 940 млрд. ю., ВВП на душу населения — 14 тыс. ю. в год, рост инвестиций — на уровне 30% в год. Кроме того, предполагается совершенствовать структуру ВВП и выйти на соотношение между «первой» (сельское хозяйство), «второй» (промышленность и капитальное строительство) и «третьей» сферой (торговля, услуги, финансы и прочие отрасли) — 11:49:40, а по структуре занятости — 34:32:34 при увеличении доли городского населения до 50%. Объем внешней торговли должен достичь 1300 млрд. долл., доля обрабатывающей промышленности в экспорте продукции составить 90%, а доля полуфабрикатов в импорте — 26%. За этот период должен значительно повыситься жизненный уровень населения — в среднем на 7% в год при среднем уровне потребительских расходов 7400 ю. на человека. Доходы крестьян все еще будут в 2 раза ниже, чем у занятых вне сферы сельского хозяйства. По показателю средней ожидаемой продолжительности жизни и состоянию здоровья КНР окажется в группе стран с доходами выше среднего уровня, все семьи получают

возможность иметь товары длительного пользования, жилая площадь на городского жителя составит 14 кв. м, в большинстве семей появятся легковые машины. Будет осуществляться контроль за охраной окружающей среды. В 2010 г. общая численность населения Китая не должна превышать 1,4 млрд. человек, будет обеспечено всеобщее 9-летнее образование, в основном ликвидирована неграмотность, доля расходов на образование в ВВП достигнет 4%, все жители города и деревни будут охвачены системой социального страхования³.

Итоги 9-й пятилетки (1996—2000 гг.) и 10-й пятилетки (2001—2005 гг.) показывают реальность выполнения намеченной китайским руководством программы социально-экономического развития страны до 2050 г. Как считает российский китаевед-экономист И.Н.Наумов, высокие темпы социально-экономического развития Китая связаны с огромной массой рабочей силы и постоянным ростом населения, являющимися фактором экстенсивного способа производства. По его мнению, «преодоление тяжелого демографического давления является одной из самых трудных сверхзадач в выводе народного хозяйства на научно-технический уровень развитых стран к 2020 г.»⁴ Однако китайская практика реформ свидетельствует, что избыток трудовых ресурсов является одним из основных сравнительных преимуществ китайской экономики. Главным, на наш взгляд, в успехе китайских реформ в 1980—1990-е годы явился отказ от стратегии догоняющего развития, при реализации которой делался упор на развитие капиталоемких отраслей тяжелой промышленности. В этих условиях предприятия не могли выйти на границу предельных производственных возможностей. В ходе реформ Китай совершил переход к стратегии сравнительных преимуществ, при которой стали быстро развиваться трудоемкие отрасли, что способствовало выходу предприятий на границу предельных производственных возможностей и позволило выправить деформированную отраслевую структуру КНР. Это повлекло за собой колоссальный экономический рост при среднегодовых темпах роста с начала 1980-х годов около 10%⁵. Такая же тенденция сохранялась в конце 1990-х годов и в начале XXI в., несмотря на последствия азиатского финансового кризиса 1997 г. и падение экономической конъюнктуры в стране в 1998—1999 гг.

9-я пятилетка завершила второй этап программы «трех шагов». В выступлении на 3-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва (октябрь 2000 г.) премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи отметил как успехи, так и трудности 9-й пятилетки. К успехам он отнес эффективную борьбу с инфляцией, стабильность финансовой системы Китая в нелегких

условиях азиатского финансового кризиса и падения внутреннего спроса, сохранение устойчивых темпов экономического роста и сдерживание дефляционных тенденций в 1998—1999 гг., а также сохранение взаимосвязи между реформами, развитием и стабильностью в результате эффективного макроконтроля в соответствии с требованиями социалистической рыночной экономики. К трудностям были отнесены такие факторы, как сохранение нерациональной структуры производства и больших межрегиональных различий, отставание в сфере науки и техники, низкая конкурентоспособность предприятий, относительная нехватка сырьевых ресурсов, избыток рабочей силы и экологическая загрязненность в ряде районов страны, а также медленный рост доходов крестьян и части городского населения, большая дифференциация доходов⁶.

При выработке экономической политики в КНР большое внимание уделялось изменениям совокупного спроса, которые были основным фактором формирования тенденций социально-экономического развития страны. В результате такого подхода Китай смог вновь обеспечить довольно высокие темпы роста и в XXI в. выйти на новый экономический рубеж — 20,9 трлн. ю. в 2006 г., т.е. заметно превысить показатель 1 трлн. долл. — по валютному курсу юаня к доллару, не говоря уже об этом показателе по паритету покупательной способности⁷. Для решения основных экономических проблем китайского общества, возникших как в результате воздействия внешних факторов, связанных прежде всего с азиатским финансовым кризисом 1997 г., так и внутренних, обусловленных слабым внутренним спросом на произведенную продукцию, было выделено три основные сферы работы центрального правительства: 1) наращивание инвестиций; 2) рост потребления; 3) всемерное расширение экспорта. Кроме того, как и в предыдущие годы, большое внимание было уделено продолжению реформы на госпредприятиях, от результатов которой во многом зависят успехи работы правительства в этих трех сферах, определяющих, на наш взгляд, дальнейшие возможности и перспективы развития китайской экономики в начале XXI в.

В 2005 г. для выполнения поставленной цели строительства общества «малого благоденствия» (*сяокан шэжухэй*) Китай вел работу по шести конкретным направлениям развития народного хозяйства. Главным стало приоритетное развитие энергетики и транспорта, эти отрасли росли опережающими темпами по сравнению с темпами развития народного хозяйства в целом. С одной стороны, большое внимание уделялось развитию угольной и нефтяной промышленнос-

ти, электроэнергетики и транспорта, с другой стороны, сдерживался быстрый рост вложений в строительство административных зданий и другие виды недвижимости, а также рост цен на жилье.

Другим важным направлением работы стала более активная политика руководства КНР в деревне, предусматривающая решение так называемого вопроса «трех сельских» (*саньнун*) — сельского хозяйства, деревни и крестьянства. В 2005 г. в 28 провинциях страны (включая автономные районы и города центрального подчинения) отменен сельскохозяйственный налог, по всей стране отменен налог на скотоводство, возросли дотации уездам, производящим большое количество зерна, введена система гарантируемых минимальных закупочных цен на основные сорта зерновых. Особое внимание обращено на экономию энергетических ресурсов и охрану окружающей среды. В частности, в 2005 г. стали реализовываться программы по предотвращению загрязнения таких важнейших для Китая водных систем, как река Хуайхэ и озеро Тайху, охране природных лесов, борьбе с песками и др. Тем не менее, на многих предприятиях этому не уделяли должного внимания, о чем свидетельствует авария на нефтехимическом заводе по производству анилина в г. Цзилинь (пров. Цзилинь), повлекшая за собой сильное загрязнение реки Сунгари в провинциях Цзилинь и Хэйлунцзян и реки Амур. Она затронула не только две китайские провинции, но и находящиеся на берегу Амура части территории Хабаровского края и Еврейской АО.

Третьим направлением стала институциональная реформа китайской экономики, связанная с переходом государственных предприятий на акционерную систему. На акционерную систему переведены государственные коммерческие банки и сельские кредитные кооперативы. Также происходил переход государственных предприятий в режим современных предприятий, означающий их превращение в корпорации (*цзитуань*), занимающиеся главным образом регулированием не материальных, а финансовых потоков. В сфере внешней торговли в результате вступления КНР в ВТО были приведены в соответствие с требованиями ВТО положения о возврате экспортных налогов, таможенных пошлинах и давальческой торговле.

Четвертым направлением работы в 2005 г. стало формирование научно-промышленной политики в условиях глобализации экономики. Особенно большое внимание уделено развитию науки и техники, для чего была развернута государственная инновационная система, усиливались базовые научные исследования, создавалась необходимая инфраструктура для НИОКР. Как было отмечено в докладе премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао, «произошли серьез-

ные сдвиги в таких областях науки и техники, как самостоятельное проектирование и изготовление чипов с интегральными схемами, разработка мобильной связи третьего поколения, производство высококачественных синтетических материалов, конструирование высококлассных станков с числовым программным управлением»⁸. В западных регионах продолжалась реализация программы всеобщего обязательного 9-летнего образования и ликвидации неграмотности среди молодежи и лиц зрелого возраста. В области здравоохранения большие средства были выделены на развитие системы медицинской помощи в сельской местности, строительство волостных и поселковых амбулаторий в центральных и западных районах страны и проведение эксперимента с переходом на новую систему сельской кооперативной медицинской помощи, улучшение работы по профилактике СПИДа и высокопатогенного птичьего гриппа.

Пятым направлением работы для Китая стала безработица и социальное обеспечение населения. Для решения проблем безработицы в связи с сокращением персонала государственных предприятий и на пособия для ожидающих трудоустройства из центрального государственного бюджета было направлено 20,9 млрд. ю. Кроме того, за счет бюджета выделены специальные суммы для обучения рабочим профессиям крестьян-мигрантов из сельской местности, а также демобилизованных из армии. В сфере социального обеспечения 17 провинций страны из 31 перешли к системе страхования по безработице сокращенного персонала госпредприятий, тогда как раньше обеспечивался только прожиточный минимум, установленный для данной местности. Увеличились выплаты из госбюджета на борьбу со стихийными бедствиями и с бедностью.

Еще одним, шестым, направлением работы стало совершенствование законодательства. В частности, Госсовет КНР внес проекты поправок к Закону о трудовом договоре, Закону об охране прав и интересов женщин и Закону о личном подоходном налоге. На сессии ВСНП в 2007 г. приняты постановления о гарантиях для частной собственности и дальнейших изменениях системы личного подоходного налога, направленные на уменьшение разрыва в доходах между богатыми и бедными. В 2005 г. был разработан и стал осуществляться Общий предварительный план срочного реагирования на чрезвычайные ситуации в стране.

Тем не менее в китайской экономике еще сохраняются серьезные проблемы, которые оказывают сдерживающее влияние на развитие страны. Безусловно, главные противоречия связаны с жизнью крестьянства. В настоящее время жизненный уровень сельских

жителей значительно ниже, чем у городских жителей. Если чистые доходы городского населения составляют 10 493 ю. в год в среднем на человека, то сельского населения — лишь 3255 ю., т.е. более чем в 3 раза ниже, чем в городе⁹. С одной стороны, низкие доходы крестьян объясняются «ножницами» цен, падением цен на зерно и с их повышением на средства производства, с другой стороны — по разным причинам происходит сокращение площади пахотных земель, вытеснение крестьян с земли.

Наболевшей проблемой экономики КНР остается завышенный объем капиталовложений в основные производственные фонды, строится чрезмерно большое количество объектов, образуется большой объем незавершенного капитального строительства. В результате создается большой объем избыточных производственных мощностей, цены на произведенную продукцию падают, происходит затоваривание на складах, прибыль предприятий уменьшается, убытки растут, увеличивается финансовый риск.

Большие трудности связаны с решением вопросов повседневной жизни китайского населения, получения медицинской помощи и образования из-за завышенных цен на эти услуги. Во многих районах страны ущемляются интересы и права людей во время реквизиции земли при строительстве новых предприятий или жилых зданий, сносе жилых домов и переселении жильцов в отдаленные и неудобные для проживания районы, переводе населения из зоны водохранилищ (в частности, при строительстве гидроэлектростанции «Санься» на р. Янцзы), переходе госпредприятий на новую систему управления, что влечет за собой сокращение персонала и др. В последние годы в Китае обострилась проблема безопасности на производстве. Особенно много несчастных случаев в угольной промышленности, где владельцы предприятий, заинтересованные в увеличении добычи, часто игнорируют основные правила техники безопасности.

В целом итоги развития народного хозяйства КНР в 2005 г. во многом соответствуют плановым заданиям 10-й пятилетки и темпам прироста основных социально-экономических показателей до 2010 г. Одним из главных факторов, обеспечивающих высокие показатели хозяйственного роста, является рыночный спрос, создающий важные экономические стимулы для производства.

Китай не пошел по пути радикального перехода к новой экономической и политической системе, а сосредоточился на реформах, связанных с последовательным поэтапным переходом от плановой к рыночной экономике. По мнению Ли Теина, являвшегося прези-

дентом АОН Китая до 2003 г., «главным принципиальным моментом в теории реформы экономической системы в Китае явилась новая постановка целей экономической реформы в условиях социализма»¹⁰. На протяжении 20 лет с лишним реформы осуществлялись три основных экономических лозунга, соответствующие трем основным этапам перехода к рынку. **На первом этапе (декабрь 1978 г. — сентябрь 1984 г.)** был выдвинут лозунг «плановая экономика — основа, рыночное регулирование — дополнение». В этот период основное внимание уделялось деревне, в городе проводились эксперименты по расширению хозяйственной самостоятельности предприятий, создавались специальные экономические зоны (СЭЗ). **Для второго этапа (октябрь 1984 г. — декабрь 1991 г.)** — этапа развертывания реформ использовался лозунг «плановая товарная экономика». Центр тяжести реформы переместился из деревни в город, государственные предприятия стали основным звеном реформы в целом, основное внимание уделялось реформе цен. При этом реформы стали постепенно распространяться на социальную сферу, развитие науки, техники и образования. **Третий этап проходил с начала 1992 г. до 2002 г.** под лозунгом «социалистической рыночной экономики». На этом этапе формировалась новая экономическая система, где самым главным являлись дальнейшее расширение и развитие рынка, создание новой системы управления предприятиями, а также формирование новой системы макрорегулирования и контроля со стороны государства.

С 2003 г. начался четвертый этап реформы, который на 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.) был обозначен как «этап совершенствования социалистической рыночной экономики». Поставлена задача совершенствования институциональных механизмов рыночной экономики, что включает в себя выявление ведущей роли рынка в сфере распределения ресурсов, усиление живучести и конкурентоспособности предприятий, оздоровление государственного макрорегулирования, совершенствование административного управления и функций общественных организаций (общественного сервиса), создание эффективной системы социального обеспечения в интересах всестороннего построения общества «малого благоденствия» (*сяокан*)¹¹.

Надо отметить, что первые два этапа при переходе к рынку были подготовкой для реализации концепции экономической реформы в Китае и лишь в ходе третьего этапа происходил переход к рыночной экономике, построенной на основе всемерного развития предприятий различных форм собственности и постепенного допуска пред-

принимателей к участию в принятии государственных решений. В ходе реформы управления предприятиями все большее число рабочих и служащих становятся акционерами, на многие акционерные предприятия и предприятия с участием иностранного капитала административно-управленческий персонал набирается по конкурсу, а не по назначению КПК и других ведомств. В настоящее время происходит формирование новой экономической системы, где главным звеном является расширение и развитие рынка, создание новой системы управления предприятиями, формирование системы макрорегулирования и макроконтроля.

Впечатляющие результаты развития страны достигнуты в результате осмысленной проработки теоретических вопросов экономической реформы. В Китае отказались от бездумного использования монетаристских методов перехода к рыночной экономике, была выработана теория «социалистической рыночной экономики», которая и есть теория перехода от командно-административной, сверхцентрализованной экономики к рыночной, теория, благодаря которой «была не только переосмыслена традиционная теория плановой экономики, но и качественно развиты теоретические положения традиционной рыночной экономики»¹². Представляется обоснованной общая позиция руководства КНР к проведению реформы, обеспечивавшая постепенный переход к рыночной экономике без «шоковой терапии» и постоянное повышение жизненного уровня населения.

В настоящее время одним из основных приоритетов Китая является построение общества «малого благоденствия» (*сяокан шэцхуэй*). Достижение этой цели подразумевает значительное повышение жизненного уровня населения во всех регионах страны без исключения, что означает переход КНР от статуса развивающейся страны к статусу экономически развитой. Для достижения этих целей по планам китайского руководства предусматривается за 20 лет (с 2000 по 2020 г.) увеличить объем ВВП в 4 раза, что составит примерно 4 трлн. долл. Выполнение этих задач означает, что к 2020 г. он по совокупной экономической мощи обгонит все страны мира и вплотную приблизится к США.

Источники

¹ 1996—2050 нянь Чжунго цзинци шэцхуэй фачжань чжаньлюэ - цзоусян сяньдайхуады гоусян (1996—2050 гг. Стратегия социально-экономического раз-

- вития Китая — взгляды на пути модернизации. Пекин, 1996. С. 24—25.
- ² Там же. С. 35—43.
- ³ Подробнее см.: Там же. С. 36.
- ⁴ *Наумов И.Н.* Стратегия экономического развития КНР 1996—2020 гг. М., 2001. С. 11.
- ⁵ *Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжэоу.* Китайское чудо. М., 2001. С. 344.
- ⁶ Гуанмин жибао. 20.10.2000.
- ⁷ Жэньминь жибао. 29.02.2000; 28.02.2001; Чжунхуа жэньминь гунхэго 2006 нянь гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань тунци гунбао (Статистическая сводка об экономическом и социальном развитии народного хозяйства КНР в 2006 г. <http://www.stats.gov.cn>).
- ⁸ Жэньминь жибао. 14.03.2006.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Цюши. 1999. № 6. С. 20.
- ¹¹ Чжунгун Чжунъян гуаньюй ваньшань шэхуэйчжуи шичан цзинци тичжи жогань взньти дэ цзюэдин (Постановление ЦК КПК о некоторых вопросах совершенствования системы социалистической рыночной экономики). Пекин, 2003. С. 12—14.
- ¹² Цюши. 1999. № 6. С. 19.

ОБ УРОВНЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ

Как отмечалось в документах XVI съезда КПК (ноябрь 2002 г.), Китай успешно справился с задачами первого и второго этапа программы “трех шагов”, что позволило решить задачу “обогреть и накормить” народ (*вэньбао*) и обеспечить повышение жизненного уровня населения. Началась реализация третьего этапа программы, целью которого является выход на уровень экономически развитых стран (1).

В КНР признают трудности, с которыми столкнулась страна при переходе от плановой к рыночной экономике, такие, как наличие противоречий между растущими потребностями народа и отсталым общественным производством, сохранение больших межрегиональных различий. По-прежнему велика доля бедного населения, увеличивается доля людей пожилого возраста, не решены задачи трудоустройства и социального обеспечения. На XVI съезде КПК было объявлено, что сохраняющиеся и возникающие проблемы можно решать только на основе осуществления стратегических задач “третьего шага” модернизации и всестороннего построения “общества малого благоденствия” (*сяокан шэжунь*). В этих целях намечено увеличить к 2020 г. валовой внутренний продукт в 4 раза по сравнению с 2000 г. (в пересчете по официальному валютному курсу - свыше 4 трлн.долл.), значительно усилить совокупную мощь страны и международную конкурентоспособность, осуществить в основном индустриализацию, создать совершенную систему рыночной экономики и открытую экономическую систему, повысить удельный вес городского населения, устранить тенденции к увеличению различий между промышленностью и сельским хозяйством, городом и деревней, отдельными регионами, совершенствовать систему социального обеспечения, сделать более полной общественную занятость, повышать доходы населения и обеспечить народу более зажиточную жизнь.

Анализ материалов XVI съезда КПК показывает, что в Китае видят дальнейшие пути социально-экономического развития страны не в ускоренной приватизации государственных предприятий, не в тотальной либерализации цен, а в расширении внутреннего спроса и переходе к активной финансовой и умеренной монетаристской политике. Материалы, посвященные анализу итогов 9-й пятилетки и задачам 10-й пятилетки, опубликованные в газете «Чжунго шичан цзинцзи бао» в марте—апреле 2001 г., показали реалистичность намеченной китайским руководством программы социально-экономического развития страны². Что бы ни говорили, но Китай стал одной из немногих стран в Восточной Азии, которая смогла сравнительно безболезненно преодолеть негативные последствия азиатского финансового кризиса и в целом решить кризис внутреннего спроса. Оказалось, что КНР успешно противостоит негативному влиянию мировых кризисных явлений, не допустила девальвации своей валюты в отличие от большинства стран Азии и мира.

На наш взгляд, продолжающийся уже более 20 лет рост китайской экономики определяется двумя основными факторами — внутренним и внешним. В 2006 г. темпы роста ВВП составили 10,5%, а его общий объем превысил показатель 20 трлн. ю., объем внешней торговли увеличился до 1,761 трлн. долл., прямые иностранные инвестиции составили 73,5 млрд. долл., а объем золотовалютных запасов превысил 1 трлн. долл. (табл. 1)³.

В качестве главного внутреннего фактора развития следует признать взвешенную социально-экономическую политику, направленную не на ускоренную приватизацию государственных предприятий и тотальную либерализацию цен по всей стране, а на расширение внутреннего спроса и переход к активной финансовой и умеренной монетаристской политике.

На наш взгляд, одним из главных факторов, обеспечивающих высокие показатели экономического роста в начале XXI в., является рыночный спрос, создающий важные экономические стимулы для производства. По оценкам экспертов ГСУ КНР, выделены семь основных факторов, которые способствуют и в дальнейшем будут способствовать экономическому развитию страны: 1) рост рыночного спроса на селе; 2) рост потребления услуг населением в сфере образования, культуры и здравоохранения; 3) приобретение личных автомобилей; 4) выпуск облигаций государственного займа для капитального строительства и развития инфраструктуры; 5) увеличение расходов горожан на покупку жилья; 6) рост инвестиционного спроса предприятий; 7) расширение внешнего рынка после вступления КНР в ВТО⁴.

**Основные показатели экономического развития КНР
до и после вступления в ВТО в 2001 г.**

	1990	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Валовой внутренний продукт, млрд. ю.	1867	10 966	12 033	13 583	15 988	18 367	20 940
Внешняя торговля, млрд. долл.	115,4	509,6	620,8	851,0	1154,5	1422	1761
<i>в том числе:</i>							
экспорт	62,1	266,1	325,6	438,2	593,3	762,0	969
импорт	53,3	243,5	295,2	412,8	561,2	660,0	792
Объем иностранных инвестиций, млрд. долл.	10,3	49,7	55,0	56,1	64,1	63,8	73,5
Объем золотовалютных запасов, млрд. долл.	11,09	212,2	286,4	403,2	609,9	818,9	1066

Источник: Чжунго тунцзи чжайяо-2007. Пекин, 2007. С. 19, 87, 177, 186.

В начале декабря 2002 г. на заседании Политбюро ЦК КПК под руководством генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао был дан анализ экономической ситуации в стране и рассмотрены вопросы работы в области экономики в 2003 г. По итогам обсуждения в Пекине состоялось рабочее совещание, на котором были намечены цели и задачи развития китайской экономики на новом этапе реформы. На совещании отмечалось, что «с 1998 г. в результате азиатского финансового кризиса и колебаний мировой экономики в стране проводился курс на расширение внутреннего спроса, активную финансовую политику и умеренную денежную политику, тем самым сохранился быстрый экономический рост»⁵.

Однако далеко не все согласны с оптимистическими прогнозами социально-экономического развития КНР. Многие зарубежные ученые считают, что через 5—10 лет экономика Китая в процессе перехода к рынку после вступления в ВТО и снятия тарифных и нетарифных ограничений на пути импорта начнет разваливаться, что приведет к фундаментальному изменению китайской политики и даже к распаду страны. Наиболее яркими образцами такого рода взглядов являются работы американца китайского происхождения Гордона Чана, прожившего несколько лет в Шанхае и имевшего там юри-

дическую практику, статья профессора Питтсбургского университета Томаса Равски, а также выступление профессора Пенсильванского университета, директора Института Американского эксперимента Артура Уолдрона на встрече американских и российских экспертов в Москве в сентябре 2002 г.⁶ В этих работах излагаются основные факторы, которые, по мнению авторов, могут привести к распаду страны — экономические последствия от вступления Китая в ВТО, закрытие большого количества нерентабельных предприятий, растущее число безработных, увеличивающийся разрыв в доходах между богатыми и бедными и между приморскими и внутренними районами страны, рост забастовок и трудовых конфликтов, нарастающий банковский кризис из-за наличия большого количества невозвратных долгов крупных государственных предприятий, развал рынка акций (наподобие обвала пирамиды ГКО в России в 1998 г.), экологические бедствия и другие вызовы экономике и обществу. Кроме того, ряд исследователей считают, что публикуемые ГСУ КНР статистические данные являются завышенными, и мировое сообщество переоценивает основные экономические показатели КНР, такие, как валовой внутренний продукт, валовая продукция промышленности и сельского хозяйства, розничный товароборот, объем внутренних инвестиций, собираемость налогов в государственный бюджет и многое другое.

Аналогичные взгляды представлены и в Китае. Так автор одной из статей в Интернете Чэн Сяонун полагает, что в последние два-три года происходит уродливое расширение «третьей» сферы за счет развития «первой» и «второй» сферы и замещение плановой экономики не рыночной экономикой, а «экономикой элиты». Большинство отраслей «первой» и «второй» сферы испытывают трудности с получением инвестиций, сокращается финансовая база реформ в результате оттока капиталов за рубеж, происходит дальнейшее социальное расслоение в китайском обществе при уменьшении числа рабочих мест⁷.

В России некоторые китаеведы, в частности В.Гельбрас, также склоняются к тому, что китайские статистические данные завышены, реальные показатели китайской экономики ниже, чем данные различных китайских статистических сборников. Такой вывод сделан на основе расхождения данных по темпам прироста ВВП и потребления всех видов энергии и объемов грузоперевозок и грузооборота⁸. Вместе с тем высказывается и противоположная точка зрения, которой придерживается А.Н.Анисимов. Он считает, что показатели китайской экономики недооценены из-за суженной учетной

статистической базы, многие статистические данные публикуются с различным уровнем репрезентативности, а немалая часть производства вообще статистически не фиксируется⁹. Имеются также и промежуточные оценки состояния китайской экономики (Л.И.Кондрашова, В.Я.Портяков), суть которых сводится к тому, что все же целесообразно ориентироваться на публикуемые в КНР статистические данные о состоянии китайской экономики, тем более, что в китайской статистической литературе регулярно проводится пересмотр статистических данных с учетом вновь выявленных обстоятельств¹⁰.

Хотя многие сомневаются в качестве китайской статистики и считают, что основные экономические показатели искажены, на наш взгляд, большинству показателей можно доверять, так как они коррелируются друг с другом. Проанализируем качество только одного показателя — объема ВВП на 2001 г., составлявшего тогда 9434,64 млрд. ю. и пересмотренного ГСУ КНР в сторону увеличения в конце 2005 г. до 10 965,52 млрд. ю. Этот показатель можно рассчитать двумя способами, исходя из других данных, которые легко проверить на практике. Американский китаевед Н.Ларди из Института Брукингса провел расчеты, сопоставляя объемы внешнеторгового оборота и ВВП с 1997 по 2001 г., которые весьма трудно исказать, опираясь на данные по объему импорта и объему таможенных сборов. На наш взгляд, Н.Ларди справедливо считает, что при всех допущениях и искажениях показателей финансовых поступлений от импорта с 1997 г. обменный курс юаня к доллару практически не изменился и рост объемов импорта можно объяснить только соответствующим ростом ВВП¹¹. Кроме того, на наш взгляд, при разных способах расчета объемов внешней торговли и валового внутреннего продукта доля объема внешней торговли КНР никак не может быть выше половины объема ВВП, что также подтверждает мнение Н.Ларди.

Наш способ связан с показателями среднегодового дохода на душу населения в 2001 г. — 3608 ю. (436 долл. в год, или 36,35 долл. в месяц). Он настолько реалистичен и легко проверяем, что его активно использует Гордон Чан в своей работе, доказывая, какой низкий жизненный уровень населения сохраняется в Китае. Однако легко заметить, что если доля потребления населения в фонде потребления составляет 77,7%, органов управления всех ступеней — 22,3%, а фонд потребления в КНР — 60,6% при общей официальной численности населения на 2001 г. (через год после проведенной 5-й Всекитайской переписи населения) — 1,276 млрд. человек, то,

по этим расчетам, объем ВВП будет несколько выше первоначального официального показателя ВВП, но ниже пересмотренного в 2005 г. и составит примерно 9966,5 млрд. ю.¹² Таким образом, более низкий показатель ВВП в 2001 г. может получиться у нас в четырех случаях: 1) общая численность населения КНР ниже официальной, что маловероятно (скорее она будет выше с учетом тенденций к занижению численности детей в семье при проведении 5-й Всекитайской переписи населения в 2000 г.); 2) доля потребления населения в общем фонде потребления будет еще выше за счет значительного уменьшения доли потребления административно-управленческого аппарата, что также представляется сомнительным; 3) фонд потребления в объеме ВВП должен заметно увеличиться, но тогда становится неясным, откуда в КНР за последние годы получен такой приток внутренних инвестиций (в среднем на 36,9% в год за 1991—1995 гг. и на 11,2% в год за 1996—2000 гг.)¹³; 4) еще более занижен показатель валового дохода на душу населения, который по западным критериям и так довольно низкий. При этом следует отметить, что, как правило, валовой доход на душу населения во многих странах мира занижен из-за недоучета неохваченных статистикой многочисленных побочных доходов различных категорий населения, особенно в условиях рыночной экономики. Как нам представляется, это явление наблюдается и в Китае, где почти все социальные слои населения — особенно кадровые работники (*ганьбу*), предприниматели и крестьяне — не склонны показывать свои реальные доходы из-за боязни дополнительного налогообложения в различных формах.

Так что приходится признать, что данным статистики КНР в целом доверять можно (разумеется, при определенных ограничениях), и они подтверждают заметные успехи в развитии экономики, которых Китай добился за годы реформы. Тем не менее, из этих же статистических данных следует, что хотя неуклонно происходит нарастание экономической мощи Китая и повышение его роли в мировой экономике, однако по объему душевого ВВП он занимает 140-е место в мире из 260 стран и регионов мира, более чем в 30 раз уступая уровню развитых стран. Такая же тенденция сохраняется и при анализе натуральных объемов производства основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции. С одной стороны, Китай по объему производства многих натуральных показателей находится на 1—4-м местах в мире (хлопок, фрукты, мясо, рыба, яйца, зерновые, масличные — на 1-м месте, шерсть, чайный лист — на 2-м, соя и бобовые — на 4-м, уголь, цемент, химические удобрения, сталь

и прокат — на 1-м, электроэнергия и хлопчатобумажные ткани — на 2-м). С другой стороны, по объему промышленной и сельскохозяйственной продукции на душу населения КНР по-прежнему отстает от развитых стран мира, а по производству молочных продуктов, являющихся одной из важных характеристик потребления белка, и от многих развивающихся стран мира.

За 50 лет с лишним экономическая мощь Китая резко возросла, причем по большей части не за счет развития так называемой «третьей сферы» — транспорт, услуги, финансы, торговля недвижимостью и др., а за счет «второй сферы» — промышленность и капитальное строительство. Общее число промышленных предприятий за 50 лет выросло почти в 10 раз, стоимость их основных производственных фондов — в 462 раза, более чем в 100 раз — стоимость валовой промышленной продукции. Все это материально выражается в достигнутых объемах производства натуральной продукции — от хлопчатобумажной ткани до электроэнергии и стали (табл. 2).

Как считает большинство аналитиков, именно первые два десятилетия XXI в. определяют дальнейшие перспективы экономического развития КНР. Многое будет зависеть от того, насколько быстро Китай сможет перестроиться в сфере реального производства и обеспечивать выпуск необходимой стране продукции в новых условиях глобализации. По мнению участников Всекитайского рабочего совещания по проблемам экономики, организованного ЦК КПК и Госсоветом КНР в 2002 г., темпы роста валового внутреннего продукта в начале XXI в. составили около 8%, а до 2010 г. они будут не ниже, чем в 2002 г. — 8,0—8,7%, хотя по зарубежным прогнозам даются более скромные оценки¹⁴. В частности, по оценкам профессора А.Кейдла (Джорджтаунский университет, США), темпы роста ВВП Китая составят в среднем от 6,5 до 8,5% в 2000—2015 гг., по прогнозам А.Мэддисона, показатель темпов роста ВВП в этот период должен снизиться с 7,5 до 5,5%, по оценкам Дж. Сигала, директора Института стратегических исследований в Лондоне, должен быть ниже на 2—2,5 процентных пункта и составить 5,5—6,0% в год, по оценкам Мирового банка — 6,6%, а по прогнозу профессора Стэнфордского университета Лоуренса Лау — 9% в год¹⁵. Как мы видим, разброс оценок в прогнозах развития китайской экономики на ближайшее десятилетие довольно велик — от 2,0—2,5% прироста ВВП в год (Т.Равски) до 9,0% в год (Л.Лау). На наш взгляд, основными факторами, которые будут оказывать влияние на этот показатель, являются возможности урегулирования экономической структуры с тем, чтобы можно было трудоустроить избыточную рабочую силу, а

**Производственные мощности и объем промышленного
производства основных видов продукции КНР в 1952—2005 гг.**

	1952	1957	1965	1978	1984	1990	2000	2005
Общее число промышленных предприятий, тыс.	...	169,5	157,7	348,4	437,2	504	1329,4	1375,3
Численность занятых в промышленности, млн. человек	12,460	14,01	18,23	50,09	63,38	76,63	89,24	93,0
Стоимость основных производственных фондов, млрд. ю.	24,06	52,29	144,58	448,82	737,05	1595,3	12621,1	24070,7
<i>из них:</i>								
в промышленности на предприятиях госсектора, млрд. ю.	10,72	27,22	96,1	300,22	480,64			11896
Стоимость валовой продукции промышленности, млрд. ю.	34,9	70,4	140,2	160,7	278,9	685,8	4003,4	7723,1
Производство основных видов промышленной продукции:								
ткань, млрд. м	3,83	5,05	6,28	11,03	13,7	18,88	27,7	48,4
электроэнергия, млрд. кВт.-ч.	7,3	19,3	67,6	256,6	377,0	753,9	1355,6	2500,3
уголь, млн. т	66,0	131,0	232,0	618,0	789,0	1080	1299	2205
нефть, млн. т	0,4	1,46	11,31	104,05	114,61	142,1	163,0	181,4
сталь, млн. т	1,35	5,35	12,23	31,78	43,47	66,35	128,5	353,2
цемент, млн. т	2,88	6,86	16,34	65,24	123,02	308,2	597,0	1068,8

Источники: Китайский статистический ежегодник (Чжунго тунцзи няньцзянь-1981). С. 7, 8; Китайский статистический справочник (Чжунго тунцзи чжайяо-1986). С. 4, 12; Китайский статистический ежегодник (Чжунго тунцзи няньцзянь-1987). С. 221, 33, 115, 22–26; Чжунго тунцзи няньцзянь-1997. С. 26, 27, 39, 412; Чжунго тунцзи няньцзянь-2001. С. 24–25, 114; Statistical Yearbook of China-1985. P.13, 19, 306, 213, 305; China Statistical Yearbook-1988, P.15, 16, 124, 269, 23, 34; Китайский статистический ежегодник (Чжунго тунцзи няньцзянь-2006). С. 57, 561–562, 516, Китайский статистический справочник (Чжунго тунцзи чжайяо-2006). С.10, 140–141; Чжунго тунцзи чжайяо-2007. С. 19.

также последствия более тесной интеграции Китая в систему мировых хозяйственных связей после его вступления в ВТО.

Важным фактором развития экономики является урегулирование производственной структуры, что постепенно уменьшает ее отличия от других стран. В 1990-е годы произошли значительные изменения в структуре ВВП Китая, выражающиеся в увеличении доли «третьей» сферы, сокращении доли «первой» сферы и сохранении на прежнем уровне «второй» сферы. Однако при сравнении отрасле-

вой структуры ВВП как с развитыми, так и с развивающимися странами легко обнаружить, что доля «первой» и «второй» сферы в КНР намного выше, чем во многих странах мира. Таким образом, у Китая обнаруживаются существенные резервы экономического развития при условии значительного повышения производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве и создания большого количества рабочих мест в «третьей» сфере, прежде всего, в сфере услуг, которая является наиболее трудоемкой. На наш взгляд, именно в создании дополнительных рабочих мест и увеличении занятости населения в «третьей» сфере в ходе реформы крупных предприятий государственного сектора и неизбежном сокращении численности занятых на них скрыты дополнительные резервы развития китайской экономики в XXI в.

По расчетам китайских экономистов, в 2000 г. скрытая безработица составляла 183,5 млн. человек (или 26,65% предложения рабочей силы), в то время как в 2010 г. она должна сократиться до 130 млн. человек (16,9% предложения рабочей силы)¹⁶. По данным на конец 2005 г., соотношение занятых в «первой», «второй» и «третьей» сферах составляло 44,8 : 23,8 : 31,4¹⁷, в то время как по тем же расчетам китайских экономистов, для КНР оптимальное соотношение занятых между тремя сферами должно составлять 34 : 32 : 34. Таким образом, одной из важнейших проблем китайской экономики является постоянное увеличение рабочих мест для трудоустройства избыточной рабочей силы, которые могут быть созданы как в отраслях «второй» сферы (промышленность и капитальное строительство), так и «третьей» сферы (торговля, транспорт, услуги и все отрасли непродовольственной сферы). Однако, как мы видим, в настоящее время основные резервы лежат в оттоке экономически активного населения из сельского хозяйства в промышленность, в то время как сфера услуг уже почти вся заполнена.

Как показала практика китайских реформ, именно от возможностей трудоустройства избыточной рабочей силы в промышленности, капитальном строительстве, транспорте, торговле, в сфере услуг и других отраслях непродовольственной сферы будут зависеть перспективы социально-экономического развития страны. На сегодняшний день основным недостатком и в то же время основным преимуществом китайской экономики является масса избыточной дешевой рабочей силы по сравнению с другими странами мира. Это является как огромным преимуществом для предприятий легкой и текстильной промышленности, которые благодаря дешевизне рабочей силы из года в год наращивают экспорт продукции за рубеж, так

и становится фактором притяжения иностранных инвестиций на территорию КНР. В результате привлечения иностранных инвестиций в стране создаются совместные предприятия на основе самых современных технологий в различных отраслях, продукция которых является конкурентоспособной внутри страны и за рубежом.

При этом следует отметить, что абсолютно несостоятельными выглядят утверждения западных экономистов об «излишней зависимости китайской экономики от иностранных капиталовложений и рынков сбыта, когда половина торгового оборота зависит от иностранных инвестиций»¹⁸. Например, как показывают данные экономического ежегодника «Чжунго тунци чжайяо-2002», доля иностранных инвестиций в общем объеме инвестиций в капитальное строительство в 2000—2001 гг. составляла 6,5—6,85% (на техническую реконструкцию — 4,2—4,3%, на освоение производственных площадей и развитие производства — 1,5—2,4%). Эти показатели не идут ни в какое сравнение как с долей самофинансирования предприятий в общем объеме инвестиций в капитальное строительство — 45% (в техническую реконструкцию — 70,9%, на освоение производственных площадей и развитие производства — 24,3%), так и с долей внутренних кредитов (в капитальное строительство — 24,6%, в техническую реконструкцию — 18,4% и на освоение производственных площадей и развитие производства — 19,0%)¹⁹. Более поздние статистические данные по инвестициям в основные производственные фонды также показывают, что доля иностранных инвестиций в общем объеме инвестиций в китайскую экономику невелика. В частности, в 2005 г. большую часть инвестиций в основные производственные фонды составляли собственные средства предприятий — 74,1% всех инвестиций, на долю внутренних кредитов приходилось 17,3%, на долю средств из государственного бюджета — 4,4% и иностранных инвестиций — всего 4,2%²⁰. Более того, при анализе всего динамического ряда по объемам и структуре инвестиций в основные производственные фонды КНР за годы реформ — с 1981 по 2005 г. — выясняется, что за этот период произошло заметное сокращение доли инвестиций из государственного бюджета — с 28,1% общего объема инвестиций в 1981 г. до 4,4% в 2005 г. — и соответствующее увеличение инвестиций за счет собственных средств предприятий — с 55,4% в 1981 г. до 74,1% в 2005 г. Доля банковских кредитов за эти годы сохранялась на уровне 15-20% от общего объема инвестиций в основные производственные фонды, а доля иностранных инвестиций оставалась на уровне 4—7% общего объема всех инвестиций, за исключением периода 1995—1998 гг., когда она уве-

личивалась до 9—11% общего объема инвестиций. Таким образом, зависимость китайской экономики от иностранных инвестиций невелика, а если предположить, что утечка капиталов за рубеж составляет 20—30 млрд. долл. за последние несколько лет, то роль иностранных инвестиций в формировании высоких темпов экономического роста становится еще менее значительной. Как представляется, дальнейшие перспективы социально-экономического развития Китая в значительно большей мере зависят от различных внутренних социально-экономических факторов, а не внешних.

За 20 лет с лишним Китай прошел путь от социалистической плановой экономики к социалистической рыночной экономике. В КНР поняли, что главным в социализме является не плановый характер экономики, а постоянное развитие производительных сил, которое обеспечивает неуклонный рост жизненного уровня всего населения страны, следовательно, необходимо стремиться к оптимальному сочетанию плановых и рыночных форм хозяйствования в экономике. Как говорил Дэн Сяопин во время «урегулирования» экономики после провала “большого скачка” (1958—1960 гг.), обосновывая необходимость временного отхода от централизованного управления и предоставления большей хозяйственной самостоятельности отдельным предприятиям, «не важно, какая кошка — черная или белая, лишь бы она ловила мышей». В данном случае, новая теоретическая постановка целей экономической реформы давала новые приоритеты в экономическом строительстве, определяемые не темпами социально-экономических преобразований и достижением высоких плановых показателей, а была направлена на формирование качественных изменений в экономике, связанных с проявлением роли рыночного механизма при распределении ресурсов и совершенствованием форм и методов государственного регулирования в условиях рынка для повышения экономической эффективности производства.

КНР оказалась одной из тех стран, где были учтены все эти проблемы и закономерности при проведении реформы. До сих пор в Китае так и не была проведена приватизация. Либерализация цен сдерживалась в результате использования трех видов цен — директивных (на продукцию госпредприятий, в первую очередь на сырье, электроэнергию и транспортные услуги, а также зерновые), индикативных (отклоняющихся от директивных цен вверх и вниз на 20% под воздействием спроса и предложения на рынке) и свободных рыночных цен. Повсеместно как в городе, так и в деревне развивались малые и средние предприятия. В начале 1980-х годов была вве-

дена в обращение «промежуточная» валюта — переводной юань (наподобие золотого червонца 1920-х годов в России) для расчетов во внешней торговле для китайских юридических лиц и иностранцев. С 1983 г. в КНР появился «двойной» государственный бюджет — государственный бюджет и бюджет капитального строительства, формирующийся за счет строительного налога и др. Таким образом, *китайская практика показывает, что при переходе к рынку по китайскому образцу вполне можно избежать большей части возможных негативных последствий и обеспечить достижение стабильных устойчивых темпов роста.*

Основой успехов китайской реформы, так же, как Японии и «четырёх азиатских драконов» — Сингапура, Республики Корея, Тайваня и Гонконга, стал отказ от стратегии догоняющего развития и переход к стратегии сравнительных преимуществ, которая позволяет выйти на границу предельных производственных возможностей и раскрыть имеющиеся у Китая сравнительные преимущества по ресурсам — занять избыточную рабочую силу в трудоёмких отраслях.

По мнению академика Д.С.Львова, существуют три основных источника поступления в госбюджет — труд, капитал и рента с природных ресурсов. На наш взгляд, это соответствует трем основным факторам производства — рабочая сила, инвестиции и природные ресурсы (включая землю). До начала реформы в условиях Китая дефицитным фактором — в особенности в расчете на душу населения — были природные ресурсы, избыточным — рабочая сила и инвестиции; в условиях России — дефицитным фактором была рабочая сила, а избыточным — природные ресурсы и инвестиции. В процессе перехода к рынку как в КНР, так и в РФ инвестиции превратились в дефицитный фактор из-за роста цен на капитал, в то время как рабочая сила оставалась избыточной в Китае и дефицитной в России, а природные ресурсы наоборот — избыточными в России и дефицитными в Китае.

В КНР на основе стратегии сравнительных преимуществ стали развивать трудоёмкие отрасли производства — сельское хозяйство, легкую промышленность, торговлю, услуги, что позволило обеспечить прирост дефицитных ресурсов за счет выхода отраслей на предел производственных возможностей. В России также стали активно развиваться отрасли промышленности, связанные с производством избыточных природных ресурсов — нефть, газ, лес, рыба, черные и цветные металлы и др. Однако в КНР происходило перераспределение доходов через двухколейную систему цен, распределение ресурсов и через государственный бюджет. Передача прав

предприятиям и разрешений им распоряжаться прибылью на микроуровне стимулировали создание новых ресурсов и их размещение в подавляемых отраслях экономики в погоне за прибылью. Это обусловило высокий экономический рост и упорядочение отраслевой структуры с помощью государственной политики налоговых и кредитных льгот для убыточных или малорентабельных, а также техномемких отраслей с высоким порогом инвестиций — электроника, угольная, машиностроение, приборостроение и др.

В России сложилась принципиально иная ситуация. Как отметил академик Д.С.Львов, большая часть доходов государственного бюджета поступает от таких источников, как труд и капитал, которые являются дефицитными в России в настоящее время. В то же время от природной ренты, которая должна быть основным источником дохода госбюджета, поступления невелики. По оценкам ученого, примерно 92% дохода от ренты оказались приватизированы. Это затрудняет формирование доходной части государственного бюджета и лишает государство возможности проводить научно-промышленную политику, которая позволила бы в полной мере обеспечить преимущество России в научно-технических ресурсах²¹. На наш взгляд, следует согласиться с предложением Д.С.Львова и перейти на рентную систему налогообложения, а также вернуться к государственной монополии на табак и алкоголь (а также сахар) и освободить обрабатывающую промышленность (особенно науко- и техномемкие отрасли) на 3 года от налогов. Также представляется целесообразным усилить руководство со стороны государства добывающими отраслями промышленности — транспорт, энергетика, газовая, нефтяная — посредством назначения на должность управляющих своих представителей и с помощью контрольного пакета акций в руках государства.

Это позволило бы резко повысить доходы госбюджета в результате наращивания производственного потенциала, достижения необходимого прироста дополнительных ресурсов, в том числе инвестиционных, и обеспечить необходимый контроль за ростом индивидуальных доходов, и проводить разумную социальную политику, направленную на повышение рождаемости. В результате образовавшийся дополнительный доход можно было бы направить на создание зон технико-экономического развития (ЗТЭР) на базе академгородков (наподобие зоны Синьчжу на Тайване, Цукуба в Японии, Чжунгуаньцунь в КНР и т.д.) для развития передовых наукоемких технологий в России, которым нет аналога на мировом рынке. Таким образом, *главным в китайском опыте перехода к рынку для Рос-*

сии является не только переход к стратегии сравнительных преимуществ, но и усиление роли государства в регулировании рынка вообще и в выработке научно-промышленной политики в частности.

Источники:

- ¹ Гуанмин жибао. 09.11.2002; 24.10.2000.
- ² Подробнее см.: Китай: фундамент успехов XXI века / Под ред. Титаренко М.Л., М.: ИДВ РАН, 2002.
- ³ Чжунхуа жэньминь гунхэго 2006 нянь гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань тунцзи гунбао (Статистическая сводка об экономическом и социальном развитии народного хозяйства КНР в 2006 г.). <http://www.stats.gov.cn>.
- ⁴ Подробнее см.: Цзинцзи жибао. 14.01.2002.
- ⁵ Жэньминь жибао. 11.12.2002.
- ⁶ Подробнее см.: *Chang G.* The Coming Collapse of China, New York, Random House, 2001; *Rawski T.* What's Happening to China's GDP Statistics?//China Economic Review. 2001. V. 12. No. 4. P. 298–302; *Уолдрон А.* США, Китай, Россия: проблема стратегического партнерства //Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 6. С. 36–39.
- ⁷ КНР: итоги и перспективы экономического развития (2001–2002 гг.) / Сост. Жигулева В.В. // Экспресс-информация № 8. М.: ИДВ РАН, 2002. С. 59–64.
- ⁸ *Гельбрас В.Г.* Китай: «у пчелы спина полосатая, но тигром ее не назовешь»// Вопросы экономики. 2003. № 3. С. 61–75.
- ⁹ *Анисимов А.Н.* К оценке реального потенциала народного хозяйства КНР // Российский экономический журнал. 1994. № 7. С. 82.
- ¹⁰ Например, см: *Кондрашова Л.И.* Китай ищет свой путь. М., ИДВ РАН, 2006. С. 225–237; *Портяков В.Я.* От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI в. М.: ИДВ РАН, 2006. С. 92–101.
- ¹¹ *Lardy N.* China and the WTO: The Coming Collapse?//Issues and Studies, June 2002. P. 238–240.
- ¹² Чжунго тунцзи чайяо-2002 (Китайский статистический справочник-2002), Пекин, 2002. С. 6, 12, 13, 32.
- ¹³ Там же. С. 12–13, 32.
- ¹⁴ Жэньминь жибао. 09.12.2002.
- ¹⁵ Подробнее см.: Экономика КНР на переломе веков / Сост. Жигулева В.В. // Информационные материалы. Серия А. Проблемы экономического развития в Северо-Восточной Азии. Вып. 17. М.: ИДВ РАН, 2001. С. 124–127.
- ¹⁶ 1996–2050 нянь Чжунго цзинцзи шэхуэй фачжань чжаньлюэ - цзоусян сяньдайхуады гоусян (1996–2050 гг. Стратегия социально-экономического развития Китая — взгляды на пути модернизации. Пекин, 1996. С. 478.
- ¹⁷ Чжунго тунцзи няньцзянь-2006 (Китайский статистический ежегодник-2006). Пекин, 2006. С. 126.

- ¹⁸ Уолдрон А. США, Китай, Россия: проблемы стратегического партнерства // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 6. С. 37.
- ¹⁹ Чжунго тунцзи чжайяо-2002. С. 52, 55, 58.
- ²⁰ Чжунго тунцзи няньцзянь-2005. С. 191.
- ²¹ Львов Д.С. Концепция управления национальным имуществом. М., 2002. С. 4—5.

РЕФОРМА СОБСТВЕННОСТИ И СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯМИ

Одним из важных компонентов общей теории реформы экономической системы в КНР явилась **теория реформы собственности**. В Китае была полностью пересмотрена догма, согласно которой при социализме имела право на жизнь только одна форма собственности — общественная в ее двух видах — государственная (общенародная) и кооперативная (коллективная) собственность. Существование всех прочих форм собственности — частной, индивидуальной, государственно-частной, смешанной — практически отрицалось и отвергалось. Согласно китайской теории реформы собственности, при социализме может существовать многообразие форм собственности при наличии общественной собственности как основной. При этом были разделены понятия «общественная собственность» (*гунъючжи*) и «формы реализации общественной собственности» (*гунъючжиды шисянь синши*), что позволило начать проведение реформы на государственных предприятиях, связанной с внедрением акционерной системы управления и созданием системы корпораций.

Важнейшим фактором реформы стало постепенное формирование многоукладной экономики и конкуренции на товарном рынке. На первом этапе в ходе внедрения семейного подряда были созданы источники накопления в деревне, произошло развитие негосударственного сектора экономики в городах. Это позволило к середине 1980-х годов заложить основы для образования многоукладной экономики и формирования рынка средств производства, а также связанного с ним рынка недвижимости и ценных бумаг. В КНР этот рынок формировался не за счет приватизации и ваучеризации, а на базе развития негосударственных секторов экономики, и он сложился лишь к концу 1980-х годов. Еще позднее, в 1990-е годы, в КНР стало проводиться акционирование государственных предприятий как одна из форм реализации собственности. При этом контрольный

пакет создаваемого акционерного общества, как правило, оставался в руках государства. Процесс акционирования осуществлялся на основе формировавшегося в течение многих лет экономического законодательства при жестком контроле со стороны государства.

В результате за годы реформ с конца 1970-х годов произошли заметные изменения в структуре собственности, которые, на наш взгляд, лучше всего проследить на основе статистики сферы занятости на предприятиях различных форм собственности. Анализ изменений в структуре собственности по другим статистическим данным, таким, как показатели объема валового внутреннего продукта или стоимости основных производственных фондов по всем отраслям экономики и отдельно по промышленности, не сможет дать такой полной и всесторонней картины изменений в структуре собственности за годы реформы, как изменения в структуре занятости. Согласно приведенным ниже статистическим данным о структуре занятости на предприятиях различных форм собственности, за годы реформ (с 1978 по 2005 г.) произошли значительные изменения, связанные с увеличением численности занятых на предприятиях различных форм собственности, особенно в сферах индивидуальной и частной собственности (табл. 3).

К концу 1970-х годов подавляющее большинство предприятий представляли собой предприятия государственной и коллективной собственности. В городах — государственные и коллективные предприятия, которые отличались только степенью государственного вмешательства в оперативное управление производственным процессом, в сельской местности — народные коммуны, в которых основная масса населения была занята сельскохозяйственным производством и лишь небольшая часть занятых — вне сферы сельского хозяйства на волостно-поселковых предприятиях. До начала 1990-х годов на первых этапах реформы в городах происходил рост численности занятых на государственных и коллективных предприятиях, в сельской местности резко увеличилось количество волостно-поселковых предприятий и общая численность занятых на них. Однако наряду с этими процессами как в городе, так и в деревне зарождались предприятия новых форм собственности, прежде всего индивидуальные предприятия, по своей сути являющиеся семейными предприятиями, на которые нанималось не более 1-2 помощников или учеников, а также частные предприятия, куда привлекалось уже достаточно большое количество наемной рабочей силы.

Особенно интенсивно стали создаваться предприятия новых форм собственности с конца 1990-х годов после того, как началась

Изменения структуры занятости по формам собственности в КНР в 1978—2005 гг.

Распределение по формам собственности	Численность занятых, млн. человек				Удельный вес, %			
	1978	1992	2000	2005	1978	1992	2000	2005
Экономически активное население	401,5	655,5	711,5	758,3	100	100	100	100
Занятые в городах	95,1	172,4	212,7	273,3	23,7	26,3	29,9	36,0
<i>в том числе на предприятиях:</i>								
государственной собственности	74,51	108,9	81,02	64,88	18,6	16,7	11,4	8,6
коллективной собственности	20,48	36,21	14,99	8,10	5,1	5,5	2,1	1,1
кооперативной собственности			1,55	1,88			0,2	0,24
смешанных форм собственности		0,56	0,42	0,45		0,08	0,06	0,06
компаний с ограниченной ответственностью			6,87	17,50			0,97	2,3
акционерных компаний частных		...	4,57	6,99		...	0,64	0,92
с участием иностранного капитала из Гонконга, Тайваня и Макао		0,98	12,68	34,58		0,15	1,75	4,6
с участием иностранного капитала		0,83	3,10	5,57		0,13	0,44	0,73
индивидуальных		1,38	3,32	6,88		0,21	0,47	0,9
Занятые в сельской местности	306,4	483,1	498,7	484,9	76,3	73,7	70,1	64,0
<i>в том числе:</i>								
волостно-поселковые предприятия	28,3	106,3	128,2	142,7	7,0	16,2	18,0	18,8
частные предприятия индивидуальные		1,34	11,4	23,66		0,2	1,6	3,1
предприятия		17,3	29,3	21,23		2,6	4,1	2,8

Составлено по: Шэхуэйсюэ яньцзю. 1986. № 6. С. 20; China Statistical Yearbook-1988. P. 123, 125, 251, 257; Чжунго тунци няньцзянь-1997. С. 96—97; Чжунго тунци няньцзянь-2001. С. 107; Чжунго тунци няньцзянь-2006. С. 128—129.

кампания по сокращению избыточной рабочей силы на государственных и коллективных предприятиях в городах (*сяган*). Для того чтобы прокормиться, уволенные рабочие и служащие были вынуждены сами создавать предприятия различных форм собственности, чаще всего индивидуальные или частные, или наниматься на работу на эти предприятия. Об этом красноречиво свидетельствует статистика занятости на предприятиях различных форм собственности с 1992 по 2005 г. Общая численность занятых на предприятиях государственной собственности за этот период сократилась со 108,9 млн. человек в 1992 г. до 64,9 млн. человек в 2005 г., а общая численность занятых на предприятиях коллективной собственности вообще уменьшилась за этот период с 36,2 млн. до 8,1 млн. человек. В результате доля занятых на предприятиях государственной и коллективной собственности в городах уменьшилась в 2005 г. до 9,7% экономически активного населения по сравнению с 23,7% в 1978 г.

Как видно из анализа статистических данных о занятости населения за 1978—2005 гг., наряду с государственными формами собственности стали возникать и другие негосударственные (или необщественные) формы собственности. Здесь преобладали предприятия индивидуального (с числом наемных рабочих не более 6 человек) и частного (с числом наемных рабочих более 6 человек) секторов. За этот период на предприятия частного сектора было трудоустроено 58,2 млн. человек и индивидуального сектора — 49,0 млн. человек. В результате к 2005 г. доля занятых на предприятиях частного и индивидуального сектора в городе и деревне составила 14,2% общей численности экономически активного населения.

К этому следует добавить, что понятие «волостно-поселковые предприятия» в китайской трактовке достаточно размыто, на практике они не являются в чистом виде коллективными предприятиями, а по сути дела — частными либо акционерными. Как правило, в период реформ эти предприятия в основном создавались либо на средства местных кадровых работников, либо богатых крестьян, либо на основе паевых взносов и тех и других. Помимо этого, в ходе привлечения иностранного капитала в КНР стали создаваться предприятия новых форм собственности, связанные с различными формами управления этим капиталом. К ним относятся такие формы собственности, как предприятия кооперативной собственности, смешанные, предприятия с ограниченной ответственностью, акционерные, с участием иностранного капитала и предприятия с участием иностранного капитала из Гонконга, Макао и Тайваня. Однако, несмотря на политику открытости и привлечения иностранного капитала в экономику страны, доля

предприятий этих форм собственности в китайской экономике была невелика. Об этом можно судить хотя бы по тому, что доля занятых на предприятиях всех этих форм собственности в 2005 г. едва превышала показатель 5% экономически активного населения.

Таким образом, становится очевидным, что по-прежнему решающую роль в экономическом развитии Китая играют предприятия государственного сектора, на которых сконцентрирована значительная часть основных производственных фондов и рабочей силы страны. Одной из основных задач китайской реформы стало повышение экономической эффективности работы государственных предприятий наряду с образованием предприятий различных форм собственности. В начале XXI в. КНР в основном решила поставленную задачу: в стране создано большое количество предприятий многообразных форм собственности, но костяк продолжают составлять предприятия государственной собственности. В процессе реформы Китай не пошел по пути приватизации государственных предприятий, их передачи в частные руки, а разрешил создавать предприятия различных форм собственности для формирования конкурентной экономической среды. В новых условиях значительная часть государственных предприятий превратилась из своего рода «нахлебников» государственного бюджета в рентабельные предприятия, которые находятся на пути превращения в корпорации, способные в ближайшем будущем превратиться в ТНК.

В настоящее время одной из основных задач, стоящих перед страной в ходе реформы, являются дальнейшие преобразования в сфере собственности, которые позволили бы повысить эффективность управления предприятиями. Руководство КНР в целях повышения эффективности управления предприятиями государственной формы собственности в 1990-е годы выдвинуло установку о развитии акционерной формы собственности (*гуфэньчжи соючжи*), которая стала своего рода практической реализацией теории собственности, отражающей разделение двух понятий — «общественная собственность» и «формы реализации общественной собственности». Предполагалось, что в рамках практической реализации данной теории основной формой общественной собственности должна стать акционерная форма собственности.

В 1993 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 14-го созыва в ходе реализации лозунга «социалистическая рыночная экономика» впервые было сформулировано положение о формировании новой структуры имущественных прав по мере их развития и постоянного увеличения доли предприятий смешанных форм собственности.

В 1997 г. в докладе на XV съезде КПК было высказано положение о возможности и необходимости диверсификации форм реализации общественной собственности, что должно дополнительно стимулировать развитие производительных сил. Также подтверждалось, что акционерная система является одной из форм организации капитала на современных предприятиях, которая приведет к разделению права собственности и права хозяйствования, повышению эффективности предприятий и использования капитала. Специально отмечено, что акционерная система может быть эффективно использована как при капитализме, так и при социализме.

В 1999 г. 4-й пленум ЦК КПК 15-го созыва подчеркнул, что для крупных и средних государственных предприятий оптимальной формой является акционерная форма предприятий. После проведения акционирования предприятий, размещения их акций на фондовом рынке, стимулирования покупки их акций отечественными компаниями и иностранным капиталом становится реальным осуществить перестройку акционерных предприятий. На акционерных предприятиях государство остается основным держателем акций, и это позволяет расширить сектор смешанной экономики.

В 2002 г. в материалах XVI съезда КПК данное положение было расширено и углублено. Сформулирована цель развития смешанного сектора экономики за счет усиленного расширения акционирования государственных предприятий за исключением небольшого числа унитарных государственных предприятий.

В 1990-х годах произошли серьезные изменения в структуре государственных предприятий. Известный китайский экономист Чжан Чжоюань опубликовал на эту тему несколько статей, комментируя решения 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (2003 г.). По данным Чжан Чжоюаня, ГСУ КНР были проведены обследования 4371 предприятия, в том числе 514 государственных предприятий, 181 основное предприятие центрального подчинения, 94 предприятия, на которых проводился эксперимент Госсовета КНР по созданию системы современных предприятий, 121 «материнская» компания, участвующая в эксперименте Госсовета КНР по преобразованию государственных предприятий в корпорации, а также более 3000 базовых и экспериментальных предприятий провинциального уровня. В результате обследования установлено, что к началу 2002 г. на 76% (3322) предприятий была проведена реорганизация. Среди реорганизованных предприятий доля государственных компаний в форме акционерных компаний и акционерных компаний с ограниченной ответственностью составила 74%. В объеме уставного ка-

питала реорганизованных в компании 3322 предприятий — всего 1143,7 млрд. ю.; 738,3 млрд. ю., или 64,55%, составлял государственный капитал и 406,4 млрд. ю., или 35,45%, — прочие виды капитала, включая коллективный капитал, капитал юридических лиц, личный и иностранный. Можно сделать вывод о постепенном формировании диверсифицированной системы инвестирования и имущественных прав. Согласно обследованиям, на конец 2001 г. более 90% новых предприятий представляли собой акционерные общества и 70% старых предприятий были акционированы, число унитарных государственных предприятий и частных предприятий стало постепенно сокращаться¹.

Среди предприятий, размещающих свои акции на фондовом рынке, наблюдается более очевидная тенденция слияния государственного и негосударственного капитала. В 1992 г. на фондовом рынке присутствовали только 53 предприятия (государственные компании с ограниченной ответственностью), но в начале XXI в. ситуация существенно изменилась (табл. 4).

В течение нескольких последних лет в Китае проводится политика реорганизации и реструктуризации государственных предприятий, работающих при участии прочих видов капитала, отечествен-

Таблица 4

**Участие компаний различных форм собственности
в выпуске акций на фондовой бирже в КНР**

Тип компаний	2001 г.		2002 г.	
	Число компаний	%	Число компаний	%
Совокупное число компаний, разместивших свои акции на фондовом рынке	1086	100	1159	100
Негосударственные акционерные компании	347	31,9	294	25,37
<i>в том числе:</i>				
компании с проданным государственным паем	50	4,6	55	4,75
акционерные компании с участием государственного капитала	111	10,22	121	10,44
акционерные компании, полностью контролируемые государством	333	30,67	367	31,67
акционерные компании, контролируемые государством	295	21,16	377	32,53

Рассчитано по: Чжунго шанши гунсы цзибань фэнсян (2001, 2002) (Общий анализ китайских компаний, размещающих акции на фондовом рынке: 2001, 2002).

ного (*миньцзянь цзыбэнь*) и иностранного (*вайцзы цзыбэнь*). В эти годы наметилась тенденция постепенного взаимопроникновения и слияния экономики общественной собственности с частным капиталом. По данным обследования Торгово-промышленного управления, в 2002 г. значительная часть частных предприятий в масштабах всей страны была готова к слиянию с государственными предприятиями, 8% частных предприятий провели слияние с государственными, 13,9% были поглощены государственными предприятиями или были готовы к этому, 25,7% частных предприятий изначально (до реорганизации) были предприятиями или подразделениями предприятий государственной или коллективной собственности.

Усилилась также тенденция полной или частичной покупки частными инвесторами государственных предприятий. В 1997–2002 гг. было проведено 66 сделок «по покупке иностранным капиталом отечественных предприятий» на сумму 6,5 млрд. ю. Особенно быстрыми темпами шел процесс образования акционерных предприятий в 2002 г. Только на бирже Шэньчжэня была разрешена продажа иностранному капиталу акции ряда ведущих государственных компаний. В частности, Китайская энергетическая корпорация с ограниченной ответственностью разместила на бирже Шэньчжэня 25% своих акций, Водопроводная компания (корпорация) — 45%, Газовая корпорация — 24%, Компания общественного транспорта с ограниченной ответственностью — 45%, Ведущая компания пищевой промышленности — более 70%. По оценкам, доля смешанной экономики, где преобладает акционерная собственность, в экономике Китая уже составляет около 40% (в 1990 г. — 9,8%), а через 5–10 лет увеличится до 80%.

Акционерная система постепенно становится основной формой реализации общественной государственной собственности. Роль акционирования в условиях реформы собственности приобретает особенно большое значение. Во-первых, стимулирование акционирования государственных предприятий и активизация реформирования компаний привлекают негосударственный капитал для участия в реструктуризации государственных предприятий. Во-вторых, в результате реформы происходит сокращение числа государственных унитарных предприятий. В-третьих, реорганизация государственных предприятий в компании с ограниченной ответственностью отвечает потребностям совершенствования акционерной системы и системы компаний в Китае. В-четвертых, компании (в том числе и с ограниченной ответственностью) с участием государственного капитала также смогут инвестировать часть своих средств на покупку

акций предприятий общественной собственности, однако в этом случае предполагается строго руководствоваться принципами свободы сделок и равной конкуренцией, ни в коем случае не следует допустить усиления коррупции.

Таким образом, в КНР в ходе экономической реформы основным направлением реформы собственности в настоящее время является акционирование предприятий государственного сектора и постепенное их превращение в систему крупных корпораций. В решениях 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.) особо отмечалась необходимость внедрения и распространения многочисленных и эффективных форм реализации государственной собственности с целью ускорить урегулирование размещения и структуры государственной экономики. В соответствии с китайской моделью экономической реформы и реализацией курса на развитие «социалистической рыночной экономики» ставилась задача всемерного развития акционерной экономики смешанных форм собственности и превращения акционерной системы в основную форму реализации общественной собственности. Было рекомендовано предприятия, полностью контролируемые государством, перевести в соответствии с региональными особенностями в полностью или частично контролируемые акционерные предприятия. Особое внимание обращалось на необходимость усиления позиций государства на предприятиях, играющих важную роль в обеспечении государственной безопасности, а также имеющих важное значение для развития основных отраслей экономики и являющихся ключевыми объектами. Это должно достигаться за счет рационального управления государственными финансовыми потоками при формировании акционерной собственности и создания системы государственных корпораций. На всех остальных государственных предприятиях предполагалось провести имущественную реструктуризацию и структурную перестройку, в ходе рыночной конкуренции должны были остаться только лучшие предприятия. При этом крупные компании и объединения крупных предприятий (концерны), имеющие условия для активного участия в международной конкуренции, должны постепенно объединяться в корпорации.

Другим направлением работы в сфере реформы собственности по-прежнему являлось развитие всех общественных форм собственности (*фэйгунъючжи*), индивидуальной, частной и др. Для решения этого вопроса на первый план выходят приведение в порядок, систематизация и пересмотр законодательных актов и законодательной политики, ограничивающих развитие общественных секторов эко-

номики, что должно привести к устранению системных барьеров. Поставлена задача — упростить процедуру выхода предприятий не-общественных форм собственности на рынок и разрешить инвести-рование капитала необщественных форм собственности в юридически не запрещенные базовые объекты, объекты инфраструктуры и об-щественных услуг и прочие отрасли народного хозяйства. Предпри-ятия необщественной формы собственности должны приобрести равный статус в денежно-инвестиционной сфере, налогообложении, землепользовании и внешнеторговой деятельности. В соответствии с решениями 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва была поставлена задача — поддерживать развитие мелких и средних предприятий не-общественных форм собственности, способствовать усилению и ук-рупнению предприятий, имеющих для этого условия. В свою оче-редь, предприятия необщественной собственности должны осуще-ствлять свою хозяйственную деятельность в соответствии с требова-ниями законодательных актов, в соответствии с положениями Устава предприятия уплачивать налоги и обеспечивать законные права ра-бочих и служащих.

Одной из особенностей принятого на пленуме решения являет-ся определение принципов имущественных прав на современном этапе и задач по их обеспечению. Важность этой проблемы возрас-тает по мере углубления реформы. В 1993 г. 3-й пленум ЦК КПК 14-го созыва, определив курс реформы государственных предприя-тий в строительстве системы современных предприятий, отметил, что четкое определение имущественных прав должно стать перво-очередной особенностью системы современных предприятий. По-строение рациональной структуры имущественных прав (прав акций) не только приведет к диверсификации субъектов инвестирования, но и является основополагающим требованием трансформации го-сударственных предприятий в компании. Проведение реформы уп-равления государственным имуществом невозможно без уточнения и определения имущественных прав и определения прав инвесто-ров. Реформа коллективных предприятий, по своей сути, является реформой имущественных прав, а построение и совершенствование системы охраны частного имущества — ключевое звено дальнейшего развития экономики необщественной собственности.

Система современных имущественных прав и система современ-ных предприятий связаны между собой. Определение современных имущественных прав представляет собой важную базу для построе-ния системы современных предприятий. В то же время система со-временных предприятий (типичным представителем которой явля-

ются современные компании) нуждается в разделении прав собственника и прав хозяйственного использования, определении прав инвесторов (владельцев акций), уточнении порядка переуступки (продажи) акций. Владельцы акций должны понять, что они не могут непосредственно участвовать в хозяйственном управлении компании, вмешиваться в текущие дела. Современные имущественные права также включают право на интеллектуальное имущество — это, например, итоги научных исследований, торговая марка, информация. Значение определения имущественных прав в данной области возрастает по мере претворения в жизнь политики «экономики знаний».

Формирование и совершенствование системы современных имущественных прав предполагает, во-первых, определение и уточнение имущественных прав, во-вторых, строгую охрану имущественных прав и, в-третьих, свободное движение имущественных прав. Определение имущественных прав — это разъяснение прав и обязанностей держателей этих имущественных прав. При размытости имущественных прав экономика не сможет развиваться или это развитие будет недостаточным, они — основа построения системы современных предприятий. После определения имущественных прав встает задача их защиты. Так, на частных предприятиях уже проведено определение имущественных прав, однако раньше эти права не обеспечивались, что привело к снижению активности развития экономики необщественной собственности. Защита имущественных прав предполагает дальнейшую разработку правовой базы в этой области. Отсутствие возможности свободного движения имущественных прав также может снизить активность развития экономики, так как целью владения имущественными правами не только является сохранение стоимости этих прав, но и ее увеличение. Это основной принцип рынка. Свободное перетекание имущественных прав в отрасли с более высокой нормой отдачи должно стать одним из основных рычагов макроэкономического регулирования.

Имущественные права, включая различные виды имущественных прав — материальное право, долговое право, акционерное право и интеллектуальное право, — это ядро и основное юридическое содержание собственности. Построение современной системы имущественных прав, характеризующихся четким определением соподчинения и определения прав и обязанностей субъектов, строгим обеспечением и предоставлением благоприятных условий для передачи и переуступки прав, должно способствовать защите общественных имущественных прав и укреплению ведущего положения экономи-

ки общественной собственности. Таким образом, реформа системы собственности в условиях экономической реформы в КНР тесно связана с правовым оформлением собственности, что позволяет обеспечивать защиту различных категорий собственников, как государства, так и частных лиц, при оперативном управлении собственностью.

Реформа собственности в КНР, направленная на одновременное развитие многообразных форм собственности, акционерных форм собственности и создание корпораций, укрепление имущественных прав собственников связана с наступлением нового этапа перехода к рыночной экономике. В процессе реформы собственности в результате развития акционирования государственных предприятий и стимулирования всемерного развития смешанных форм собственности (совместное участие государственного, коллективного и необщественного капитала), по замыслу организаторов реформы, акционерная система должна постепенно превратиться в основную форму реализации общественной собственности.

С 1990-х годов главной задачей реформы в сфере преобразования отношений собственности и управления предприятиями стал переход от управления отдельными предприятиями к корпоративной системе управления через создание компаний, от управления товарными потоками к управлению финансовыми потоками, от управления предприятием единственным инвестором к управлению группой инвесторов. Особое значение приобретает совершенствование системы управления государственным имуществом. Как показала практика реформы 1980—1990-х годов, эффективность управления предприятиями государственного сектора была ниже эффективности управления предприятиями других форм собственности по различным показателям, начиная от объема убытков и затрат на единицу инвестированного капитала и кончая наличием избыточной рабочей силы на предприятиях как в цехах, так и среди административно-управленческого персонала.

В начале XXI в. одной из главных задач экономической реформы стало создание комплексной системы управления и контроля за сохранением государственного имущества. Для решения этой задачи в КНР проводилась политика разделения функций государственного управления и инвестирования государственных средств. В 2003 г. был создан Комитет по контролю и управлению государственным имуществом. В его обязанности входили контроль за потоками государственных средств, защита интересов собственников, включая государственные интересы, защита различных прав и интересов пред-

приятый, которые по мере развития реформы постепенно становились субъектами рыночных отношений, поощрение предприятий вкладывать в производство часть полученной прибыли, борьба с хищениями государственных ресурсов. Кроме того, в задачи вновь созданной государственной структуры на новом этапе реформы входило также создание институциональной системы прогнозирования хозяйственной деятельности государственных предприятий и проверки результатов хозяйственной деятельности. Для проведения реформы управления на микроуровне важное значение имело создание эффективных форм контроля и хозяйствования на государственных предприятиях.

Вместе с тем 3-й пленум ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.) обратил особое внимание на необходимость совершенствования структуры управления компаниями — юридическими лицами. Если до начала реформы подавляющее большинство предприятий не являлись юридическими лицами, не имели собственного счета в банке и управлялись на основе распоряжений и приказов вышестоящих ведомств, то с началом реформы предприятия стали получать все больше прав в сфере оперативного управления и получили возможность принимать самостоятельные решения по распоряжению фондами предприятия. Это привело к постепенному преобразованию отдельных предприятий (*цзе*) в компании (*гунсы*), которые впоследствии по мере усиления финансового могущества стали преобразовываться в корпорации (*цзитуань*). Все больше предприятий начали создавать акционерные общества, выпускать акции, регистрировать их на фондовой бирже и, тем самым, получили возможность привлечения дополнительных источников финансирования для производственной деятельности.

В соответствии с требованиями создания системы современных предприятий определены права и обязанности общего собрания акционеров компании, совета директоров (дирекции), ревизионной комиссии и управляющих (менеджеров), постепенно совершенствовалась система найма руководящего звена предприятий. Собрание акционеров назначает и утверждает состав совета директоров и ревизионной комиссии; совет директоров, в свою очередь, выбирает и назначает исполнительных управляющих (директоров), исполнительные управляющие имеют право на подбор персонала, а также на формирование механизма управления и взаимодействия между юридическими, исполнительными и контрольными органами и отдельными управляющими. Постепенно система назначений кадровых работников и специалистов на предприятиях заменялась на систему

экзаменов и конкурсов, по итогам которых с управленческим персоналом подписывались срочные контракты. При этом парторганизации на предприятиях уже не могли вмешиваться в хозяйственное управление предприятиями, они должны были играть политическую роль, а также помогать собранию акционеров, совету директоров, ревизионной комиссии и управляющим осуществлять в соответствии с законом свои права и обязанности, активно участвовать в решении важных проблем предприятий.

В новых условиях партийные организации должны были решать задачи управления кадрами, соответствующим образом сочетая эту работу с рыночным механизмом назначения управляющих предприятиями. В условиях перехода к рыночной экономике и повышения хозяйственной самостоятельности предприятий ЦК КПК и местные парткомы были обязаны усиливать и реформировать управление руководящим звеном на основных, базовых государственных предприятиях. На парторганизации была возложена ответственность за работу с кадрами через такие организации, как собрания представителей рабочих и служащих, путем активного участия в реформе системы найма рабочей силы на предприятия, реформе кадровой системы и системы распределения доходов. В отличие от прежних лет партийные организации на предприятиях обязаны выявлять на предприятиях избыточную рабочую силу, участвовать в процессе ее увольнения. Также партийные организации должны были контролировать работу администраций предприятий таким образом, чтобы они не занимались исполнением несвойственных им социальных функций, которыми должны заниматься специализированные структуры на местах (например, бюро по трудоустройству или органы социального страхования).

В процессе развития акционерной системы управления предприятиями было уделено внимание и реформированию отраслей естественных монополий. В решениях 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва было отмечено, что в отраслях естественных монополий необходимо расширять механизмы рынка, рамки действия механизма конкуренции. Разрешалось изыскивать новые источники финансирования на имеющихся для этого условиях предприятиях естественных монополий. В частности, предусматривалось продолжать стимулировать и совершенствовать реструктуризацию предприятий связи, энергетики и гражданской авиации, ускорить реформу железных дорог, почты и городских коммунальных служб, осуществлять разделение предприятий и административных органов, отстранение административных органов от принятия решений об инвестирова-

нии, отделить административные органы от непроизводственной и коммунальной сферы.

В целом реформа системы управления на микроуровне должна стать важной составной частью реформы собственности, постепенного перехода от общественных форм собственности к многообразию этих форм, главной из которых должна быть акционерная форма собственности с контрольным пакетом акций в руках государства, и привлечение на руководящие должности специалистов по конкурсу или по результатам экзаменов. В этих условиях роль партийной организации сводится к воспитанию и подготовке высококвалифицированных специалистов для административной работы, которые могли бы соответствовать всем требованиям найма и обеспечивать защиту государственных интересов.

Не менее важной проблемой реформы является развитие китайской деревни. Комплексное планирование развития города и деревни должно быть направлено на разрешение так называемой проблемы «трех сельских вопросов» (*саньнун вэньти*) — крестьянство (*нунминь*), сельское хозяйство (*нунье*), деревня (*нунцунь*). Кроме этого, для совершенствования системы аграрного землепользования необходимо осуществить строгую систему защиты пахотных земель, обеспечить крестьян и сельское хозяйство системой социального обслуживания, системой поддержки сельских рынков и помощи сельскому хозяйству.

На начальном этапе реформы на основе решений 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) китайская деревня перешла на систему производственной ответственности, закрепления заданий за дворами. В результате каждый крестьянский двор имел два вида земельного надела — поле ответственности (*цзэжэньтянь*) и поле пайка (*коулянтянь*). Продукция с поля ответственности продавалась государству по установленным оптовым ценам, а продукция с поля пайка шла на свободный рынок по ценам в зависимости от соотношения спроса и предложения. В этих условиях в начале 1980-х годов крестьяне были заинтересованы производить максимум продукции, чтобы больше оставалось для продажи на свободном рынке. В результате в эти годы резко выросла производительность труда в сельском хозяйстве, и сельские жители богатели быстрее, чем жители городов. В китайской печати тех лет часто можно было встретить упоминание о «дворах-десятитысячниках» (*ваньюаньху*), т.е. о крестьянских дворах с валовым доходом свыше 10 тыс. ю. в год, которые могли не только закупать сельскохозяйственную технику, но и грузовики и даже самолеты.

Однако с середины 1980-х годов с началом проведения в жизнь решений 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1984 г.) центр тяжести экономической реформы постепенно переместился из деревни в город. В городах стали создаваться предприятия различных необщественных форм собственности, значительно выросли доходы не только у владельцев этих предприятий, но и у занятых на них. В то же время темпы проведения экономических реформ в китайской деревне заметно снизились, особенно в сравнении с городами приморской зоны, такими, как Шанхай, Гуанчжоу, Ханчжоу, Дальянь и др. В 1957 г. в период плановой экономической системы разрыв в доходах городских и сельских жителей был более, чем в 3 раза, в 1978 г. — в 2,36 раза. С начала реформы этот разрыв стал сокращаться и в 1983 г. достиг низшего уровня. Однако затем разрыв стал увеличиваться, а с 1990-х годов его рост ускорился и достиг в 1994 г. соотношения 2,86 : 1. В 1999 г. распределяемый доход на душу населения в городах и поселках составил 5854 ю., а в деревне — 2210 ю., а разрыв в доходах жителей города и деревни — 2,65 : 1. Одновременно увеличивалась разница в реальных доходах между жителями города и деревни.

По мере развития рыночных отношений в ходе реформы системы распределения на предприятиях возрастала дифференциация в доходах жителей городов и поселков. В результате конкуренции на рынке и урегулирования отраслевой структуры многие предприятия стали убыточными, вплоть до того, что свернули производство, закрылись, много рабочих и служащих были уволены. За последние годы упали цены на сельскохозяйственную продукцию, доходы крестьян уменьшились. Волостно-поселковые предприятия из-за неблагоприятной конъюнктуры рынка сократили производство продукции, и доходы крестьян от работы на этих предприятиях уменьшились. В конце 1990-х годов перед руководством КНР встал вопрос о проведении новых мероприятий экономической реформы в деревне, в том числе с целью сократить разрыв между городом и деревней.

Одной из основных проблем реформы в деревне по-прежнему остается система землепользования, которая закрепляет крестьянина за своим земельным наделом и сдерживает развитие товарных отношений. С 1993 г. после принятия Документа ЦК КПК №11 начался новый этап реформы в деревне. На новом этапе основой хозяйственной деятельности на селе оставалась система семейного (подворного) подряда при сохранении двух видов участков земли за крестьянским двором — поля ответственности и поля пайка. Срок

земельного подряда был продлен в среднем на 30—50 лет, а в районах с двухпольной системой подряда (поле ответственности и поле пайка) — на поле ответственности, где производится товарная продукция, был продлен на 7—10 лет, а на поле пайка, как и по всей стране, на 30—50 лет. При этом активно развивались другие формы собственности, такие, как кооперация (долевая, паевая), аграрно-промышленно-торговые комплексы, смешанные формы собственности, госхозы, а также индивидуальные и частные предприятия².

На следующем этапе реформы в соответствии с установками XVI съезда КПК основной фактор производства в китайской деревне — земля стала вовлекаться в товарный оборот. В решениях 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.) указывалось, что крестьянские дворы во время действия семейного подряда могут в соответствии с законом, самостоятельно и на возмездной основе передавать или переуступать права хозяйствования на земле в рамках семейного подряда, совершенствовать методы переуступки земли, постепенно увеличивать свои хозяйства до определенных размеров. При этом предусматривается сохранение имеющихся участков пахотной земли с целью обеспечения зерновой безопасности страны. Особое внимание обращается на процессы реформирования и порядка регистрации земельных участков. Для этих целей предполагается обратить особое внимание на систему контроля за величиной зарегистрированного размера земельного участка. В связи с тем, что на протяжении многих лет у крестьян отчуждались земельные участки с целью строительства несельскохозяйственных объектов (офисные здания, предприятия, дороги и др.), местным властям строго предписано ограничивать использование земли под общественное и хозяйственное строительство, во время регистрации земельного участка руководствоваться общими правилами землепользования и контролировать использование земельных участков, своевременно выплачивать крестьянам разумную компенсацию за изымаемые из сельскохозяйственного оборота участки земли.

Одним из ключевых вопросов реформы в деревне в настоящее время стало создание комплексной системы обслуживания сельского хозяйства, системы сельских рынков и поддержки сельскохозяйственного производства. Еще в 1990-е годы в сельских районах на уровне волостей были образованы своего рода станции технического, ветеринарного и агротехнического обслуживания для крестьянских дворов в рамках одной волости (*сян*), объединяющей несколько деревень (*цунь*). Одновременно на уровне поселков и уездных центров создавались сельские рынки по оптовым закупкам сельскохозяй-

ственной продукции, где крестьяне могли сбывать произведенную продукцию по рыночным ценам. При этом государство создавало государственные резервные фонды по отдельным видам сельскохозяйственной продукции, что давало возможность с помощью рыночных мер регулировать цены на нее, удерживая их как от резкого взлета, так и от сильного падения. Тем не менее, эти меры по развитию сельского хозяйства были признаны недостаточными, и в соответствии с решениями 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва перед местными властями поставлена задача «осуществлять системное обновление и усиливать функции обслуживания», а также помогать крестьянам развивать различные по формам специализированные сельские кооперативы.

Одним из важнейших направлений экономической реформы в начале XXI в. стало привлечение различного рода инвестиций в деревню. В этой связи китайское руководство рассматривает в качестве одного из главных факторов инвестиций для деревни политику стимулирования тех промышленных предприятий, которые вкладывают средства в переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции, чем активно стимулируют сельское хозяйство к переходу на промышленные рельсы (*чаньхуа*), создают в сельской местности целостную производственную цепочку, включающую научные исследования, производство, обработку и сбыт продукции. В рамках нового этапа реформы предполагается и дальше развивать систему рынков сельскохозяйственной продукции, расширять рынок закупок зерна. Имеется в виду переход от косвенных дотаций через государственные закупочно-сбытовые предприятия к прямым дотациям, непосредственно выдаваемым крестьянам, что позволит в полной мере защитить интересы крестьянства - производителей зерновых.

Для решения острейшей проблемы «трех сельских» (*саньнун*) — сельское хозяйство, крестьянство и деревня — китайское руководство намечает усилить государственную поддержку сельского хозяйства, увеличить приток различных инвестиций в село и сельскую экономику со стороны финансовых организаций различных уровней. Такие финансовые вливания в деревню на новом витке реформ необходимы для решения насущных экономических задач, стоящих перед страной — укрепление комплексных баз по производству зерновых, совершенствование механизма поддержки бедного населения и бедных районов, развитие непроизводительных отраслей в сельской местности — образования, здравоохранения и культуры, которые в условиях реформы финансируются по остаточному принципу, а также развитие системы социального обеспечения на селе.

Как показал опыт развития сельских районов, в стране существует довольно много форм их развития. По оценке китайских ученых, определены *семь моделей развития сельских районов*, особенностями которых связаны с наличием ресурсов и географическим положением. Эти семь моделей следующие: 1) модель юга Цзянсу; 2) модель пригородов Шанхая; 3) модель Чжуцзян (пров. Гуандун); 4) модель Цзиньцзян (пров. Фуцзянь); 5) модель Пиндин (пров. Шаньси); 6) модель Вэньжоу (пров. Чжэцзян); 7) модель Гэнчэ (север пров. Цзянсу)³. Фактически, наиболее перспективными являются первые две модели, характеризующие развитие сельских районов юга Цзянсу и пригородов Шанхая. Здесь преобладают коллективные волостно-поселковые предприятия промышленности с большим количеством занятых, обслуживающие крупные промышленные предприятия в дельте р. Янцзы. Такая модель развития требует большого количества квалифицированной рабочей силы в сельских районах, поскольку характер производственных связей основной части предприятий в этом районе предполагает сравнительно высокие первоначальные затраты и высокие требования к качеству конечной продукции.

Мало чем отличается от модели юга пров. Цзянсу модель развития сельских районов в дельте р. Чжуцзян (пров. Гуандун) и на юго-востоке пров. Фуцзянь рядом с островом Цзиньмэнь, которым управляют тайваньские власти. Основное отличие этой модели развития сельских районов состоит в том, что большая часть волостно-поселковых предприятий представляет собой смешанные предприятия с гонконгским капиталом в пров. Гуандун — из-за близости к Гонконгу и тайваньским капиталом в пров. Фуцзянь — из-за близости к Тайваню. Большинство этих предприятий — предприятия промышленности, которые имеют импортное оборудование, производят экспортную продукцию и ведут активную конкурентную борьбу на внешнем рынке. В отличие от волостно-поселковых предприятий в дельте р. Янцзы продукция этих предприятий почти целиком идет на экспорт и не рассчитана на внутренний рынок.

Модель развития сельских районов в уезде Пиндин (г. Янцюань, пров. Шаньси) тесно связана с наличием больших запасов каменного угля. На первом этапе развивались волостно-поселковые предприятия угольной промышленности, в основном угольные шахты и карьеры, и связанные с ней отрасли. Затем на базе накоплений от доходов от продажи угля произошло развитие других отраслей промышленности — химической, металлургической, производства строительных материалов. На этих предприятиях также занято относи-

тельно большое число работников — в среднем 32 человека на предприятие, как и в сельских районах в экономически развитых приморских провинциях. Однако в данном случае для работы на предприятиях не требуется квалифицированная рабочая сила и вся произведенная продукция идет на внутренний рынок. Главным ресурсным преимуществом этой модели развития является наличие, с одной стороны, больших запасов каменного угля близко к поверхности, что минимизирует затраты при его добыче, с другой — избыток неквалифицированной рабочей силы, что снижает затраты на ее содержание не только по сравнению со среднемировыми показателями, но и среднекитайскими.

Остальные две модели развития сельских районов — г. Вэньчжоу (пров. Чжэцзян) с прилегающими уездами и волость Гэнчэ г. Суцян (пров. Цзянсу) — характеризуются стандартной ситуацией сельского района, в котором отсутствуют какие-либо ресурсные преимущества по сравнению с другими районами Китая. Как правило, такие районы находятся в глубинке и им требуется длительное время, чтобы создать основу для развития на собственной экономической базе. Они удалены от крупных промышленных предприятий, от транспортных центров, не имеют значительных запасов природных ресурсов. Как показал опыт Вэньчжоу и Гэнчэ, большая часть предприятий вне сферы сельского хозяйства создавались здесь за счет накоплений одной семьи или группы семей, являются частными или индивидуальными, заняты производством товаров первой необходимости или в «третьей сфере» — торговля, транспорт, питание, первичная обработка сырья и кустарные промыслы.

Существует еще один тип развития сельских районов, который характеризуется сложными природными условиями (леса и горы, незначительная площадь пахотной земли), практическим отсутствием транспортных связей не только с уездным центром, но и с волостью. Как правило, в китайской прессе такие районы называют «горными районами» (*шаньцзюй*), которые ассоциируются с бедностью их жителей. Безусловно, за годы реформ произошел определенный рост жизненного уровня крестьян, проживающих в горных районах. По собственным впечатлениям автора, побывавшего в декабре 2006 г. в одной из таких горных деревень волости Юннин уезда Нинлан пров. Юньнань на границе с пров. Сычуань, в этой местности также уже полностью решены задачи первого шага реформы и вопрос «накормить и обогреть» (*вэньбао*). Однако, несмотря на наличие горной дороги в волостной центр (перевал на высоте 4200 м, время в пути на джипе — 6 часов), по которой могут передвигаться только

джипы, трактора и тягловый скот, деревня фактически отрезана от мира. Большая часть жителей занята сельским хозяйством, но, несмотря на небольшое число крестьянских дворов (всего около 30), часть дворов держит свои лавки, в которых всегда можно купить необходимые в хозяйстве товары или продукты питания. Часть трудоизбыточного населения, в основном женщины, выезжают на озеро Лугуху — известный туристический центр, который посещают иностранные туристы — там они держат лавки и мастерские по производству и продаже кустарной продукции и либо являются фактически их владельцами, либо работают по найму.

На наш взгляд, следует выделить две модели развития села — модель юга Цзянсу и модель округа Вэньчжоу, которые в целом соответствуют двум качественно разным уровням экономического развития страны — развитые приморские районы и отсталые внутренние районы, своего рода «китайская глубинка». Опыт юга Цзянсу показывает пути развития китайской деревни в экономически развитых районах страны, где имеется хорошее транспортное сообщение, близость к развитым промышленным центрам, наличие определенных ресурсов. В этом случае почти вся избыточная рабочая сила деревни постепенно перемещается на предприятия вне сферы сельского хозяйства либо в города, либо на волостно-поселковые предприятия в сельской местности, постепенно формируется рынок рабочей силы, происходит постепенное сближение города с деревней, как на Тайване.

Опыт Вэньчжоу, наоборот, показывает ограниченность возможностей развития для сельских районов из-за отсутствия необходимых ресурсов, отдаленности от крупных промышленных центров и плохого транспортного сообщения. В этом случае избыточная рабочая сила может найти применение либо путем создания индивидуального или частного предприятия, либо устройства в качестве наемного рабочего. В этих районах отток трудоизбыточной рабочей силы из деревни займет более длительное время, и процесс формирования рынка рабочей силы будет долгим⁴.

В результате экономической реформы в деревне и внедрения системы подворного подряда выяснилось, что в сельскохозяйственном производстве не требуется такого количества рабочей силы, какое использовалось до сих пор. Поэтому одной из главных проблем реформы на селе стало трудоустройство избыточной сельской рабочей силы. Если до начала 1980-х годов сельские жители закреплялись за дворами, им было крайне трудно сменить место жительства и переехать на работу в город, то в ходе реформы процесс миграции

избыточной рабочей силы из деревни в город и перемещение из сферы сельского хозяйства в несельскохозяйственную сферу стал всемерно поощряться. Трудоустройство избыточной сельской рабочей силы в результате постоянной миграции между городом и деревней стало важным путем увеличения доходов крестьян и ускорения процесса урбанизации. В решениях 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва указывалось на необходимость создания механизма свободной миграции рабочей силы как из деревни в город, так и из города в деревню. С одной стороны, для решения этого вопроса создается большое количество предприятий вне сферы сельского хозяйства на уровне уездов, на которые может трудоустроиться большое количество избыточной рабочей силы из сферы сельского хозяйства. С другой стороны, местным властям предписывается устранить сдерживающие нормативы для переезда крестьян в города с целью трудоустройства на городских предприятиях в различных отраслях народного хозяйства. В качестве основной цели руководство КНР планирует постепенно объединить городской и сельский рынки рабочей силы и создать систему равных возможностей для трудоустройства городской и сельской рабочей силы. С этой целью предполагается провести реформу системы прописки (*хуцзи*), что должно способствовать процессам регулирования миграциями населения между городом и деревней и вовлекать избыточную сельскую рабочую силу в стабильный плановый миграционный процесс. В результате в стране будет происходить ускорение урбанизации, в городах будет увеличиваться доля постоянно занятого на производстве и проживающего в городах сельского населения. В дальнейшем по мере увеличения доли постоянно работающего в городе сельского населения предполагается предоставлять пришедшему из деревни в город сельскому населению социальные права, аналогичные тем, которые имеет местное городское население, и соответственно, возложить на них аналогичные обязанности.

Важнейшей проблемой китайской деревни в условиях реформы является большое количество налогов и сборов с крестьян. Хотя в государственных постановлениях указывалось, что общая доля всех видов налогов на крестьян не должна превышать 5% чистого дохода крестьян в текущем году, однако, как показали различные обследования, эта доля оказалась значительно выше по трем причинам. Во-первых, местные власти часто дают искаженную информацию наверх, в которой показаны более высокие доходы крестьян, чем они есть на самом деле. Во-вторых, до настоящего времени сохраняется необходимость различных выплат крестьянами на всевозможные мест-

ные нужды, в частности на образование, электрификацию деревни, строительство дорог и др. В-третьих, имеются большие долги волостей и поселков, выплата которых также в основном происходит за счет крестьян.

Рост долгов происходит и за счет раздувания аппарата управления волостей, поселков и уездных центров. По данным статистики, в КНР насчитывается свыше 38 млн. служащих, занятых в административно-управленческом аппарате на всех уровнях, т.е. в соотношении к общей численности населения 1 : 30. Общая численность служащих в аппарате партийных и правительственных органов на уровне уезда и выше — более 600 тыс. человек, на уровне волостей и поселков — более 2 млн. человек. Особенно раздуты штаты на уровне волостей и поселков — от несколько десятков до 200—300 аппаратчиков в одной волости или одном поселке. Если к этому добавить временно занятых и внештатных работников, то станет понятно, почему местный бюджет не может выдержать такое бремя. Помимо кадровых работников (*ганьбу*) парткома деревни и деревенского комитета имеются еще много других местных кадровых работников, например, командир роты народного ополчения (*миньбин*), секретарь комсомольской организации, председатель женсовета, председатель страхового фонда, ответственный по планированию рождаемости, электрик, ответственный за водоснабжение и много-много других должностей, которые содержатся за счет местного бюджета. Все эти расходы ложатся тяжелым бременем на крестьянина, который в год должен платить 400—500 ю., в результате чего в течение многих лет у крестьян уменьшаются доходы⁵.

Исходя из вскрытых в ходе обследования в сельской местности различных социально-экономических проблем, возникших в ходе реформы, руководство КНР приняло решение о реформе налогообложения в деревне, которое должно способствовать облегчению финансового бремени крестьян и дальнейшему развитию реформы на селе. Важнейшими мероприятиями в этом направлении явились отмена с 2006 г. сельскохозяйственного налога, ускорение принятия комплексного пакета реформ, включающего реформу административной структуры на уровне волостей и уездов, системы образования на селе и т.д.

Однако с отменой сельскохозяйственного налога (*нуньешуй*) возникли новые проблемы, связанные с нехваткой средств в местных бюджетах многих уездов. В результате в настоящее время многие уезды оказались в сильной зависимости от трансфертов из центра. Для пополнения местного бюджета во многих уездах руковод-

ство повысило тарифы на неналоговые сборы, такие, как административные взносы, штрафы и конфискации. Обострились такие проблемы, как нецелевое использование средств местными властями на уровне уездов и волостей, которое, как правило, идет на новое строительство; изъятие пахотной земли у крестьян за незначительную компенсацию на строительство новых предприятий вне сферы сельского хозяйства и административных зданий. По оценке профессора Чжан Сяошаня из Института развития деревни АОН Китая, «возросла доля вненалоговых доходов, появилась тенденция «роста тарифов взамен упраздненных налогов»⁶.

После отмены сельскохозяйственного налога большая часть налоговых поступлений стала оставаться на уровне центра. С 2003 г. все доходы от ряда основных налоговых статей разделили между провинцией, городом и уездом и сократили часть налоговых поступлений в уездный бюджет в пользу вышестоящих инстанций (город, провинция). В результате на уровне уездов доля в поступлении от государственных налогов сократилась с 25 до 20%, доля налога с оборота — со 100 до 50%, личного подоходного налога — с 50 до 15%, строительного налога — с 70 до 50%. Бюджеты на уровне уездов и волостей опустели, и нет средств ни для поддержки села, ни для реализации проектов на местном уровне. Доля поступлений от рыночной экономики постепенно сокращается. Поэтому большая часть местных бюджетов состоит из финансовых трансфертов, которые могут идти только целевым назначением, а также из различного вида дотаций на уровень уездов и волостей. Во многих районах Китая выделенные средства часто не доходят до крестьян.

Для решения этих проблем предложено изменить структуру распределения налоговых сборов с тем, чтобы местным бюджетам на уровне уездов и волостей оставалось больше средств. Кроме того, для укрепления низовой власти на местах предлагается вместе с финансовыми трансфертами также передать и право использовать эти средства по усмотрению местной власти, ограничить право местных властей использовать землю как источник обогащения и произвольно распоряжаться крестьянской землей, находящейся по Конституции КНР в коллективной собственности.

Тем не менее, несмотря на ускорившиеся процессы преобразования собственности в ходе реформ и превращение большей части предприятий в акционерную форму собственности, государственные предприятия по-прежнему являются стержнем китайской экономики, а большая часть доходов государственного бюджета формируется за счет государственного сектора. По мере развития эконо-

номической реформы в Китае будут и дальше проводиться постепенные (градуалистские) преобразования как в деревне, так и на предприятиях государственного сектора, направленные на постепенный перевод их большей части на самофинансирование и самоокупаемость и высвобождение избыточной рабочей силы из производства.

Источники:

- ¹ Подробнее см.: *Чжан Чжоюань*. Чжунго цзинци тичжи гайгэ цюэдэ синь тупо юй фачжань. (Новый прорыв и развитие теории системной реформы китайской экономики). Цайцзин. 25.11.2003; *Чжан Чжоюань*. Гою цие гайгэ лилунь синь тупо: мицюэ гуфэнчжи ши гунъючжидэ чжуйо синши (Новый прорыв в теории реформы государственных предприятий: акционерная система является основной формой реализации общественной собственности). Жэньминь жибао. 17.11.2003; *Чжан Чжоюань*. Цзинци тичжи гайгэ лилунь дэ синь фачжань (Новое развитие теории экономической системы в Китае). Цзинци яньцзю. 2003. № 12. С. 3–6.
- ² Подробнее см.: *Бони Л.Д.* Китайская деревня на пути к рынку. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2003. С. 81–118.
- ³ Подробнее см.: Чжунго цзинци вэньти баогао (Доклад по вопросам экономики Китая) / Ред. Ли Цзян, Ян Бо. Пекин, 1998. С. 648–656.
- ⁴ Об опыте развития сельских районов Китая подробнее см.: *Островский А.В.* Формирование рынка рабочей силы в КНР. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2003. С. 48–56; 118–121.
- ⁵ Подробнее см.: Чжунго дяоча баогао, 2000–2001. Синьсиншися жэньминь нэйбу маодунь яньцзю (Доклад об обследовании в Китае, 2000–2001. Исследование противоречий внутри народа в новой обстановке). Пекин: Высшая партийная школа ЦК КПК, 2002.
- ⁶ *Чжан Сяошань*. Чжунго нунцуньды гайгэ юй фачжань (Реформы и развитие сельской экономики Китая) / Цзинци цюаньцюэ хуа юй ЧжунЭ цзинци (Экономическая глобализация и экономики России и Китая), ЧжэнЭ шэ хуэй кэсюэ луньтань (Китайско-российский форум по проблемам общественных наук). Пекин: АОН Китая – Российская академия наук, 2006 (кит. яз., русс. яз.). С. 28–29.

ФОРМИРОВАНИЕ РЫНОЧНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ЭКОНОМИКЕ

Одна из основных задач реформы состоит в формировании рыночной инфраструктуры в стране, где ранее господствовала плановая экономика. В этой связи руководство КНР обратило особое внимание на три основных составляющих рыночной инфраструктуры — инвестиционный спрос, внутренний рынок и система ценообразования. Было признано, что *товаром являются не только средства производства, но и факторы производства*. В рамках политэкономии социализма факторы производства, а именно капитал, рабочая сила, информация, не рассматривались в качестве товара, соответственно считалось, что они не имеют цены. Россия до сих пор переживает последствия подобных доктрин, выражающиеся в низкой заработной плате рабочих и служащих, произвольных учетных банковских ставках, практически бесплатной информации. Однако поскольку факторы производства тоже являются товаром как и средства производства и предметы потребления, то они имеют свою цену в условиях перехода к рынку. Реформа системы ценообразования — главное при формировании рыночного механизма, где существуют рынок капитала, рынок информации и рынок рабочей силы. Иными словами, в Китае признали наличие не только рынка средств производства и предметов потребления, но и наличие *рынка факторов производства*, таких, как рынок капитала, рабочей силы, техники и технологии, информации и др.

Вместе с тем для развития всех видов рынков — средств производства предметов потребления и факторов производства — в ходе экономической реформы в КНР основным инструментом был избран контроль над ценообразованием. На первых этапах в 1980—1990-х годах был взят курс на государственный контроль над ценами и сохранение директивных цен на основные сырье и материалы при установлении так называемой «двухколейной» системы цен (*шунан-*

гуйчжи цзягэ). В результате использования «двухколейной» системы цен китайскому руководству удалось снизить инфляцию издержек и не допустить ее выхода из-под контроля. Опыт Китая в сфере перехода к рынку и либерализации цен показывает, что главным является формирование механизма ценообразования, а также государственный контроль над ценами в условиях монополии покупателя (государственные закупки сельскохозяйственной продукции, торговля факторами производства) и сохранения в течение довольно длительного периода времени «двухколейной» системы цен на средства производства, а по мере формирования институциональных основ функционирования рыночного механизма ценообразования — устранения этой системы.

Комплекс мер по контролю за формированием рыночной экономики при переходе от плановой экономики дал свои конкретные результаты за 25 лет реформы, выразившиеся в высоких средних темпах роста валового внутреннего продукта, снижении доли расходов госбюджета в объеме ВВП, значительном увеличении инвестиций в основные производственные фонды и постоянном увеличении их доли в объеме ВВП, росте потребительских доходов населения при сохранении низкой инфляции. Однако эти процессы в экономике КНР сопровождались быстрым ростом денежной массы M_2 в обращении, включающей не только сумму наличной денежной массы в обращении (M_0) плюс сумму текущих счетов на балансе (M_1), но и срочные вклады, вклады в сберегательных кассах и прочие депозиты. В результате государственного контроля за денежным обращением и процессами ценообразования темпы инфляции в Китае были чрезвычайно низкими по сравнению с другими странами переходной экономики в Восточной Европе и особенно в России. В КНР не побоялись заметно увеличить объем денежной массы в обращении. В частности, в 1994 г. доля денежной массы M_2 в ВВП составляла 97,3% при индексе потребительских цен 124,1, в то время как в 2005 г. доля денежной массы в обращении M_2 увеличилась до 162,5 при индексе потребительских цен всего 101,8 (табл. 5 и 6).

В целом на протяжении 20 лет с лишним реформ руководству КНР удавалось сдерживать инфляцию, за исключением лишь двух периодов — 1988—1989 гг. и 1992—1994 гг. Первый период относительно невысокой инфляции (по сравнению со странами Восточной Европы и Россией) был в основном связан с политическими событиями и борьбой внутри китайского руководства по вопросам перехода к рыночным ценам — сразу отпускать цены или постепенно. Однако и незначительная инфляция, по меркам стран переходной

**Динамика ВВП, прироста денежной массы
и объема инвестиций в КНР (1980—2005 гг.)**

	1978	1985	1990	1994	1997	2000	2002	2005
ВВП, млрд. ю	346,5	901,6	1866,8	4819,8	7897,3	9921,5	12033,3	18386,8
Денежная масса (M2), млрд. ю	1529,3	4692,4	9099,5	13461,0	18500,7	29875,6
Доля M2 в ВВП, %			81,9	97,3	115,2	135,7	153,7	162,5
Наличная денежная масса в обращении (M0), млрд. ю			264,4	728,9	1017,8	1465,3	1727,8	2403,2
Доля M0 в ВВП, %			14,2	15,1	12,9	14,8	14,4	13,1
Расходы госбюджета, млрд. ю	112,2	200,4	308,4	579,2	923,4	1588,6	2205,3	3393,0
Доля расходов госбюджета в ВВП, %	32,4	22,2	16,5	12,0	11,7	16,0	18,3	18,5
Объем инвестиций в основные производственные фонды, млрд. ю		254,3	451,7	1704,2	2494,1	3291,8	4350,0	8877,4
Доля инвестиций в ВВП, %		28,2	24,2	35,4	31,6	33,2	36,2	48,3

Составлено по: Чжунго тунци няньцзянь-2006. С. 57, 785, 281; Чжунго тунци чайяо-2007. С. 53.

экономики Восточной Европы (18% в год), вызвала политические события на площади Тяньаньмэнь в Пекине, которые пришлось решать военными методами. Всплеск инфляции в 1992—1994 гг. был в большей степени связан с быстрым ростом инвестиций в основные производственные фонды. Тем не менее, китайским реформаторам удалось с помощью экономических мер стабилизировать ситуацию. Была проведена налоговая реформа, создана система «двойного бюджета» — регулярного государственного бюджета и инвестиционного бюджета на новое строительство, проведена реформа в

области труда и зарплаты, в результате которой пришлось сократить избыточный персонал предприятий общественных форм собственности — государственных и коллективных. Все это способствовало переливу рабочей силы из одних отраслей в другие, темпы роста заработной платы стали соответствовать темпам роста производительности труда, в стране появилось большое количество предприятий общественных форм собственности, которые составляют конкуренцию предприятиям общественной собственности.

В целом в ходе перехода к рыночной экономике в КНР удалось сдержать инфляцию под контролем, несмотря на быстрый рост доли денежной массы в обращении (M_2) по отношению к ВВП. Как показывают данные табл. 5, удалось также обеспечить стабильность многих других экономических показателей, благодаря чему в стране сохраняются низкие темпы инфляции, временами переходящие даже в дефляцию, например, в 1998—2002 гг. Так удалось обеспечить стабильность трех важных показателей, сдерживающих рост инфляции в стране — доли наличной денежной массы в обращении (M_0) к ВВП на уровне 13—15%, доли расходов госбюджета в ВВП на уровне 17—19% и увеличение доли инвестиций в основные производственные фонды с 24,2% ВВП в 1990 г. до 48,3% в 2005 г. Кроме того, в Китае сохраняется нормальное соотношение между процентами на депозит и банковским процентом за кредит. В 1998 г. по текущим депозитам процент составлял 1,71% в год, на пять лет — 6,66% в год, банковский процент по краткосрочному кредиту составлял 7—8%, а долгосрочному — 9—10,5%. В 2004 г. проценты на депозит и банковский процент по кредиту заметно снизились, по текущим депозитам процент составлял всего 0,72% в год, на пять лет — 3,6% в год, в то время как банковский процент по краткосрочному кредиту составил 5,2—5,5%, а по долгосрочному — 5,7—6,0%¹. В этих условиях избыточная денежная масса пошла не на потребительский рынок, а либо на банковские депозиты, либо на рынок инвестиционных товаров, что позволило снизить банковскую учетную ставку в среднем до 6% годовых, сдержать инфляцию и обеспечить дополнительный прирост производственных мощностей. Все эти меры, в конечном счете, способствовали быстрому росту промышленной продукции и увеличению экспортного потенциала страны.

В начале XXI в. в России, как и в Китае, наблюдались достаточно стабильные и высокие темпы экономического роста. Однако при этом в КНР сохранялась более высокая норма накопления при более быстром росте денежных доходов и ВВП на душу населения, а в России — более высокие темпы инфляции. В ходе 7-го россий-

ско-китайского Форума ученых-экономистов (июнь 2006 г.) были сделаны несколько докладов российских и китайских ученых, которые осветили эту проблему с обеих сторон². В конечном итоге в ходе обсуждения данной тематики ученые пришли к выводу, что положительная динамика экономического развития, выражающаяся в более высоких темпах роста ВВП и более низких темпах роста инфляции, не связана с наличием денежной массы в обращении, объем которой в экономике КНР на порядок выше, чем в России, а определяется повышенной нормой накопления и в огромных инвестициях в китайскую экономику, что значительно снижает темпы инфляции в КНР. Таким образом, китайский опыт реформ показал, что большой объем инвестиций в экономике — не есть зло, и Китай не скатился в инфляционную спираль прежде всего из-за наличия высоких темпов инвестиций в экономику.

Китайский опыт реформы показал также, что на первом этапе во избежание гиперинфляции следует переходить к «двухколейной» модели ценообразования, при которой государство сохраняет рычаги контроля не только за механизмом ценообразования, но и за всем процессом перехода к рыночной экономике. Российская модель либерализации цен 1992—1993 гг. выявила несостоятельность свободного ценообразования в условиях перехода от плановой к рыночной экономике. Как показала в своей работе В.В.Жигулева, «в России проявились по меньшей мере три обстоятельства при реализации модели либерализации цен по Е.Т.Гайдару: 1) состояние «предельного дефицита» привело к тому, что сохранялась монополия, при которой уровень цен определялся не равновесной ценой и платежным спросом населения, а количественной ограниченностью практически всех товаров; 2) адаптивно-информационные ожидания дополнились дефицитными ожиданиями, что породило эффект гиперинфляции по отношению к большинству потребительских товаров; 3) под воздействием дефицитных ожиданий изменилась структура потребностей, а товары стали рассматриваться как своеобразные гаранты от дефицитных и инфляционных потрясений»³. В этих условиях рынок стал практически не насыщаемым, и под воздействием дефицитных ожиданий спрос подталкивал рост цен на все товары, государство было вынуждено компенсировать рост цен как путем выпуска необеспеченной денежной массы, так и введением различных социальных льгот, что раскручивало инфляционную спираль. Через некоторое время деньги превратились в сверхдефицитный ресурс, о чем свидетельствовало стремительное повышение банковских учетных ставок, что по-прежнему вело к росту инфляции издержек.

На протяжении многих лет в российской экономической литературе распространяется мнение о том, что успехи китайской экономической реформы связаны прежде всего с проведением либеральной экономической политики и отказом от государственного вмешательства в экономику. Наиболее развернуто эта точка зрения высказана А.Илларионовым, который в результате поверхностного анализа китайской статистики в сопоставлении с аналогичными показателями российской статистики пришел к выводу о том, что «в 1979—1997 гг. в Китае проводились не постепенные (градуалистские), а либеральные экономические реформы». На этом основании был сделан вывод, что «опыт китайских реформ свидетельствует, что лишь предельно либеральная экономическая политика способна остановить возрастающее отставание России от своих соседей и других стран мира»⁴.

Однако внимательный анализ китайских статистических данных показывает, что в Китае в ходе реформы проводятся именно постепенные (градуалистские) экономические реформы под контролем государства. В вышеуказанной статье при сопоставительном анализе материалов китайской статистики, к сожалению, не были учтены как особенности национальной учетной статистической базы в КНР, так и суть основных мероприятий китайской реформы, главной целью которых является не либерализация экономики как самоцель, а повышение жизненного уровня постоянно растущего населения страны на базе всестороннего развития производства. Действительно, при этом государство освобождает себя от постоянного контроля за деятельностью экономических агентов, но делается это постепенно, по этапам, в течение многих лет, и при этом государство по-прежнему сохраняет контроль за основными отраслями экономики (топливно-энергетические отрасли, транспорт, банковское дело) с помощью различных экономических рычагов, обеспечивая таким образом на первых этапах реформы за счет фиксированных цен на продукцию этих отраслей возможности для создания предприятий различных форм собственности и рыночной конкуренции между ними. Лишь после того, как сформируется конкурентная среда в той или иной отрасли экономики, государство начинает «освобождать цены» на основные средства производства.

Прежде всего следует обратить внимание на тот факт, что Китай в ходе экономической реформы не проводил «шоковую терапию», одномоментную либерализацию цен и не осуществлял всеобщую приватизацию в виде продажи предприятий-монополистов частным лицам посредством продажи ценных бумаг на фондовых рынках.

В области ценообразования с начала 1980-х годов действовало три вида цен: 1) фиксированные государством директивные цены; 2) индикативные цены, которые могли отклоняться от установленных государством цен под воздействием спроса-предложения на рынке от 5 до 20%; 3) рыночные цены, которые устанавливались чисто под воздействием рынка. По мере развития реформы доля фиксированных государственных цен постепенно снижалась, а доля индикативных и рыночных цен постепенно увеличивалась. Прямой государственный контроль над ценами и директивные твердые цены на сырье и основные материалы и тарифы на первых этапах реформы обеспечивали контроль за инфляционными процессами. Если до начала реформы в 1960—1970-е годы в государственном бюджете КНР не было предусмотрено специальной статьи «ценовые субсидии», то с 1978 г. (первый год реформы) расходы по этой статье бюджета, предусматривавшие покрытие роста цен на зерновые, хлопок, растительное масло, мясо и общее сдерживание инфляции, возросли от 1,1 млрд. ю. в 1978 г. (1,0% всех расходов) до 104,2 млрд. ю. в 2000 г. (6,6% всех расходов) при значительном увеличении этой доли в первые 10 лет реформы — 26,2 млрд. ю. (13,1%) в 1985 г. и их постепенном сокращении с начала до середины 1990-х годов — 45,4 млрд. ю. (5,7%) в 1996 г. и сокращении этой доли в расходах госбюджета в начале XXI в. — 99,8 млрд. ю. в 2005 г. (2,9% всех расходов госбюджета)⁵.

Что касается приватизации, то Китай пошел по пути постепенного создания диверсифицированной экономики с предприятиями различных форм собственности — от индивидуальных и частных предприятий до предприятий со 100%-ным иностранным капиталом. На первом этапе реформ — с 1978 г. — Китай перешел к системе семейного подряда в деревне, что содействовало накоплению необходимого капитала для развития негосударственных форм собственности как в деревне, так и в городе. В конечном итоге появление многообразных форм собственности как в деревне, так и в городе позволило к концу 1980-х годов постепенно образовать рынок средств производства, рынок недвижимости, рынок ценных бумаг и рынок рабочей силы. Все эти рынки постепенно сформировались в КНР к середине 1990-х годов не в результате приватизации и распределения выпущенных государством ваучеров, а путем развития негосударственных секторов экономики. Только в 1990-е годы государство стало учреждать для управления государственными предприятиями акционерные компании, в которых, как правило, контрольным пакетом акций владело государство через созданные центральными или местными органами власти предприятия либо фонды.

В 1980-е годы государство уделяло достаточно много внимания развитию предприятий государственного сектора. Вплоть до середины 1990-х годов происходил рост общей численности рабочих и служащих в государственном секторе — 74,5 млн. человек в 1978 г., 89,9 млн. человек в 1985 г., 103,5 млн. человек в 1990 г. и 112,1 млн. человек в 1994 г.⁶ Лишь с середины 1990-х годов началось сокращение численности занятых в государственном секторе, и только в 1998 г., на основании решений XV съезда КПК (сентябрь 1997 г.) о реформе предприятий государственного сектора, начались массовые увольнения избыточной рабочей силы с государственных промышленных предприятий. При этом следует отметить, что в результате увольнений доля занятых на предприятиях государственного сектора заметно снизилась — с 78,3% общей численности всех рабочих и служащих в 1978 г. до 23,8% в 2005 г. Однако при этом доля рабочих и служащих государственного сектора в общей численности экономически активного населения уменьшилась незначительно, и в начале XXI в. этот показатель вышел на уровень 1957 г. (табл. 6).

Таким образом, динамика занятости на предприятиях государственного сектора и изменение доли занятых на предприятиях государственного сектора в экономически активном населении страны за годы экономической реформы отнюдь не свидетельствуют о стре-

Таблица 6

Динамика и структура занятых в государственном секторе КНР (1957—2005 гг.)

	1957	1965	1975	1978	1985	1990	1994	1997	2000	2005
Экономически активное население, млн. человек	238	287	382	401	499	639	672	696	740	779
Рабочие и служащие (всего), млн. человек	32,1	51,4	82,2	95,1	128	170	186	208	231	273
<i>в том числе:</i>										
занятые в государственном секторе, млн. человек	24,5	37,4	64,3	74,5	89,9	104	112	110	81	65
их доля в общей численности рабочих и служащих, %	76,3	72,8	78,2	78,3	70,2	62,3	60,9	54,6	35,1	23,8
их доля в экономически активном населении, %	10,3	13,0	16,8	18,6	18,0	16,2	16,7	15,9	10,9	8,3

Источник: Чжунго тунци няньцзянь-1998. С. 130—131; Чжунго тунци няньцзянь-2006. С. 126—128.

**Структура валового внутреннего продукта КНР
по потреблению в 1978—2005 гг., %**

	1978	1985	1990	1994	1997	2000	2005
Конечное потребление	100	100	100	100	100	100	100
Личное потребление	78,6	78,3	78,2	74,7	76,7	74,5	73,2
Государственное потребление	21,4	21,7	21,8	25,3	23,3	25,5	26,8

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь-2006. С. 69.

мительной либерализации китайской экономики и быстром уходе государства из экономики страны. Данные ГСУ КНР о занятости говорят лишь о том, что на первом и втором этапе экономической реформы до середины 1990-х годов численность рабочих и служащих государственного сектора продолжала расти, хотя ее доля постепенно сокращалась. Лишь на третьем этапе реформы с середины 1990-х годов началось абсолютное снижение занятых на предприятиях государственного сектора, но не за счет изменения формы собственности предприятий, а за счет массовых увольнений избыточной рабочей силы на них, что в настоящее время представляет одну из острейших социальных проблем современного Китая.

Другие статистические данные по китайской экономике в период реформ также не подтверждают вывод о быстрых темпах либерализации экономики КНР. В частности, анализ структуры валового внутреннего продукта (ВВП) по расходам с 1978 по 2005 г. показывает, что доля государственного потребления постоянно увеличивалась и в 2005 г. составила 26,8%, что на 5,4 процентных пункта выше по сравнению с 1978 г. (табл. 7).

О постепенном характере китайских реформ свидетельствуют и статистические данные о характере инвестиций с 1980 по 2005 г. За этот период удельный вес инвестиций в основные производственные фонды предприятий государственного сектора заметно снизился — с 82,0% общего объема инвестиций в 1980 г. до 33,4% в 2005 г. Однако в абсолютном исчислении общий объем инвестиций увеличился с 66,75 млрд. ю. в 1981 г. до 2966,7 млрд. ю. в 2005 г.⁷ Если при этом внимательно проанализировать структуру инвестиций в основные производственные фонды предприятий по формам собственности, то выяснится, что на первом этапе реформ (до 1985 г.)

снижение удельного веса инвестиций в основные производственные фонды предприятий государственного сектора шло за счет предприятий коллективного и индивидуального секторов. С 1985 по 1990 г. структура инвестиций в основные производственные фонды сохранялась почти без изменений. В 1990-е годы наряду с дальнейшим снижением доли инвестиций в государственный сектор произошло также значительное снижение доли инвестиций в индивидуальный сектор при определенном росте доли инвестиций в основные производственные фонды предприятий коллективного сектора (в основном это волостно-поселковые предприятия в сельской местности) и предприятий прочих форм собственности, куда по китайской статистике относятся смешанные и совместные предприятия с участием иностранного капитала, все виды акционерных предприятий, предприятия чисто иностранного капитала, в том числе зарубежных китайцев (хуацяо) из Гонконга, Тайваня и Макао. В дальнейшем происходили значительное снижение доли инвестиций в предприятия государственного сектора при повышении общего объема инвестиций — 109 млрд. ю в 1995 г. и 296,7 млрд. ю в 2005 г. — и рост доли инвестиций в предприятия прочих форм собственности при сохранении доли инвестиций в предприятия коллективного и индивидуального сектора (табл. 8).

Короче говоря, с одной стороны, в ходе экономической реформы за 25 лет в КНР произошло абсолютное увеличение инвестиций в основные производственные фонды предприятий государственного сектора — в 20 раз с лишним. С другой стороны, в 2000 г. по-прежнему удельный вес инвестиций в основные производственные фонды предприятий государственного сектора превышал инвестиции в основные фонды предприятий всех остальных форм собствен-

Таблица 8

Инвестиции в основные производственные фонды по формам собственности в 1980–2005 гг., %

	1980	1985	1990	1995	2000	2005
Всего инвестиций	100	100	100	100	100	100
Государственный сектор	82,0	66,0	66,1	54,4	50,1	33,4
Коллективный сектор	5,0	12,9	11,7	16,4	14,6	13,5
Индивидуальный сектор	13,0	21,0	22,2	12,8	14,3	15,6
Прочие сектора	16,4	21,0	37,5

Источники: Чжунго тунцзи няньцзянь-1998. С. 186; Чжунго тунцзи няньцзянь-2006. С. 189.

ности вместе взятых. Однако через несколько лет, несмотря на заметный прирост инвестиций в основные фонды предприятий государственного сектора, их доля заметно уменьшилась в пользу инвестиций в различного рода акционерные предприятия, особенно с участием иностранного капитала.

Следует обратить особое внимание на источники финансирования в основные производственные фонды. Еще до начала реформ основным источником финансирования предприятий государственного сектора (более 50% всех инвестиций) являлись собственные фонды предприятий и остаток прибыли от хозяйственной деятельности предприятий после уплаты всех налогов и банковского процента за кредит, а для предприятий всех остальных форм собственности этот источник был и единственным. Во время реформы роль этого источника инвестиций заметно выросла. Если в 1981 г. доля собственных средств предприятий как источника инвестиций в основные производственные фонды составляла 55,4%, в 1997 г. — уже 67,7%, а к 2005 г. она выросла до 74,1%. При этом происходило постоянное снижение доли инвестиций из государственного бюджета, что являлось отражением государственной политики в отношении предприятий всех форм собственности — «самим отвечать за прибыли и убытки» (*цзыфу инькуй*). На первом этапе реформы (до 1985 г.) повышалась роль внутренних кредитов как источника финансирования развития предприятия, однако с середины 1980-х годов эта доля остается на уровне 17—22% всего объема инвестиций в основные производственные фонды. В настоящее время главную роль продолжают играть собственные средства предприятий. Доля иностранных инвестиций заметно выросла к середине 1990-х годов — с 3,6% в 1985 г. до 10,3% в 1997 г., причем основной прирост иностранных инвестиций начался лишь в 1990-е годы. Роль иностранных инвестиций в общем объеме инвестиций в основные производственные фонды предприятий невелика и составила всего 4,2% в 2005 г. (табл. 9).

В целом изменения структуры инвестиций в основные фонды предприятий государственного сектора во многом напоминают аналогичные показатели в целом по стране. Для госсектора собственные средства предприятий также являлись главным источником финансирования. Но если в 1990 г. эта доля была ниже, чем у предприятий других форм собственности — 54,1% всех инвестиций, то в 1997 г. государственные предприятия уже сравнялись по этому показателю со средним по стране — 67,0%. При этом на предприятиях госсектора происходил постоянный рост прямых бюджетных

**Инвестиции в основные производственные фонды
по источникам финансирования в 1981—2005 гг.**

	Единица измерения	1981	1985	1990	1994	1997	2000	2005
Государственные инвестиции	млрд. ю %	27,0 28,1	40,8 16,0	39,3 8,7	53,0 3,0	69,7 2,8	210,9 6,4	415,4 4,4
Внутренние кредиты	млрд. ю %	12,2 12,7	51,0 20,1	88,5 19,6	399,8 22,4	478,3 18,9	672,7 20,3	1631,9 17,3
Иностранные инвестиции	млрд. ю %	3,6 3,8	9,1 3,6	28,5 6,3	176,9 9,9	268,4 10,3	169,6 5,1	397,9 4,2
Собственные средства предприятий и прочие	млрд. ю %	53,3 55,4	153,4 60,3	295,4 65,4	1153,1 64,7	1709,6 67,7	2257,7 68,2	7013,9 74,1

Источники: Чжунго тунцзи няньцзянь-1998. С. 187; Чжунго тунцзи няньцзянь-2006. С. 191.

инвестиций и внутренних кредитов для развития основных производственных фондов, и доля этих источников инвестиций была выше, чем у предприятий других форм собственности. Например, в 1990 г. доля прямых бюджетных инвестиций составила 13,2% всех инвестиций (8,7% для предприятий всех форм собственности), а в 1997 г. — 4,7% (2,8% для предприятий всех форм собственности); доля внутренних кредитов на развитие предприятий госсектора в 1990 г. составила 23,6% (19,6% для предприятий всех форм собственности), а в 1997 г. — 23,0% (18,9% для предприятий всех форм собственности)⁸. Таким образом, хотя в условиях перехода большей части предприятий государственного сектора на самокупаемость и самофинансирование собственные фонды предприятий становились не просто основным, а главным источником финансирования, тем не менее предприятия госсектора получали больше прямых инвестиций из государственного бюджета и имели больше возможностей для привлечения внутренних банковских кредитов.

Разумеется, в годы реформы доля расходов государственного бюджета в ВВП сокращалась, однако не столь стремительно, как это представляется на основании данных об исполнении государственного бюджета в эти годы. Для борьбы с бюджетным дефицитом с 1982 г. в Китае стали использовать так называемый «двойной бюджет»: регулярный государственный бюджет и бюджет капитального

строительства. Основной целью «двойного бюджета» является выведение всех расходов по капитальному строительству за рамки регулярного госбюджета, при этом весь излишек, образовавшийся в регулярном государственном бюджете, поступает в бюджет капитального строительства. Во избежание задержек платежей разрешено строительство только при наличии реальных источников финансирования, а в случае банковского кредитования под капитальное строительство запрещено кредитование под банковский процент выше инфляционного. Как показывает детальный анализ распределения бюджета капитального строительства, которым распоряжаются центральные и местные власти, за счёт этого бюджета покрываются также расходы на городское управление, оперативные и административные расходы.

До 1992 г. происходило постоянное увеличение объема «второго бюджета», который вырос с 73,5 млрд. ю (60% официального государственного бюджета) в 1982 г. до 385 млрд. ю (110,6% официального бюджета) в 1992 г. Однако в 1994 г. в ходе налоговой реформы с целью привлечения дополнительных средств в центральный бюджет были разделены доходы центрального и местных бюджетов, что привело к уменьшению «бюджета капитального строительства», однако уже в 1996 г. он был восстановлен в прежнем объеме — 389,3 млрд. ю., но уже составлял всего 52,5% всей суммы доходов государственного бюджета⁹. Безусловно, доля расходной части как официального госбюджета, так и «двойного» бюджета в ВВП в ходе реформы снижается, однако не столь стремительно, как кажется на первый взгляд. Если в 1970 г. доля расходов госбюджета в ВВП составляла 28,8%, в 1978 г. — 30,7%, то в 1985 г. — уже 22,2%, в 1990 г. — 16,5%, а в 1996 г. — 11,2%. Однако, если мы добавим показатели расходной части бюджета капитального строительства, то будет ясно, что до налоговой реформы 1994 г. доля расходов «двойного бюджета» в ВВП оставалась достаточно большой — 39,1% в 1985 г., 31,0% в 1990 г., 27,5% в 1992 г. Лишь после изменения статистической учетной базы в 1994 г. доля расходов госбюджета в ВВП заметно снизилась до 16,5% в 1997 г., однако в начале XXI в. она выросла до 20,9% в 2005 г. (табл. 10).

Следует также учитывать китайские реалии при анализе расходной части официального государственного бюджета в 1970—1990-е годы. Необходимо обратить серьезное внимание на то, что за годы реформы — с 1978 по 2005 г. — выросли расходы государственного бюджета на развитие науки и техники в 23,7 раза, сельского хозяйства — в 23,3 раза, культуры, науки, здравоохранения, образования —

**Изменение удельного веса государственных
расходов в ВВП (1978—2005 гг.)**

	1978	1982	1985	1990	1992	1993	1994	1996	2000	2005
ВВП, млрд. ю.	365	532	902	1867	2692	3533	4820	7118	9921	18308
Расходы госбюджета:										
млрд. ю	112	123	200	308	374	464	579	794	1589	3393
в % от ВВП	30,7	23,1	22,2	16,5	14,0	13,9	12,0	11,2	16,0	18,5
Дополнительные расходы бюджета кап. строительства, млрд. ю.		74	153	271	365	131	171	384	353	435
Расходы гос- бюджета: с учетом бюд- жета кап.стро- ительства:										
млрд. ю	...	197	353	579	739	595	750	1178	1942	3828
в % от ВВП	...	37,0	39,1	31,0	27,5	16,8	15,6	16,5	19,6	20,9
с учетом бюджета ка- питального строительства										

Примечание. Данные за 1993—1997 гг. по расходам государственного бюджета и бюджета капитального строительства несопоставимы с предыдущими годами из-за изменения статистической учетной базы после налоговой реформы 1994 г.

Источники: Чжунго тунци няньцзянь-1998. С. 55, 275, 276, 283; Чжунго тунци няньцзянь-2006. С. 57, 281, 298, 299.

в 54 раза, в фонд социального страхования — в 37,7 раза, на ценовые субсидии — в 90,7 раз, на оборону — в 14,7 раз, на обслуживание государственного аппарата — почти в 100 раз (табл. 11).

Несмотря на то, что доля основных расходов государственного бюджета в ВВП не столь велика, тем не менее, по его основным статьям она хотя и ниже показателей 1978 г. — последнего года перед началом экономической реформы, но выше уровня 1970 г. — в эпоху командно-административной модели экономики. Серьезное

**Динамика и структура расходов государственного бюджета
в ВВП в 1970—2005 гг.**

	Единица измерения	1970	1978	1985	1990	1994	1996	2000	2005
ВВП	млрд. ю.	225	365	902	1867	4820	7118	9921	18308
Расходы официального госбюджета	млрд. ю.	65	112	200	308	579	794	1589	3393
<i>в том числе:</i>									
дополнительные средства для оборотных фондов предприятий	млрд. ю. %	3,1 1,4	5,2 1,4	1,4 0,2	1,1 0,06	1,7 0,04	4,3 0,06	7,1 0,07	1,8 0,01
фонд развития науки и техники	млрд. ю. %	1,5 0,7	6,3 1,7	10,3 1,2	15,4 0,8	41,5 0,9	52,3 0,73	86,5 0,87	149,5 0,82
на развитие сельского хозяйства	млрд. ю. %	1,6 0,7	7,7 2,1	10,1 1,1	22,2 1,2	40,0 0,85	51,0 0,71	76,7 0,77	179,2 0,98
здравоохранение, наука, культура, образование	млрд. ю. %	4,4 1,95	11,3 3,1	31,7 3,5	61,7 3,3	127,8 2,7	170,4 2,4	273,7 2,75	610,4 3,3
фонд социального страхования и пенсионный фонд	млрд. ю. %	0,65 0,3	1,9 0,5	3,1 0,3	5,5 0,3	9,5 0,2	12,8 0,2	21,3 0,2	71,6 0,4
ценовые субсидии	млрд. ю. %		1,1 0,3	26,2 2,9	38,1 2,05	31,4 0,7	45,4 0,6	104,2 1,05	99,8 0,5
на оборону	млрд. ю. %	14,5 6,4	16,8 4,6	19,1 2,1	29,0 1,6	55,1 1,2	72,0 1,0	120,7 1,2	247,5 1,35
на обслуживание государственного аппарата	млрд. ю. %	2,5 1,1	4,9 1,4	13,0 1,45	30,3 1,6	72,9 1,55	104,1 1,46	178,8 1,8	483,5 2,6

Источники: Чжунго тунци няньцзянь-1998. С. 55, 275, 276; Чжунго тунци няньцзянь-2006. С. 57, 282—283.

снижение доли расходов госбюджета в ВВП намечалось только в 1990-е годы по мере развертывания экономической реформы. Особо стоит отметить снижение в 1990-е годы доли расходов на оборону, большая часть расходов приходится на статьи расходов на развитие науки и техники (планы НИОКР), фундаментальную науку, здравоохранение, образование и культуру и на обслуживание госаппарата. В XXI в. расходы на оборону, обслуживание государственного аппарата, образование, здравоохранение, науку и культуру заметно увеличились. Доля ВВП на эти статьи расходов вновь стала такой же, как в конце 1980-х годов, а доля расходов на обслуживание государственного аппарата заметно выросла по сравнению с 1990 г. и составила 2,6% объема ВВП.

С конца 1970-х годов в целях борьбы с инфляцией в расходах государственного бюджета были предусмотрены специальные ценовые субсидии (дотации), которые составили в 1985 г. 2,9% объема ВВП. В дальнейшем по мере перехода к рынку доля государственных расходов на ценовые субсидии постепенно сокращалась, однако в 2005 г. этот показатель (0,5%) превысил показатель 1978 г. (всего 0,3%). Следует также обратить внимание на сравнительно низкий удельный вес расходов по фонду социального страхования и пенсионному фонду. Как показывают статистические данные, удельный вес расходов на социальные нужды в ВВП Китая как был невелик до реформы — 0,3% в 1970 г., 0,5% в 1978 г., так и остался низким в 1980—1990-е годы — 0,2—0,3% ВВП, его доля увеличилась лишь до 0,4% ВВП в 2005 г. Дело в том, что в отличие от бывшего СССР лишь незначительная часть китайского населения пользовалась раньше и пользуется теперь различными льготами по социальному страхованию непосредственно из госбюджета. В частности, бесплатным медицинским обслуживанием могли пользоваться только занятые в государственном секторе кадровые работники (*ганьбу*), работники науки, образования, здравоохранения и культуры. Рабочие и не имеющие высшего и среднего специального образования служащие пользовались услугами по социальному страхованию (пенсионное обеспечение, медицинское обслуживание, материальная помощь) только за счет собственных средств предприятия. Это относится и к огромной массе китайского крестьянства, на которое распространяется «система пяти обеспечений» (*убаочжи*), средства на которые выделяются за счет мест. Расходы по фонду социального страхования из государственного бюджета — как раньше, так и теперь — включают пенсии для инвалидов и членов семей, потерявших кормильца, пенсии для ветеранов труда, общие расходы государства по социаль-

ному страхованию (медицинское обслуживание, оплата бюллетеней и отпусков для служащих государственного сектора) и расходы по фонду для пострадавших от стихийных бедствий, а также по категории «прочие расходы». Таким образом, на большую часть населения КНР не распространялись и не распространяются льготы по социальному страхованию, и для Китая традиционно низка доля социальных расходов в ВВП, ибо никакой бюджет не сможет выдержать этой нагрузки при таком огромном населении. Нельзя подходить к оценке статистических данных по экономике КНР, абстрагируясь от китайской действительности, без учета огромной массы населения, которую необходимо обеспечить основными жизненными средствами. Всё это находит свое отражение в статистической учетной базе, заметно отличающейся и от развитых стран Запада, и от России и стран СНГ и Восточной Европы. Использование «двухколейной» системы цен в Китае в процессе перехода от плановой к рыночной экономике при сохранении относительно высокой доли расходной части государственного бюджета в ВВП также во многом способствовало сохранению контроля над инфляционными процессами. В самом деле, лишь в отдельные годы индексы потребительских, товарных и оптовых цен были выше прироста заработной платы и доходов населения (табл. 12).

Однако при этом по всей стране доля рыночных цен неуклонно увеличивалась, а доля устанавливаемых (*чжилинсин*) государством и регулируемых (*чжидасин*) государством цен неуклонно сокращалась. В начале XXI в. сохранялись устанавливаемые и регулируемые государством цены в основном в отраслях естественных монополий, таких, как линии электропередач и распределение электроэнергии, местная телефонная связь и оптово-волоконная сеть, почтово-телеграфная сеть, система навигационного слежения и контроля в гражданской авиации, железнодорожная информационная сеть и сеть монорельсовых дорог, сеть водоснабжения и система газопроводов.

В декабре 2006 г. Государственный комитет по развитию реформы КНР принял решение о либерализации цен на каменный уголь с 2007 г. В соответствии с этим решением по всей стране отменялась действующая на протяжении нескольких десятков лет система закупочных совещаний по каменному углю, на которых определялись цены на каменный уголь в ходе переговоров между производителями и потребителями на тепловых электростанциях. С 1993 г. для установления цены на электроэнергию государство определяло цены на уголь для крупных государственных электростанций, что и формировало «двухколейную» систему цен — на уголь для крупных

**Динамика изменений роста цен и уровня жизни населения
в КНР (1978—2005 гг.), % к предыдущему году**

Год	Прирост ВВП	Прирост номинальной заработной платы	Прирост реальной заработной платы	Прирост доходов сельского населения	Индекс потребительских цен	Индекс товарных розничных цен	Индекс оптовых цен на промышленные товары
1978	11,7	6,8	6,0		100,7	100,7	100,1
1979	7,6	8,6	6,6	19,2	101,9	102,4	101,5
1980	7,8	14,1	6,1	16,6	107,5	106,0	100,5
1981	5,2	1,3	-1,2	15,4	102,5	102,4	100,2
1982	9,1	3,4	1,3	19,9	102,0	101,9	99,8
1983	10,9	3,5	1,5	14,2	102,0	101,5	99,9
1984	15,2	17,9	14,8	13,6	102,7	102,8	101,4
1985	13,5	17,9	5,3	7,8	109,3	108,8	108,7
1986	8,8	15,8	8,2	3,2	106,5	106,0	103,8
1987	11,6	9,8	0,9	5,2	107,3	107,3	107,9
1988	11,3	19,7	-0,8	6,4	118,8	118,5	115,0
1989	4,1	10,8	-4,8	-1,6	118,0	117,8	118,6
1990	3,8	10,6	9,2	1,8	103,1	102,1	104,1
1991	9,2	9,3	4,0	2,0	103,4	102,9	106,2
1992	14,2	15,9	6,7	5,9	106,4	105,4	106,8
1993	14,0	24,3	7,1	3,2	114,7	113,2	124,0
1994	13,1	34,6	7,7	5,0	124,1	121,7	119,5
1995	10,9	21,2	3,8	5,3	117,1	114,8	114,9
1996	10,0	12,9	3,8	9,0	108,3	106,1	102,9
1997	9,3	4,2	1,1	4,6	102,8	100,8	99,7
1998	7,8	6,6	7,2	4,3	99,2	97,4	95,9
1999	7,6	11,6	13,1	3,8	98,6	97,0	97,6
2000	8,4	12,3	11,4	2,1	100,4	98,5	102,8
2001	8,3	16,0	15,2	4,2	100,7	99,2	98,7
2002	9,1	14,3	15,5	4,8	99,2	98,7	97,8
2003	10,0	13,0	12,0	4,3	101,2	99,9	102,3
2004	10,1	14,1	10,5	6,8	103,9	102,8	106,1
2005	9,9	14,9	13,1	6,2	101,8	100,8	104,9

Составлено по: Чжунго тунци чайяо-2006. С. 23, 48, 93, 108.

государственных электростанций («плановый» уголь) и уголь для других целей («рыночный» уголь). Ежегодно происходили закупочные совещания по каменному углю, по итогам которых увеличивался разрыв в ценах на «плановый» и «рыночный» уголь. Поэтому с

2007 г. система действующих совещаний по закупкам угля отменена, и вместо нее создается рынок угля, в основе которого будет Все-китайская фондовая угольная биржа с региональными фондовыми рынками в качестве дополнения к нему. Предполагается, что от-пуск цен на каменный уголь позволит освободить цены на электро-энергию — ее производство, доставку и распределение. Однако, по мнению китайских экспертов, данная мера должна быть согласована с либерализацией цен на транспортные услуги, от которых в значи-тельной степени зависит цена за тонну угля. В настоящее время транс-портные компании монополизировали доставку угля в масштабах страны¹⁰.

Эти меры являются необходимыми для реализации поставлен-ных на 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.) задач об ускорении формирования единого китайского рынка. Как отме-чено в материалах пленума, укрепление целостности рынка пред-ставляет собой важную задачу в ходе строительства современной рыночной системы. Было признано необходимым всемерно способ-ствовать усилению открытости рынка как вовне, так и по отноше-нию к внутренним районам, предложено в короткие сроки «осво-бождать» цены на факторы производства, развивать такие современ-ные формы обращения, как электронная торговля, сети фирменных магазинов, весь цикл доставки и хранения грузов (обращение, рас-пределение, складирование и доставка), способствовать развитию свободного обращения и полной конкуренции в масштабах страны для всех видов товаров и факторов производства. В документах осо-бо отмечалась необходимость устранения различных положений по разделению рынков, препятствующих равной конкуренции, созда-ющих административные барьеры и приводящих к бойкотированию товаров и услуг, произведенных не в данной местности, что должно привести к разрушению отраслевого монополизма и административ-ного сепаратизма. В рамках принятого постановления рекомендо-вано активно развивать структуру самостоятельных и в рамках дей-ствующих законов и нормативов специализированных рынков по-среднических услуг, в соответствии с рыночными принципами упор-ядочить и развивать различные отраслевые и торговые союзы и прочие самостоятельные хозяйственные организации. Все эти меры в конечном счете должны привести к дальнейшему совершенствова-нию системы контроля за рынком, включающую исполнение адми-нистративного права, отраслевого права, активизировать обществен-ный контроль и привлечение масс к участию в контроле за хозяй-ственной деятельностью. В результате в масштабах страны будет дей-

ствовать механизм контроля за качеством продукции, расширятся возможности пресечения противозаконных действий, связанных с производством поддельной и фальшивой продукции.

В сельской местности проблема формирования рынка приобрела первостепенное значение лишь с 1993 г. на третьем этапе реформы — этапе «социалистической рыночной экономики». В это время стали создаваться оптовые рынки, структура которых сформировалась лишь к концу 1990-х годов. В основу этой структуры было положено огромное количество первичных сельских рынков на уровне уезда и ниже, на которых крестьяне-производители сами реализовывали свою продукцию, здесь практически не было посредников, объем товарной продукции, предлагаемой каждым отдельным продавцом, был невелик. Второй уровень пирамиды составляли многочисленные оптовые рынки 2-й категории на уровне уездов, округов, провинций, их товарооборот составлял примерно 30% розничного оборота страны. По сути дела, именно эти рынки формируют основу системы рыночной экономики в Китае. На верхнем уровне находятся крупные оптовые рынки общегосударственного значения 1-й категории, которые обеспечивают закупку и сбыт основных видов сельскохозяйственной продукции — рынки зерна и растительного масла, овощей, мороженой продукции, сахара, фруктов, продукции водного промысла и специфических видов продукции (кожа, мех, шерсть, бамбук, чай и др.). Кроме того, в середине 1990-х годов в Китае стали создаваться фьючерсные оптовые рынки как по ряду видов сельскохозяйственной продукции, например, в Шанхае, так и по ее отдельным видам — зерна в Чжэнчжоу (пров. Хэнань), каучука, кофе, пальмового масла (пров. Хайнань), сои в Даляне (пров. Ляонин). По мнению Л.Д.Бони, государственное регулирование на рынках сильнее на более высоких уровнях, на оптовых рынках уровня уезда и ниже присутствие государства практически незаметно¹¹.

В конце 2006 г. в целях реализации курса на развитие всех видов рынков и учитывая «необходимость устранения различных положений по разделению рынков, препятствующих равной конкуренции, создающих административные барьеры и приводящих к бойкотированию товаров и услуг, произведенных не в данной местности»¹², по инициативе Министерства коммерции КНР в городе Иу пров. Чжэцзян (300 км на юг от Шанхая) был создан самый большой в мире оптовый рынок мелких товаров. На этом рынке продаются 400 тыс. видов мелких товаров, закупки ведут представители более 100 стран мира, на экспорт отправляется более 1500 контей-

неров в день, более 760 иностранных компаний открыли свои представительства. На основе деятельности этого рынка создана система индекса Иу, которая состоит из 23 отдельных индексов, разделенных на три категории — индекс цен мелких товаров, индекс активности мелкотоварного рынка и индекс контроля. Они отражают изменения и тенденцию цен товаров рынка Иу, состояние рынка. Главные показатели индекса Иу — еженедельный индекс цен и ежемесячный индекс активности — регулярно размещаются в Интернете на сайтах Министерства коммерции КНР, правительства города Иу и центральных СМИ Китая¹³. Создание такого оптового рынка мелких товаров на общегосударственном уровне свидетельствует о повышении открытости коммерческой информации для Китая и мирового рынка, о выходе страны на новый этап развития рыночной экономики.

Развитие рынка капитала и прочих факторов производства с целью привлечения прямых инвестиций в экономику страны является одним из важнейших направлений китайской реформы. Для этого планируется создать многоуровневую систему рынка капитала и совершенствовать его структуру. Китайское руководство предполагает развивать биржи ценных бумаг, создавать биржевые структуры для стимулирования венчурных инвестиций, а также специальные инновационные биржи, предназначенные для размещения акций высокотехнологичных предприятий. В настоящее время в КНР имеются только две фондовые биржи — в Шанхае и Шэньчжэне. Однако в будущем предполагается активно развивать фондовый рынок, совершенствуя порядок эмиссии ценных бумаг и акций, расширять масштабы эмиссии акций крупных компаний. Это будет способствовать развитию системы институциональных инвесторов, расширению каналов упорядоченного выхода капитала на рынок. В результате должен быть создан единый взаимосвязанный рынок ценных бумаг, будет постоянно совершенствоваться система заключения сделок, осуществления расчетов и рынок фьючерсных сделок. В перспективе также предусматривается развитие рынков таких факторов производства, как земля, технологии и рабочая сила, совершенствование сделок в области имущественных прав и системы имущественного и личного страхования, а также перестрахования.

Важной составной частью мер в области рыночной экономики в КНР является дальнейшее развитие социального кредитования, которое представляет собой обязательное условие построения современной рыночной системы, которая должна основываться на строгих моральных принципах, имущественном праве и обеспечивается

пакетом принятых законодательных актов. В решениях 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва отмечалась необходимость постепенно совершенствовать законодательство в данной области, которое должно обслуживать специфические направления хозяйственной деятельности, торговлю, способствовать ускорению создания системы кредитного обслуживания для предприятий и частных лиц. В перспективе предусматривается постепенно ориентировать рынок кредитных услуг на границу.

В результате принятых за последние годы мер по развитию рыночной инфраструктуры в экономике были достигнуты заметные успехи в реформе системы ценообразования и инвестиционной политике. В годы 9-й пятилетки (1996—2000 гг.) одним из основных достижений стало расширение внутреннего спроса и оживление экономической активности, что помогло преодолеть последствия азиатского финансового кризиса и увеличить масштабы и емкость внутреннего рынка. В области ценообразования удалось добиться совершенствования механизма макроконтроля за совокупным уровнем цен и началось формирование рыночного механизма ценообразования. В дальнейшем в период 10-й пятилетки были осуществлены мероприятия по углублению реформы ценообразования при сохранении необходимого контроля за общим уровнем цен и соблюдении справедливой конкуренции для сдерживания инфляционных тенденций. Об этом свидетельствуют низкие показатели роста всех видов цен — потребительских, товарных розничных, оптовых и других за период с 1998 по 2006 г. В годы 10-й пятилетки (2001—2005 гг.) был обеспечен значительный рост инвестиций в основные производственные фонды, особенно в объекты инфраструктуры. Несмотря на резкий рост инвестиций в основные производственные фонды, в КНР удалось сохранить низкие темпы роста цен и опережающий рост доходов населения. Такие результаты достигнуты благодаря созданию рыночной инфраструктуры в экономике страны, в которой стало более полно проявляться действие рыночного механизма, формирующего основные приоритеты развития и обеспечивающего сочетание интересов государства, предприятия и отдельной личности.

Источники:

- ¹ Чжунго тунци няньцзянь-2006 (Китайский статистический ежегодник-2006). Пекин, 2006. С. 786.
- ² Подробнее см.: Цзинци цюаньцюхуа юй ЧжунЭ цзинци (Экономическая глобализация и экономики России и Китая)/ ЧжэнЭ шэхуэй кэсюэ лунь-

- тань (Китайско-российский форум по проблемам общественных наук), АОН Китая – Российская академия наук. Пекин, 2006. С. 1–23 (кит. яз./рус. яз.).
- ³ *Жигулева В.В.* От плана к рынку: опыт КНР в области реформы ценообразования. М.: ИДВ РАН, 2006. С. 17–18.
- ⁴ *Илларионов А.* Секрет китайского экономического чуда // Вопросы экономики. 1998. № 4. С. 25–26.
- ⁵ Чжунго тунцзи няньцзянь-1998 (Китайский статистический сборник-1998). Пекин: ГСУ КНР, 1999. С. 275–276; Чжунго тунцзи няньцзянь-2006 (Китайский статистический сборник-2006). Пекин: ГСУ КНР, 2006. С. 282–283.
- ⁶ Чжунго тунцзи няньцзянь-1998. С. 130–131.
- ⁷ Чжунго тунцзи няньцзянь-2006. С. 189.
- ⁸ Там же. С. 190.
- ⁹ Там же. С. 298.
- ¹⁰ Чжунго цзинцзи шибао. 30.12.2006.
- ¹¹ *Бони Л.Д.* Китайская деревня на пути к рынку. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2003. С. 213–230.
- ¹² Чжунгун Чжунъян гуаньюй ваньшань шэхуэйчжуи шичан цзинцзи тичжи жогань вэньтиды цзюэдин (Решение ЦК КПК о некоторых вопросах совершенствования системы социалистической рыночной экономики). 3-й пленум ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.). Пекин, 2003. С. 19.
- ¹³ Китай. 2006. № 12 (14). С. 30–31.

РЕФОРМА СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МАКРОКОНТРОЛЯ

Важное место в создании социалистической рыночной экономики в КНР занимает **теория реформы системы макроэкономического контроля**. Она включает три основных положения: 1) переход от методов административного управления к регулированию экономики с помощью экономических рычагов; 2) создание скоординированной единой системы макроконтроля; 3) установление отношений между контролем на макроуровне и рыночным механизмом. Как отмечал в своей статье Ли Теин, «цели реформы системы макроконтроля заключаются в построении системы макроконтроля, отвечающей требованиям рынка и осуществляемой в основном за счет экономических рычагов»¹.

Главным вопросом практической реализации этих постулатов стала реформа финансовой системы. В Китае с 1980 г. применяется система «разделения доходов и расходов и разделения ответственности по уровням управления». В 1994 г. была создана новая налоговая система, разделенная на центральную и местную. В 1980—1990-е годы создана система макрорегулирования и контроля, во главе которой стоял Центральный банк, чьи функции были возложены на Народный банк Китая. Он контролировал и направлял деятельность государственных отраслевых, региональных и коммерческих банков. В то же время в стране начали действовать акционерные банки, кооперативные кредитные товарищества и филиалы и представительства иностранных банков.

Китайский опыт реформы системы макроконтроля показывает, что в рыночной экономике важна роль государства. Государство освобождает себя от постоянного административного контроля за деятельностью субъектов рынка, но это делается постепенно, по этапам, на протяжении более 20 лет при сохранении контроля за ос-

новными отраслями экономики посредством проведения валютно-финансовой политики через бюджет, налоги, цены, учетную ставку, кредит и другие инструменты, а также посредством издаваемых законодательной и исполнительной властью правовых нормативных документов, обеспечивая, таким образом, возможности для создания и развития предприятий различных форм собственности и рыночной конкуренции между ними.

В начале XX в. на новом витке реформы государство в КНР по-прежнему продолжает играть важную роль в управлении экономической страны. Основные ориентиры экономической жизни в стране намечаются решениями КПК и высшего законодательного органа КНР — Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП).

В последние годы руководство КНР отходит от методов директивного планирования, в документах съездов и пленумов КПК и сессий ВСНП дается крайне мало конкретных плановых показателей развития народного хозяйства страны, которые большей частью носят индикативный характер. Показатель среднегодовых темпов роста ВВП выступает в качестве главного. В частности, в работе Центра развития Госсовета КНР отмечалось, что среднегодовые темпы роста ВВП в 11-й пятилетке (2006—2010 гг.) должны сохраняться на уровне 8%, в 2010 г. показатель ВВП должен составить 21,5 трлн. ю (примерно 2,6 трлн. долл. по текущему валютному курсу) при 1900 долл. в год на душу населения. В последующие 10 лет объем ВВП должен вырасти в 2 раза по сравнению с 2010 г. и составить 43 трлн. ю (5,4 трлн. долл.), или примерно 3500 долл. на душу населения в 2020 г., по этому показателю Китай войдет в ряды стран со средним доходом на душу населения².

Большая часть народнохозяйственных задач на 11-ю пятилетку (2006—2010 гг.) и до 2020 г. обнародована не в виде директивных заданий, которые необходимо выполнить любой ценой, а в виде намеченных на определенный срок индикативных показателей. По итогам развития народного хозяйства КНР к началу 11-й пятилетки отмечено шесть основных моментов, которыми характеризуется нынешний уровень экономического развития страны. *Во-первых*, социально-экономическое развитие вступило в новую стадию, характеризующуюся показателем ВВП на душу населения примерно 1400 долл. в год, произошли изменения в потребительском спросе, урегулировании отраслевой структуры, ускорении процессов урбанизации. *Во-вторых*, расширились масштабы экономического роста, открывшиеся перед страной в результате ухода от инфляции. *В-третьих*, экономическая система по-прежнему сохраняет состояние оп-

ределенного переходного качества, что вызывает необходимость все-стороннего, сбалансированного и устойчивого развития. *В-четвертых*, сохраняются социальные противоречия, которые преломляются в неравенстве доходов, безработице из-за структурной перестройки, миграции населения из-за двухсекторной экономики города и деревни. *В-пятых*, произошли большие изменения во внешней обстановке, которые выражаются во вступлении КНР в ВТО и необходимости завершить «переходный период» для того, чтобы страна полностью соответствовала всем критериям членства в ВТО. *В-шестых*, подверглась изменению «стратегия развития» (*фацжань гуаньнянь*), в которую заложен переход от экстенсивных методов развития экономики к интенсивным, что предполагает повышение роли науки и техники в развитии экономики.

В соответствии с оценкой социально-экономической ситуации поставлены основные задачи развития народного хозяйства КНР на 11-ю пятилетку и на последующие 10 лет. Как отмечено в статье Ван Мэнкуя, «в планах развития народного хозяйства была определена лишь единственная конкретная цифра — четырехкратное увеличение показателя ВВП с 2000 до 2020 г. Все прочие показатели трудно выразить в цифрах или нет необходимости это делать из-за изменяющихся условий»³.

Как мы видим, руководство КНР переходит на новые методы управления экономикой, связанные не с директивным планированием многочисленных экономических показателей, а к формированию необходимых экономических условий для достижения намеченных целей и задач. В научных статьях и материалах сессии ВСНП в марте 2006 г. обозначено семь основных условий, которые необходимо соблюдать для успешной реализации задач экономической реформы: 1) наличие сравнительно прочной материально-технической основы; 2) быстрое накопление капитала и высокий уровень инвестиций; 3) расширение внутреннего рынка; 4) наличие большого количества рабочей силы и природных ресурсов; 5) углубление реформ для развития инновационной среды; 6) социально-политическая стабильность; 7) благоприятная внешняя обстановка. По мнению китайского руководства, эти основные условия могут обеспечить дальнейшее развитие реформ при всестороннем учете и анализе важнейших проблем современного развития страны.

Главным вопросом остается выработка переходной модели экономического роста. Прежняя модель, основанная на экстенсивных факторах развития, таких, как использование большого количества рабочей силы, энергоносителей, сырья и материалов, постепенно

исчерпывает себя из-за нарастающего дефицита квалифицированных людских и природных ресурсов. Перед Китаем поставлена задача перехода к интенсивным формам развития, повышению качества рабочей силы, экономии сырья и материалов, и особенно энергоресурсов, которые являются дефицитными для страны.

Вторым фактором являются быстрые темпы урбанизации в стране, которая связана с ростом производительности труда в сельском хозяйстве, вытеснением крестьян с земли и необходимостью развития отраслей несельскохозяйственной сферы, доля занятости в которых в КНР намного меньше, чем в развитых странах. По оценкам, сделанным в 1995 г., доля городского населения в 2010 г. увеличится до 50%, а к 2020 г. — до 64%, что создаст новые вызовы для китайской экономики, связанные с развитием дополнительной инфраструктуры в городах — дороги, тепло- и электроснабжение, образование, здравоохранение и др.

Еще одним важным фактором являются социальные проблемы, обусловленные ростом безработицы в сельской местности в связи с сокращением пахотных площадей и повышением производительности труда в сельском хозяйстве, растущим разрывом в доходах между различными слоями населения, необходимостью обеспечения социальных гарантий в условиях рыночной экономики для безработных, пожилых, женщин, занятых в домашнем хозяйстве, а также укреплением механизма социальной мобильности, которая позволит снять обострение противоречий, связанных с социальным расслоением, которое отражает изменения в социальной структуре общества в период перехода от плановой к рыночной экономике.

Наконец, важным моментом, оказывающим серьезное влияние на развитие реформ, является необходимость повышения уровня открытости экономики в целом. Имеется в виду увеличение доли экспортной и импортной квоты в объеме ВВП, что позволит расширить емкость и спрос на внутреннем рынке, обеспечит выход китайских товаров на мировой рынок для большей загрузки производственных мощностей, а также поступление необходимых валютных средств и природных ресурсов и сырья из-за рубежа.

Реализация всего комплекса вопросов, связанных с осуществлением поставленных народнохозяйственных задач, позволит Китаю выйти на новый этап перехода к рыночной экономике и построить общество «малого благоденствия» (*сяокан*), а в последующем — и общество «зажиточности» (*фуюй*). В целом же экономическая реформа на протяжении 25 лет с лишним развивалась и будет развиваться в дальнейшем под руководством КПК и государства, которое

осуществляет стратегическое планирование народного хозяйства и в случае необходимости корректирует намеченные программы реформ через высший законодательный орган — ВСНП и высший исполнительный орган — Госсовет КНР.

После образования КНР в течение многих лет до начала XXI в. планирование подразделялось на три вида: долгосрочное (на 10 и более лет), среднесрочное (на 5 лет) и текущее (на один год). По мнению китайских ученых, «установление долгосрочных, пятилетних и годовых планов развития народного хозяйства могло обеспечить сочетание долгосрочных целей и текущей работы. Иными словами, цели и задачи средне- и долгосрочного планирования определяли курс развития на перспективу и могли гарантировать непрерывность и стабильность плана, избежать провалов в экономическом строительстве»⁴. Ранее в годы первых пятилеток в основу планирования были заложены годовые планы развития народного хозяйства, однако в дальнейшем центр тяжести планирования был перенесен на составление среднесрочных планов по пятилеткам. В КНР также существовали четыре уровня планирования — общегосударственное, отраслевое, территориальное и по предприятиям, и все виды планирования были взаимно увязаны между собой. В начале 1980-х годов в КНР по-прежнему сохранялась система централизованного планирования, которая во многом напоминала сложившуюся к началу 1930-х годов советскую систему. Однако в КНР в отличие от СССР у местных руководителей было больше свободы в реализации плановых заданий, особенно в сфере сельского хозяйства, связанных с учетом местных условий (*иньди чжици*) на территории различных регионов Китая.

В 1950—1970-е годы плановые государственные органы непосредственно определяли социально-экономический курс и цели, темпы роста, уровень производства основных видов продукции промышленности и сельского хозяйства, важнейшие пропорции, масштабы, использование и главные объекты капиталовложений в основные производственные фонды, территориальное размещение, рост жизненного уровня населения, государственный бюджет, денежную эмиссию, доходы и расходы бюджета, закупки, распределение и оборот материальных ресурсов, цены на основные товары. Планы по ведомствам и регионам являлись составной частью государственного плана. При едином планировании порядок планирования определялся отдельно для центра и мест.

Выделялись пять основных направлений планирования: 1) предприятия и учреждения; 2) инвестиции в основные производствен-

ные фонды; 3) продукция промышленности и сельского хозяйства; 4) доходы и расходы бюджета; 5) рабочая сила.

Предприятия. Для небольшой части предприятий план составлялся непосредственно ведомствами Госсовета КНР или совместно с местными органами. Для этих предприятий определялись производственные и финансовые планы, планы строительства, непосредственно из центра выделялись основные материальные ресурсы, составлялись планы распределения продукции, местные власти несли ответственность за снабжение материальными ресурсами и предметами потребления. Им выделялось топливо и сырье, которые расходовались по определенным нормативам. Все прочие предприятия управлялись местными органами власти или совместно с центральными (так называемые предприятия двойного подчинения). Производственные, строительные и финансовые планы для этих предприятий формировались местными властями, так же как и баланс снабжения, производства и сбыта, однако они являлись частью государственного плана.

Капиталовложения в основные производственные фонды. Государство в лице ведомств Госсовета КНР несло ответственность за распределение капиталовложений в рамках центрального государственного бюджета, ведомственного самофинансирования, за использование и возврат государственных и зарубежных кредитов. Местные органы власти отвечали за местные инвестиции, местное самофинансирование и использование и возврат государственных и зарубежных кредитов на местах, однако все эти капиталовложения входили в общий народнохозяйственный баланс и включались в государственный план. Банковские кредиты выделялись банками на основе государственных планов. Все капиталовложения на крупные и средние объекты независимо от источников финансирования утверждались государством, на мелкие объекты — местными ведомствами.

Продукция промышленности и сельского хозяйства. Производство и распределение продукции промышленности и сельского хозяйства осуществлялись на основе плана развития народного хозяйства. Например, план производства и закупок зерна и хлопка составлялся государством. Производство и распределение таких видов промышленной продукции, как ткани, велосипеды, швейные машины, уголь, сталь, цемент, химические удобрения, станки — за исключением производства на мелких предприятиях — управлялись государственными органами. Снабжение средствами производства обеспечивалось методом единого государственного управления.

Финансовые доходы и расходы. Государственный бюджет под-

разделялся на центральный и местный. Доходы местного бюджета после перечисления части доходов в центральный бюджет использовались на местном уровне, в случае превышения расходов из центрального бюджета выделялись средства для местных бюджетов на уровне провинций, городов и автономных районов. Местные бюджеты подлежали утверждению государством.

Рабочая сила. Государство контролировало выполнение показателей плана по набору рабочей силы на государственные предприятия, за набор и распределение рабочей силы несли ответственность местные власти. Выполнение показателей плана набора на предприятия коллективного сектора контролировалось местными властями.

До начала 1980-х годов вся административно-хозяйственная деятельность предприятий регламентировалась вышестоящими центральными ведомствами. Все необходимые средства можно было получить только после составления запроса в вышестоящую инстанцию, после перечисления прибыли предприятиям возвращались лишь средства в фонд амортизации. Однако в начале 1980-х годов после расширения прав хозяйственной самостоятельности предприятиям была передана часть прав по составлению планов, закупкам и сбыту продукции, распределению прибыли, использованию фондов.

В дальнейшем в соответствии с новыми государственными установками на расширение прав предприятий были определены четыре основные формы планирования на основе места предприятий в выполнении задач государственного плана, формы собственности предприятия, вида, важности и стандартов продукции предприятия. К первому виду планирования — *директивного планирования* относился костяк государственных предприятий или предприятия, выпускающие важнейшие виды продукции по государственному плану развития народного хозяйства, их удельный вес в объеме валовой продукции промышленности и сельского хозяйства был высок, однако ассортимент был небольшой. Ко второму виду планирования относились предприятия, производство на которых подверглось изменениям в соответствии с переходом к рынку, но осуществлялось на основе согласований в рамках государственного плана. Это был широкий ассортимент продукции, производство которой было разбросано по большому количеству мелких предприятий и индивидуальных производителей, их доля в валовой продукции промышленности и сельского хозяйства была невелика. Кроме того, были еще два вида предприятий со своими формами планирования: первый вид предприятий, где выпуск большей части продукции регулировался государственным планом, производство меньшей части продукции — на основе рыночного

спроса и предложения; другой вид предприятий, где наоборот, производство большей части продукции регулировалась с помощью рынка, а меньшей части — посредством плана.

Таким образом, в начале 1980-х годов система централизованного планового хозяйства подверглась определенным изменениям, и значительная часть продукции стала производиться не на основе плановых директивных показателей, а на основе рыночных критериев. В дальнейшем по мере развития реформы системы планирования доля предприятий директивного планирования стала постепенно сокращаться при увеличении части предприятий, ориентированных преимущественно на рынок.

В начале 1980-х годов в КНР начался переход от плановой к рыночной экономике. В деревне повсеместно внедрялась система подворного подряда и производственной ответственности, в городе предприятия получили возможность сначала использовать часть полученной прибыли в качестве премий для трудового коллектива, а в дальнейшем произошла замена системы отчислений от прибыли в бюджет на налоговые выплаты. В результате в системе стратегического управления народным хозяйством происходили определенные изменения, которые были связаны с постепенным отходом от постоянного контроля за выполнением народнохозяйственных показателей на уровне предприятий, регионов, министерств и ведомств и переходом к контролю за деятельностью всех структур с помощью различных экономических рычагов, таких как налоги, льготные кредиты, государственная закупка продукции по преференциальным ценам и др. К концу XX в. произошел постепенный переход от системы директивного планирования к системе индикативного планирования для большей части народнохозяйственных показателей. Тем не менее, для сохранения лучшей управляемости народного хозяйства в условиях нарастающего дефицита энергоносителей и обострения ситуации на транспорте было сохранено небольшое число показателей в качестве директивных (в сфере энергетики и транспорта). В результате Китай избежал заметной инфляции за счет сохранения низких цен на электроэнергию, топливо и транспорт.

Значительные сдвиги в экономике во многом способствовали преобразованию системы составления народнохозяйственных планов. Всего насчитывалось пять основных изменений при переходе к системе долгосрочного и среднесрочного планирования в 1980—1990-е годы:

1. От экономического планирования к планированию народного хозяйства и социального развития. До начала 1980-х годов осу-

ществлялось планирование количественных показателей промышленного и сельскохозяйственного производства, создавалась независимая всеобъемлющая промышленная система. Социальные показатели не входили в задания пятилетнего плана. Начиная с 1980-х годов (6-я пятилетка), план развития народного хозяйства (*гоминь цзинци цзихуа*) превратился в план развития народного хозяйства и социального развития (*гоминь цзинци хэ шэжуэй фачжань цзихуа*). В показатели среднесрочных и долгосрочных планов уже включались не только экономические показатели, но и планы социального развития, развития «третьей» сферы экономики, охраны окружающей среды, защиты природных ресурсов и др., которые занимали все больше места в пятилетних планах.

2. От пятилетнего планирования как среднесрочного к сочетанию пятилетнего и долгосрочного планирования. Начиная с 1990-х годов (8-я пятилетка), в КНР стали составлять планы десятилетнего развития народного хозяйства, а с 9-й пятилетки (1995 г.) — долгосрочные планы развития народного хозяйства сразу на 15 лет. Таким образом, произошло сочетание среднесрочного и долгосрочного планирования при составлении народнохозяйственных планов в условиях перехода к рыночной экономике.

3. От директивного планирования к макроэкономическому и стратегическому планированию. По мере перехода к рыночной экономике директивный характер планирования стал постепенно ослабевать при нарастающем развитии направляющего планирования. Плановые показатели приобретали прогнозный и индикативный характер, направляющее планирование уже было сконцентрировано на вопросах макроэкономического контроля, социального прогресса, окружающей среды и экономической структуры. Общее число традиционных количественных показателей все больше уменьшалось. Также уменьшалось общее количество плановых объектов капитального строительства.

4. От единого планирования к планированию по уровням управления. В ходе реформы и перехода от директивного к направляющему планированию заметно повысилась роль отраслевого и регионального планирования. Государственное планирование носит характер направляющего планирования в отношении планов экономического развития регионов и отраслей, а конкретные цели, задачи, политические мероприятия и показатели определяются на местах в рамках поставленной задачи на государственном уровне.

5. Повышение степени прозрачности информации при составлении среднесрочных и долгосрочных планов. При составлении сред-

не- и долгосрочных планов экономического развития значительно увеличивается объем информации для принятия решений субъектами экономической деятельности (предприятиями, организациями и др.), которые получают больше возможностей для обсуждения составляемых планов и программ экономического развития⁵.

В 1980 г. при составлении плана развития народного хозяйства было намечено четырехкратное увеличение показателя валового национального продукта (ВВП) к 2000 г. по сравнению с 1980 г. Абсолютные показатели роста ВВП на 2000 г. были перевыполнены уже в 1995 г., показатели ВВП на душу населения — в 1997 г., а Китай в основном решил задачу построения общества «малого благоденствия».

Если на первом этапе основной задачей регулирования экономической структуры было восполнение различного рода дефицитов и ликвидация народнохозяйственных диспропорций, то в настоящее время основной задачей является всестороннее и стратегическое регулирование. За 20 лет с лишним экономической реформы повысился как уровень развития производительных сил, так и комплексная мощь Китая. Возросла эффективность системы снабжения, произошло развитие инфраструктуры, постепенно исчез дефицит основных видов сельскохозяйственной продукции и, наоборот, возникли проблемы ее избытка. Выросли производственные возможности китайской промышленности, в стране появился рынок покупателей за счет того, что изменилось соотношение между спросом и предложением, экономический рост уже ограничен не снабжением и сбытом, а покупательским спросом. В экономике произошла смена ориентиров — от стремления добиться количественных показателей к повышению показателей качественных за счет изменения отраслевой структуры производства и перехода к всестороннему и стратегическому планированию пропорций между отраслями экономики, городом и деревней, различными регионами, спросом и предложением.

В процессе перехода к среднесрочному и долгосрочному планированию все больше внимания уделялось чисто экономическим рычагам, повышалась степень маркетизации общества. Все больше проявлялась роль макрорегулирования на рынке при распределении природных ресурсов. В начале XXI в. произошел переход от традиционных методов реформирования экономики к новым методам всестороннего совершенствования экономической модели, выражающимся в комплексном регулировании экономических интересов государства, предприятия и отдельного работника.

В ходе вступления КНР в ВТО в мире ускорились процессы экономической глобализации, происходило бурное развитие внешнеэкономических связей, экономика Китая все сильнее втягивалась в систему мирохозяйственных связей и международное разделение труда, а вступление страны в ВТО способствовало развитию этих тенденций.

Основные изменения в народнохозяйственном планировании произошли при составлении 10-го пятилетнего плана (2000—2005 гг.), который ознаменовал собой новый шаг в переходе от количественных показателей к качественным, от директивного к индикативному планированию.

В настоящее время при составлении планов развития народного хозяйства КНР выделяются три вида планирования: 1) программное планирование; 2) планирование по основным объектам; 3) региональное и отраслевое планирование.

Программное планирование. Результатом программного планирования стало составление программы экономического развития по пятилеткам и долгосрочной программы развития до 2010 г. Этот вид планирования предусматривает составление комплексной стратегической программы развития народного хозяйства в начале XXI в., которая должна играть направляющую роль для всех остальных планов макроэкономической политики.

Планирование по основным объектам. Такого рода планирование должно осуществляться по тем видам хозяйственной деятельности, которые трудно осуществлять, используя возможности рыночной экономики, и где требуется государственное вмешательство в отраслевое или региональное планирование для решения стоящих перед страной экономических задач. Такой вид планирования позволяет расширять и уточнять задачи программного планирования. Планирование по основным объектам определяет ответственность и обязанности правительства, основные объекты капитального строительства (например, строительство железной дороги в Тибет или ГЭС «Санься» на р. Янцзы), территориальное размещение объектов и необходимое распределение между ними природных ресурсов.

Региональное и отраслевое планирование. Отраслевое планирование должно определять степень маркетизации отраслей и тенденции изменений системы, воплощать в себе технико-экономические особенности отраслей, соблюдать принципы межотраслевой и внутриотраслевой конкуренции, бороться с монополизмом, анализировать основные тенденции развития внутреннего и мирового рынка. Региональное планирование состоит в составлении планов

регионального экономического и социального развития местными властями на уровне уездов и выше. Вначале составляется план развития народного хозяйства на уровне провинции, который должен в целом соответствовать государственным программам. Эти программы согласовываются с планами по основным объектам, отраслевыми планами и планами соседних регионов. Все региональные планы обязаны учитывать общую ситуацию в стране и исходить из местных условий⁶.

Порядок составления всех видов долгосрочных и среднесрочных планов основывается на требовании «управлять государством на основе закона» (*ифа чжиго*). Всего определено пять этапов при составлении планов 10-й пятилетки (2001—2005 гг.) и 11-й пятилетки (2006—2010 гг.): составление программы; составление плана по основным объектам; составление отраслевых программ; составление региональных программ; исправления во всех видах программ.

1. Составление программы. Госсовет КНР предлагает проект программы, ВСНП ее утверждает, ведомства, отвечающие за планирование, составляют проект программы на основании требований Госсовета КНР. В проекте программы должны присутствовать такие компоненты, как стратегия развития, цели макрорегулирования, основные области развития, а также необходимая увязка задач ведомств, отвечающих за макрорегулирование, и отраслевых ведомств.

2. Составление плана по основным объектам. Этот план составляется ведомствами по планированию государственного развития и местными органами власти. Они совместно определяют на основе прогноза сферы развития, спрос и предложение на рынке, основные объекты для планирования. После составления проекта плана по основным объектам в ходе опроса происходит учет мнений всех заинтересованных сторон, созывается консультативное совещание, на котором присутствуют представители различных ведомств Госсовета КНР, местных властей на уровне провинций. В результате принимается согласованное решение по плану по основным объектам, которое утверждается Госсоветом КНР.

3. Составление отраслевых программ. Ведомства Госсовета КНР несут ответственность за составление отраслевых программ, которые должны быть увязаны друг с другом. Они должны составить прогноз развития ситуации в отрасли, спроса и предложения на рынке и на основе учета мнений заинтересованных ведомств и регионов выработать концепцию плана развития отрасли. Отраслевые ведомства вносят поправки в программу, и после доработки с учетом поправок она утверждается соответствующим ведомством.

4. Составление региональных программ. Составление региональных программ экономического развития возлагается на местные власти на уровне провинций. Затем они утверждаются местными собраниями народных представителей (СНП). Местные плановые ведомства отвечают за составление проекта программы, который должен быть увязан с государственной программой экономического развития. До утверждения проект программы регионально-го развития согласовывается с программой строительства основных объектов на местах, программой размещения основных объектов развития природных ресурсов и других объектов, которые оказывают влияние на основное содержание программы экономического и социального развития страны. После этого программа обсуждается и утверждается на заседании местного СНП и направляется в соответствующие ведомства.

5. Исправления во всех видах программ. После направления утвержденных программ их нельзя менять произвольно как организациям, так и отдельным людям. Все поправки должны носить регулирующий характер⁷.

В решениях 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.) предлагалось и дальше совершенствовать систему государственного контроля и макрорегулирования, а также осуществлять реформу административных функций правительства. Основным содержанием реформы системы макроконтроля становится рациональное сочетание государственного планирования, государственной финансовой и денежной политики. Для разработки финансовой и денежной политики важным является четкое определение целей и основных требований макроконтроля в государственных планах. Для того, чтобы финансовая политика играла необходимую роль в стимулировании экономического роста, оптимизации структуры и урегулировании доходов, предусматривается дальнейшее совершенствование форм эффективных мероприятий в области финансовой и денежной политики. В условиях изменения системы государственного макроконтроля особое внимание уделяется совершенствованию статистики, чтобы на базе имеющихся данных можно было прогнозировать основные тенденции экономического развития страны, тем самым повышая уровень макрорегулирования народного хозяйства Китая.

В новых условиях макрорегулирования народного хозяйства постепенно происходят изменения в правительственных функциях управления экономикой. Перед административными органами стоят новые задачи по обслуживанию предприятий, являющихся субъек-

тами рыночных отношений, и созданию благоприятных условий для дальнейшего развития экономики. В материалах 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва сделан упор на разработку средне- и долгосрочных планов социально-экономического развития, новых стандартов стратегии развития, основных задач производственной политики, стимулирование всестороннего развития экономики и общества Китая. Одной из важнейших задач стратегического планирования в новых условиях становится необходимость добиться координации между показателями экономического роста и численности населения. В то же время от государственных органов требуется ныне всесторонне разрабатывать программы регионального развития страны, которые включают в себя освоение западных районов, выявление комплексных преимуществ центральных районов, ускорение развития реформ в этих районах, реконструкцию старых промышленных баз на Северо-Востоке и в других регионах, поощрение развития передовых баз экономического развития в восточных районах. Также от правительственных органов в новых условиях макрорегулирования требуется в полной мере использовать интеллектуальный ресурс общества и современную информационную технику, повышать степень транспарентности принимаемых решений и степень участия широких масс в подготовке и принятии решений на всех уровнях.

Для реализации основных задач стратегического планирования развития народного хозяйства важным фактором становится дальнейшая реформа системы инвестирования, в основу которой положен следующий тезис: кто вкладывает средства, тот и принимает решения по их использованию, кто получает доход, тот и несет ответственность по рискам. Государство должно рассматривать и утверждать задания по инвестированию только по важным крупным объектам, имеющим отношение к экономической безопасности и использованию природных ресурсов, влияющих на состояние окружающей среды и оказывающих влияние на общую производственную структуру, а также по объектам централизованного государственного инвестирования и на ограниченное число прочих объектов. Прочие объекты должны по мере реформирования системы рассмотрения и утверждения инвестирования начать в качестве субъектов инвестирования проводить самостоятельную политику с целью привлечения инвесторов, в соответствии с законом определять порядок использования земли и природных ресурсов, охраны окружающей среды и меры безопасности. При решении проблем инвестиционных объектов, требующих рассмотрения и утверждения в вышестоящих инстанциях, предполагается разделять функции центра и мест,

устранять местные ограничения на инвестирование, расширять права крупных предприятий и корпораций на разработку инвестиционной политики, совершенствовать систему консалтинга и информационного обслуживания, сокращая административные и посреднические звенья. В новой ситуации совершенствования рыночной экономики государство в основном должно с помощью планов и политических установок, распространения информации и координации программ строительства различных объектов регулировать инвестиционные потоки, ограничивать и устранять беспорядочную конкуренцию и дублирование при строительстве объектов.

Таким образом, за последние 20 лет с лишним в ходе экономической реформы система стратегического планирования в КНР претерпела значительные изменения, пройдя путь от централизованного директивного планирования с определением большого количества фиксированных натуральных показателей производства продукции промышленности и сельского хозяйства до направляющего планирования с составлением долгосрочных и среднесрочных экономических и социальных программ развития народного хозяйства. В новых условиях роль государства в экономике коренным образом меняется. Государство в Китае в условиях перехода к рыночной экономике постепенно меняет свои прежние директивные функции основного и непосредственного участника экономической деятельности на контрольные функции организатора экономической деятельности. Важное место в деятельности государственных органов стали занимать программы строительства основных объектов, отраслевые и региональные программы, в которых практически отсутствовали фиксированные натуральные показатели, а использовались только несколько индикативных показателей общего характера, таких как численность населения страны, темпы роста ВВП, показатель ВВП на душу населения и др.

Источники

¹ Цюши. 1999. № 6. С. 33.

² Ван Мэнкуй. Гуаньюй «шииу» гуйхуа хэ 2020 нянь юаньцзин мубяоды жогань вэньти / Чжунго чжунчанци фачжаньды чжуньяо вэньти 2006—2020 (Некоторые вопросы относительно 11-го пятилетнего плана и долгосрочных целей на 2020 год/Основные вопросы среднесрочного и долгосрочного развития Китая 2006—2020)/ Гл. ред. Ван Мэнкуй. Пекин: Изд-во «Чжунго фачжань», 2005. С. 3—4.

³ Там же. С. 3.

- ⁴ Сяндай Чжунго цзинци шилян (Экономический словарь современного Китая). Гл. ред. Ма Хун. Пекин: Изд-во АОН Китая, 1983. С. 89.
- ⁵ Подробнее см.: «Шиу» гуйхуа чжаньюэ яньцзю (Исследование стратегии программы 10-й пятилетки)/ Отв. ред. Тао Цинцзюнь. Пекин: Изд-во «Чжунго жэньминь», б.г. С. 554.
- ⁶ Подробнее см.: Там же. С. 560.
- ⁷ Подробнее см.: Там же. С. 563—564.

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Одной из важных основ экономической реформы в КНР является **теория распределения доходов**. Она включает четыре основных тезиса: 1) о возможности значительного повышения доходов для отдельных категорий населения; 2) о политике оптимальной эффективности с учетом принципа социальной справедливости; 3) о распределении доходов в зависимости от участия в их образовании факторов производства при сохранении принципа распределения по труду в качестве основного; 4) о создании многообразной системы социального обеспечения для трудящихся.

На первых двух этапах реформы в основном соблюдался первый тезис — о возможности значительного повышения доходов для отдельных категорий населения. На первом этапе (1979—1984 гг.) приоритет в повышении доходов был отдан крестьянству, жизненный уровень которого в целом возрос в результате перехода деревни на систему производственной ответственности (*шэнчань цзэжэньчжи*) и закрепления заданий за дворами (*баочань даоху*); разрыв между жизненным уровнем сельского и городского населения в начале 1980-х годов несколько сократился. С 1985 г. в Китае начался новый этап экономической реформы, связанный с переносом центра тяжести реформы из села в город и из сельского хозяйства на предприятия несельскохозяйственной сферы. В результате произошел рост доходов населения, занятого в необщественных секторах экономики в городе, а разрыв в жизненном уровне городского и сельского населения стал увеличиваться. На новом этапе реформы с начала 1990-х годов в условиях перехода к товарной экономике преимущества получили социальные слои и группы, которые имели отношение к управлению и распределению собственности. В результате произошел еще больший разрыв в жизненном уровне между городскими и сельскими жителями, а также между управляющими и управляемыми.

До конца 1970-х годов социальная структура китайского общества в течение длительного времени была характерна для общества «крестьянского» типа, в котором преобладало крестьянство, составлявшее примерно 2/3 населения страны. В подавляющем большинстве работ социальная структура общества рассматривалась на основе марксистско-ленинской классовой теории — «два класса» (рабочие и крестьяне) и «одна социальная прослойка» (интеллигенция). Вместе с тем в советском Китае делались попытки выделить особый социальный слой управленцев или кадровых работников (*ганьбу*), а также отдельно рассматривалась социальная прослойка служащих, состоящая из кадровых работников, специалистов с высшим и средним специальным образованием и занятых нефизическим трудом обслуживания (канцелярские работники и работники торговли и сферы обслуживания).

В 1980-е годы в КНР стала складываться весьма пестрая и своеобразная картина сосуществования различных хозяйственных укладов. В социальной структуре общества происходили изменения, связанные не только с развитием государственного и коллективного сектора, но и с формированием новых форм собственности — частной, индивидуальной, с участием иностранного капитала, чисто иностранного капитала и др., в основе которых лежит частная форма собственности. В 1950—1970-е годы происходил рост удельного веса рабочих и служащих за счет сокращения крестьянства. Однако и в конце 1970-х годов в Китае сохранялось преимущественно крестьянское общество при заметном сокращении доли индивидуальных предпринимателей (табл. 13).

В 1980—1990-е годы по мере развития экономической реформы доля крестьянства продолжала стремительно сокращаться. Однако при этом произошло некоторое сокращение доли рабочих и служащих на предприятиях государственного и коллективного секторов. Вытесненные из сферы сельского хозяйства крестьяне в большинстве своём переместились на волостно-поселковые предприятия вне сельскохозяйственной сферы, а также превратились в индивидуальных предпринимателей либо наёмных работников на предприятиях частного сектора в сферах промышленности, торговли и услуг в городе и деревне.

Тенденции развития многообразных форм экономики во многом способствовали росту промежуточных и переходных социальных групп, наличие которых определяет специфику социальной структуры современного китайского общества. Прежде всего, происходит рост промежуточных социальных групп и слоёв в сельской местно-

**Изменения социальной структуры китайского общества
в 1952—1999 гг., %**

Социальные слои и группы	1952	1978	1988	1999
I. Ганьбу	0,64	1,21	2,24	3,6
1. Руководство государственных и общественных организаций	0,5	0,98	1,7	1,5
2. Управленческий персонал	0,14	0,23	0,54	0,6
II. Предприниматели	4,26	0,03	3,14	4,8
1. Частные предприниматели	0,18	0,00	0,02	0,6
2. Индивидуальные предприниматели и кустари-единоличники	4,08	0,03	3,12	4,2
III. Служащие	4,49	6,92	12,76	21,9
1. Специалисты и техники с высшим и средним специальным образованием	0,86	3,48	4,76	5,1
2. Канцелярские работники	0,50	1,29	1,65	4,8
3. Работники сферы торговли и услуг	3,13	2,15	6,35	12,0
<i>из них:</i> пришедшие из деревни крестьяне (<i>нунминьгун</i>)	-	0,80	1,80	3,7
IV. Производственные рабочие	6,4	19,83	22,43	22,6
<i>в том числе:</i> пришедшие из деревни крестьяне (<i>нунминьгун</i>)	-	1,10	5,40	7,8
V. Крестьяне	84,21	67,41	55,84	44,0
VI. Безработные и не полностью занятые	-	4,6	3,6	3,1

Источник: Дандай Чжунго шэхуэй цзецэн яньцзю баогао (Доклад об исследовании социальных слоев современного Китая) / Ред. Лу Сюэи. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсюань чубаньшэ, 2002. С. 44.

сти по мере развития семейного подряда и вытеснения большей части крестьян в несельскохозяйственную сферу деятельности на волостно-поселковые предприятия, на частные и индивидуальные предприятия в города и посёлки. В 1980—1990-е годы именно в китайской деревне, в среде крестьянства происходили серьёзные измене-

ния, которые и определяют основные социальные сдвиги в классовой структуре китайского общества в условиях переходной экономики.

В настоящее время китайские социологи рассматривают социальную структуру китайского общества в виде 10 социальных слоев (руководители государственных и общественных организаций, управленческий персонал, частные предприниматели, индивидуальные предприниматели в промышленности и торговле, специалисты и техники, канцелярские работники, работники сферы торговли и услуг, производственные рабочие, крестьяне, безработные и не полностью занятые) и 5 социально-экономических групп в соответствии с западной теорией социальных слоев (страт) — (высший слой, высший средний слой, средний средний слой, низший средний слой, низший слой). В соответствии с этим построением большая часть частных предпринимателей и кадровых работников попадает в высший слой и высший средний слой; специалисты и техники — в высший, высший средний и средний средний; канцелярские работники — в средний средний; индивидуальные предприниматели — в средний средний и низший средний; работники сферы торговли и услуг, производственные рабочие и крестьяне — в средний средний, низший средний и низший; безработные и не полностью занятые — в низший.

Формирование среднего класса в Китае происходит крайне медленно. По критериям западных теорий социальной стратификации большую часть населения страны нельзя отнести к среднему классу, а в лучшем случае — к низшему среднему классу. Как показали материалы социологических обследований под руководством Лу Сюэи, можно говорить о преобладании среднего класса лишь в крупных городах приморских районов, особых экономических зонах и в ряде приморских провинций, таких, как Гуандун и Чжэцзян. В работе китайских ученых были использованы данные о социально-классовой структуре общества и доходах населения в административных единицах различного уровня подчинения в западном, центральном и приморском районах Китая, таких, как СЭЗ Шэньчжэнь (пров. Гуандун), провинциальный центр Хэфэй (пров. Аньхой), уездный центр Ханьчуань (пров. Хубэй) и уезд Чжэньнин (пров. Гуйчжоу), т.е. от самого богатого города до самого бедного уезда¹.

Таким образом, в соответствии с концепцией китайских ученых о социальной структуре общества КНР в переходный период большая часть населения относится к среднему среднему классу, а также к среднему низшему классу. Однако имеющиеся фактические данные по социальной структуре по отдельным городам и уездам и по

доходам населения в этих городах и уездах не подтверждают эту концепцию. Прежде всего, обращает на себя внимание, что во всех указанных выше четырех случаях заметна доля безработных и не полностью занятых: Шэньчжэнь — 10,5% населения, Хэфэй — 10,9, Ханьчуань — 8,5 и Чжэньнин — 7,9%. Это заметно выше, чем в среднем по стране, — 3,1%. Высока также доля частных и индивидуальных предпринимателей: Шэньчжэнь — 11,7%, Хэфэй — 12,6, Ханьчуань — 14,0 и Чжэньнин — 18,6% при показателе 4,8% в среднем по стране. Также во всех случаях низка доля производственных рабочих, что вполне естественно для уезда Чжэньнин и уездного центра Ханьчуань как сельских районов, но остаются неясными причины этого для городов Шэньчжэнь и Хэфэй. В то же время высока доля кадровых работников и служащих всех видов в Шэньчжэне — 60,3% и Хэфэе — 49,1%, что как раз вполне соответствует статусу СЭЗ и провинциального центра.

По китайским критериям, к категории “средний класс” (*чжунчань цзеци*) относятся все, кто обладает имуществом, которое может быть использовано для получения дохода (дом, квартира, машина, акции, облигации и др.) и имеет на него юридически узаконенные права. Этот вывод подтверждают и данные об изменении в доходах населения за последние 25 лет. С одной стороны, произошел абсолютный рост доходов в месяц в среднем по стране в городе — 33,75 ю. в 1978 г. и 773,9 ю. в 2005 г. и в деревне — 11,5 ю. в 1978 г. и 217,3 ю. в 2005 г.² При анализе социальной структуры населения четырех названных населенных пунктов по 5 слоям (стратам) лишь о Шэньчжэне можно сказать, что в социальной структуре города преобладает средний класс: средний средний — 46,1% и низший средний — 32,4%. В Хэфэе же преобладает низший средний слой — 40,9%, в то время как в Ханьчуане и Чжэньнине он составляет подавляющее большинство населения — 82,1 и 91,4% соответственно. Таким образом, исходя из данных по отдельным населенным пунктам и административным единицам КНР, можно сказать, что пока еще в стране не сложился средний класс, и большую часть населения можно отнести в лучшем случае к низшему среднему классу.

По материалам китайских обследований видно, что уровень доходов населения зависит от района проживания, отрасли и формы собственности предприятия. В частности, в 1999 г. средний месячный доход в Шэньчжэне составил 2084 ю, в Хэфэе — 429 ю, в Ханьчуане — 141 ю, в Чжэньнине — 119 ю. При этом большая часть населения имела доходы ниже среднего уровня в своем месте проживания: Шэньчжэнь — 74,3% населения, Хэфэй — 58,9, Ханьчу-

ань — 65,3, Чжэньнин — 75,1%. Кроме того, следует отметить, что если в Шэньчжэне даже среднемесячные доходы низшего среднего класса — 879 ю. — были выше среднего дохода по КНР в городах — 562,5 ю., то в Хэфэе среднемесячные доходы высшего среднего класса — 523 ю. не превышали показатель среднего дохода в городах. Еще хуже обстояло дело в уездных центрах и сельских уездах, здесь среднемесячный доход для высшего среднего класса составлял в Ханьчуане — 156 ю. и Чжэньнине — 104 ю., что ниже показателя среднего дохода для китайских крестьян — 159,8 ю. в месяц³.

Еще более сильная социальная дифференциация наблюдалась при анализе ежемесячных доходов по 10 социальным группам — от 7666 ю. для управленческих работников и 7572 ю. для частных предпринимателей в Шэньчжэне до 85 ю. в месяц для крестьян, 130 ю. в месяц для работников сферы торговли и услуг и 134 ю. в месяц для безработных и не полностью занятых в Ханьчуане. Таким образом, разрыв между самыми богатыми и самими бедными слоями достиг соотношения 1:59. Однако соотношение доходов между рабочими и управленческим персоналом в одном районе не было столь значительным — 1:4 в Шэньчжэне, 1:2 — в Хэфэе и 1:1,2 в Ханьчуане.

В результате проведенного анализа можно прийти к следующим выводам: 1) за 20 лет с лишним реформ заметны определенные изменения в социальной структуре китайского общества, связанные с ростом частных и индивидуальных предпринимателей, всех видов служащих, включая *ганьбу*, управленческий персонал и особенно работников торговли и сферы обслуживания; 2) не происходил рост рабочего класса; 3) заметно сократились как численность так и доля крестьян, многие из которых переместились в города или стали рабочими или служащими без смены места жительства и прописки; 4) выросла доля беднейшего населения, куда входят безработные, не полностью занятые, а также семьи рабочих, крестьян и служащих не физического труда обслуживания, испытывающих жизненные трудности; 5) в Китае пока еще не сложился средний класс, в лучшем случае можно говорить лишь о низшем среднем классе, причем только для приморских районов страны; 6) в ходе реформ увеличивается разрыв в доходах между различными слоями населения, причем не столько по социально-профессиональному признаку, сколько по районам проживания, отраслям народного хозяйства и формам собственности; 7) дальнейшее увеличение разрыва в доходах как между социальными слоями и группами, так и между отраслями и регионами не способствует формированию среднего класса и может значительно обострить социальную обстановку в китайском обществе.

Тем не менее, несмотря на усиливающуюся социальную дифференциацию в китайском обществе, жизненный уровень населения в целом вырос, о чем свидетельствует постоянное улучшение жилищной обеспеченности населения в стране. Безусловно, и в Китае темпы роста доходов населения уступают как росту цен на всех видах рынков жилья, так и цен на коммунальные услуги. В 2000 г. проводилась очередная, 5-я по счету, Всекитайская перепись населения. Впервые за 50 лет существования КНР в рамках переписи была проведена как полная, так и выборочная (10%-ный опрос населения) перепись населения по обеспеченности жильем. Были заданы не только вопросы о наличии жилья у населения, количестве комнат и квадратных метров на семью, но и проведена перепись существующего жилого фонда страны, оценено его качество по критериям использованного строительного материала, сроков застройки, наличия бытовых удобств в домах. Кроме того, в рамках 10%-ной выборки были поставлены такие вопросы, как источники приобретения жилья населением, структура расходов семей на покупку жилья и на эксплуатационные расходы.

В целом материалы переписи показали довольно высокий уровень обеспеченности китайского населения жильем. В среднем по стране в 2000 г. жилая площадь на 1 человека составила 22,77 кв.м, а количество комнат на семью — 2,72 комнаты. В результате стремительного масштабного жилищного строительства в начале XXI в. обеспеченность населения КНР жильем улучшилась. В 2005 г. средняя жилая площадь на 1 человека составила уже 28,69 кв.м, а среднее количество комнат на семью — 3,05 комнаты⁴. При этом выяснилось, что обеспеченность жилой площадью горожан — 21,81 кв. м на человека — ниже, чем в поселках (аналоги российских райцентров, но с большей численностью населения) — 23,3 кв. м на человека, а также в деревнях — 22,99 кв. м на человека. Такая же ситуация складывается и по наличию жилых комнат на семью. Если в городах этот показатель составляет 2,28 комнат на семью, то в поселках — 2,60, а в деревне — 2,92 (табл. 14).

Обеспеченность жильем заметно лучше в богатых приморских провинциях — Чжэцзян, Цзянсу, Фуцзянь, а также в городах центрального подчинения — Пекин, Шанхай, Тяньцзинь. В худшем положении находятся жители северных и северо-восточных провинций, где обеспеченность жильем не превышает 20 кв. м на человека, а количество комнат на семью едва достигает показателя 2,0 (табл. 14, 15). В деревнях количество комнат на семью заметно выше, чем в городах и поселках. При этом большее количество комнат на семью

**Количество комнат на семью и жилая площадь
на одного человека (по материалам переписи 2000 г.)**

Провинции, города, районы	Количество семей	Количество человек	Количество комнат на семью	кв. м / человек
В целом по КНР	340 491 197	1 178 271 197	2,72	22,77
В городах (ши)	84 889 340	257 330 247	2,28	21,81
В поселках (чжэнь)	46 408 532	151 483 899	2,60	23,30
В деревне (сян)	209 193 325	769 457 073	2,92	22,99
Пекин	4 096 844	11 922 945	2,75	21,03
Тяньцзинь	2 976 741	9 218 220	2,23	19,09
Хэбэй	17 934 977	64 296 922	3,29	22,29
Шаньси	8 650 261	31 448 836	3,26	19,28
Внутренняя Монголия	6 784 470	22 618 741	1,90	16,38
Ляонин	12 866 262	40 597 750	2,08	19,67
Цзилинь	7 848 446	26 076 948	2,03	17,88
Хэйлуцзян	10 955 750	35 457 466	1,84	17,53
Шанхай	5 299 068	14 787 225	2,10	24,00
Цзянсу	21 375 726	69 372 929	2,49	29,17
Чжэцзян	14 136 916	42 437 464	2,83	35,04
Аньхой	16 313 885	57 683 856	2,53	20,45
Фуцзянь	8 743 252	31 251 540	3,08	24,97
Цзянси	10 168 639	38 635 039	2,86	22,81
Шаньдун	26 709 328	85 995 937	3,56	22,10
Хэнань	24 247 377	89 285 110	2,71	21,88
Хубэй	15 613 793	55 178 797	2,65	25,73
Хунань	17 662 105	61 061 446	2,87	26,93
Гуандун	18 762 127	69 739 958	2,65	20,36
Гуанси	11 309 236	42 480 672	2,71	20,18
Хайнань	1 750 710	7 191 829	2,08	15,86
Чунцин	9 141 558	29 483 651	2,48	26,67
Сычуань	23 638 429	78 760 676	2,68	28,25
Гуйчжоу	9 239 409	34 591 772	2,21	17,91
Юньнань	10 853 172	40 474 089	2,42	20,68
Тибет	531 571	2 526 981	2,81	13,56
Шэньси	9 429 484	33 687 093	3,02	20,95
Ганьсу	6 086 988	24 261 648	3,89	16,01
Цинхай	1 173 977	4 643 526	3,03	17,51
Нинся	1 396 870	5 338 041	2,77	17,43
Синьцзян	4 793 826	17 764 112	2,37	18,06

Источник: Чжунго 2000 нянь жэнькоу пуча цзыляо (Материалы переписи населения Китая 2000 года). Пекин, 2002. Т. 1. С. 208–211.

приходится не только в наиболее богатых приморских провинциях Чжэцзян, Фуцзянь, Цзянсу, Шаньдун, в городах центрального подчинения — Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, но и в отдельных провинциях на Севере, таких, как Ганьсу, Шаньси, Шэньси и в Нинся-Хуэйском автономном районе (табл. 15). Однако за последние пять лет ситуация с обеспечением жилья по регионам изменилась. В 2005 г. она по-прежнему была худшей в трех провинциях Северо-Востока, но за это время относительно ухудшилась ситуация в городах центрального подчинения — Пекин, Шанхай и Тяньцзинь из-за дороговизны строящегося жилья относительно других провинций.

Почти половина семей в КНР (49%) обеспечена жилой площадью от 13 до 29 кв. м на человека. Примерно такие же показатели наблюдаются отдельно по семьям, проживающим в городах — 49,4%, в поселках — 47,2% и в сельской местности — 49,2% (табл. 16). Анализ статистических данных переписи 2000 г. показал, что значительная часть китайских семей — 16% располагает жилой площадью, приближающейся или соответствующей европейским стандартам — более 40 кв. м на человека. Лишь в городах эта доля несколько меньше среднекитайского показателя — 13,6%, хотя и там доля семей, на которых приходится свыше 50 кв. м на человека, достаточно велика — 8,0%. Тем не менее, в ряде приморских провинций с высоким уровнем дохода на душу населения доля семей, где на человека приходится свыше 50 кв. м, весьма высокая, например в Чжэцзяне — 25,1%, Цзянсу — 17,5%. Однако при этом нельзя не отметить, что примерно такая же доля семей — 9,1% проживает в стесненных условиях, где на человека приходится менее 8 кв. м жилой площади. Особенно напряженно положение с жильем в двух городах центрального подчинения — Пекин, Шанхай, в южных провинциях — Гуандун и Хайнань из-за большого количества мигрантов, а также в северных провинциях из-за более высокой стоимости жилья, где показатель доли семей с жилой площадью менее 8 кв. м на человека заметно выше, чем средний показатель по стране.

Большая часть жилищного фонда была построена в годы реформ — с 1980 по 2000 г. По данным 10%-ного выборочного опроса в ходе Всекитайской переписи населения 2000 г. выяснилось, что за эти 20 лет было построено 81,5% всей жилой площади КНР, 79,7% имеющих комнат в жилом фонде, 76,6% общего количества китайских семей проживают на этой жилплощади (табл. 17).

По данным 10%-ной выборки, большая часть населения проживает в одноэтажных строениях: 63,1% китайских семей проживают в одноэтажных строениях, 31,2% — в строениях высотой от двух до ше-

**Среднее количество комнат в доме на семью в сельских
и городских районах КНР в 2000 г.**

Провинции, города, районы	Среднее количество комнат в доме на семью			
	В целом по району	Город	Поселок	Деревня
В среднем по КНР	2,70	2,27	2,58	2,90
Пекин	2,72	2,19	3,16	4,35
Тяньцзинь	2,23	1,75	2,57	3,06
Хэбэй	3,24	2,55	3,01	3,45
Шаньси	3,23	2,40	2,95	3,61
Внутренняя Монголия	1,90	1,86	1,85	1,94
Ляонин	2,08	1,86	2,08	2,31
Цзялинь	2,03	1,93	2,00	2,11
Хэйлунцзян	1,84	1,87	1,83	1,82
Шанхай	2,10	1,82	2,73	3,27
Цзянсу	2,49	2,24	2,46	2,62
Чжэцзян	2,80	2,39	2,80	3,03
Аньхой	2,52	2,20	2,34	2,62
Фуцзянь	3,03	2,56	3,04	3,23
Цзянси	2,84	2,36	2,74	2,96
Шаньдун	3,55	2,93	3,31	3,84
Хэнань	2,70	2,58	2,61	2,74
Хубэй	2,64	2,30	2,53	2,84
Хунань	2,85	2,43	2,74	2,96
Гуандун	2,64	2,36	2,65	2,85
Гуанси	2,69	2,34	2,60	2,78
Хайнань	2,07	2,24	1,99	2,03
Чунцин	2,48	2,15	2,35	2,61
Сычуань	2,67	2,38	2,43	2,78
Гуйчжоу	2,20	2,04	2,25	2,23
Юньнань	2,41	2,08	2,36	2,48
Тибет	2,79	2,62	2,77	2,82
Шэньси	3,01	2,34	2,54	3,32
Ганьсу	3,85	2,45	3,13	4,33
Цинхай	3,00	2,13	2,55	3,47
Нинся	2,76	2,25	2,43	3,05
Синьцзян	2,37	2,10	2,35	2,48

Источник: Чжунго 2000 нянь жэнькоу пуча цзыляо (Материалы переписи населения Китая 2000 года). Пекин, 2002. Т. 1. С. 208–211.

Таблица 16

Распределение семей по показателю жилой площади на одного человека в городской и сельской местности КНР в 2000 г., %

Место жительства	Все семьи в КНР	Удельный вес семей, %							
		Менее 8 кв.м	9–12 кв.м	13–16 кв.м	17–19 кв.м	20–29 кв.м	30–39 кв.м	40–49 кв.м	Более 50 кв.м
В целом по КНР	100	9,1	12,6	15,1	7,3	26,6	13,3	6,6	9,4
Город	100	12,3	12,7	14,4	9,1	25,9	12,0	5,6	8,0
Поселок	100	10,3	13,0	14,9	6,7	25,6	12,8	6,7	10,0
Деревня	100	7,5	12,4	15,4	6,7	27,1	13,9	7,2	9,8

Источник: Чжунго 2000 нянь жэнькоу пуча цзыляо (Материалы переписи населения Китая 2000 года). Пекин, 2002. Т. 1. С. 780–783.

Таблица 17

Распределение жилого фонда КНР по срокам постройки
(по выборочным данным опроса 10% семей,
по состоянию на 2000 г.)

Период	Количество семей / % от общего количества	Количество комнат / % от общего количества	Общая жилая площадь (кв.м / % от общей площади)
Всего	33188549/100	92149530/100	2703831531/100
до 1949 г.	12089000/3,6	2673575/2,9	71830346/2,7
1950–1959 гг.	786647/2,4	1729411/1,9	45188583/1,7
1960–1969 гг.	1549624/4,7	3691328/4,0	98909461/3,7
1970–1979 гг.	4204756/12,7	10594084/11,5	282297046/10,4
1980–1989 гг.	11652496/35,1	32386799/35,1	919451723/34,0
1990–2000 гг.	13786126/41,5	41074333/44,6	1286154372/47,5

Источник: Чжунго 2000 нянь жэнькоу пуча цзыляо (Материалы переписи населения Китая 2000 года). Пекин, 2002. Т. 3. С. 1850–1852.

сти этажей и 5,7% — в строениях от семи этажей и выше. Большая часть зданий построена из камня или кирпича — 66,4% всех опрошенных семей. Лишь часть зданий построена из железобетона — 14,3% или дерева — 10,2%.

Значительная часть семей проживает в квартирах с различными бытовыми удобствами, но следует отметить, что в основном это городские квартиры, а такие виды коммунальных удобств, как нали-

чие душа или ванной комнаты, вообще не характерны для нынешнего жилого фонда в КНР. В частности, по данным выборочного опроса семей в рамках Всекитайской переписи населения 2000 г., в большей части квартир имеется кухня (82,5% всех семей), в которой пища готовится с помощью древесного топлива — 44,5%, угля — 27,2% или газа — 26,5%. Однако ситуация в городе значительно отличается от ситуации в деревне. Если в деревне в качестве топлива преобладает дерево — 64,6% семей, затем уголь — 28,2%, то в городах и поселках преобладает газ — 69,9% семей в городах и 41,0% в поселках и уголь — 20,5% в городах и 34,8% в поселках (табл. 18).

Большая часть семей проживают в квартирах без водопровода — 45,7%. Однако водопровод имеется в квартирах большей части семей, проживающих в городах — 87,5% и поселках — 69,3%. В по-

Таблица 18

Наличие бытовых удобств в жилом фонде КНР
(по выборочным данным опроса 10% семей в 2000 г.,
количество семей / %)

Бытовые удобства	Всего	Город	Поселок	Деревня
Количество семей	33188549/100	8154917/100	4405331/100	20628301/100
Наличие кухни				
1. Отдельная кухня для семьи	27380696/82,5	6961907/85,4	3682550/83,6	16736239/81,1
2. Коммунальная кухня	652501/2,0	233020/2,9	87198/2,0	332283/1,6
3. Нет кухни	5155352/15,5	959990/11,7	635583/14,4	3559779/17,3
Топливо для приготовления питания				
1. Газ	8798050/26,5	5702614/69,9	1804931/41,0	1290505/6,3
2. Электричество	332667/1,0	154010/1,9	117144/2,7	61513/0,3
3. Уголь	9029019/27,2	1674875/20,5	1533831/34,8	5820313/28,2
4. Древесина, хворост	14760354/44,5	542898/6,7	901128/20,5	13316328/64,6
5. Прочие виды	268459/0,8	80520/1,0	48927/1,0	139642/0,6
Наличие водопровода				
1. Имеется	15169758/45,7	7132038/87,5	3053551/69,3	4984169/24,2
2. Не имеется	18018791/54,3	1022879/12,5	1351780/30,7	15644132/75,8
Наличие ванной комнаты или душевой с оборудованием				
1. Единое отопление с горячей водой	292037/0,9	199130/2,4	64993/1,5	27914/0,1

Бытовые удобства	Всего	Город	Поселок	Деревня
2. Оборудование для самостоятельного нагревания воды	5123237/15,4	3308117/40,6	1080089/24,5	735031/3,6
3. Прочие виды	3207980/9,7	604204/7,4	506754/11,5	2097022/10,2
4. Не имеется	24565295/74,0	4043466/49,6	2753495/62,5	17768334/86,1
Наличие санузла				
1. Отдельная система с унитазом и сливом воды	5979732/18,0	4121383/50,5	1166519/26,5	691830/3,4
2. В общем пользовании с соседями	222747/0,7	155336/1,9	34103/0,8	33308/0,2
3. Другая отдельная система санузла	16373518/49,3	1689936/20,7	1564271/35,5	13119311/63,6
4. Другая система санузла в общем пользовании с соседями	1308776/3,9	350828/4,3	277412/6,3	680536/3,3
5. Не имеется	9303776/28,1	1837434/22,6	1363026/30,9	6103316/29,5

Источник: Чжунго 2000 нянь жэнькоу пуча цзыляо (Материалы переписи населения Китая 2000 года). Пекин, 2002, т.3, сс.1853-1864

давляющем большинстве семей в квартирах отсутствует ванная комната или душевая. В квартирах и домах у 74% семей вообще отсутствуют не только ванные комнаты, но и обычный душ. Даже в городе примерно половина семей не обладают такими элементарными бытовыми удобствами, как душ или ванная комната, не говоря уже о поселках или деревне. В домах практически отсутствует система единого отопления с горячей водой, которой пользуется лишь 0,9% семей, в городе — 2,4% (табл. 18). Санузел имеется в домах у подавляющего большинства семей. По данным 10%-ной выборки, лишь 28,1% семей не имеют дома санузла. В то же время 18% семей, в городах более половины семей — 50,5%, имеют в своих домах или квартирах отдельную систему унитаза со сливом воды. В сельской местности у большинства семей в домах имеется другая отдельная система санузла — 63,6% и лишь 3,4% семей имеют отдельную систему унитаза со сливом воды (табл. 18).

Большая часть семей приобрели свое жилье в результате строительства своим силами — 71,6% всех китайских семей. Как показывают данные переписи, строительство жилья своими силами оста-

ся главным для жителей деревни — 93,4% всех семей. Доля семей, строящих собственное жилье, значительно ниже в поселках — 52,2% семей и еще ниже в городах — 26,8% семей. Для семей в городах и поселках большое значение имеет также покупка или аренда коммунального жилья. Приобрели коммунальное жилье в городе — 29,4% всех семей, в поселке — 12,5%, снимали коммунальное жилье в городе — 16,3%, в поселке — 10,9%. Как мы видим, в КНР пока еще не развит ни рынок строительства жилья, ни вторичный рынок жилья, ни рынок аренды жилья. Даже в городе, где появилось много богатых людей не только по китайским, но и по мировым меркам, доля семей, приобретающих жилье по коммерческим ценам на рынке строительства и вторичном рынке, составляет всего 9,2%, приобретающих жилье на льготных условиях (ипотека, кредит и т.д.) — лишь 6,5%, доля арендующих коммерческое жилье семей составляет только 6,9% (табл. 19). Излишне говорить, что в поселках и деревнях эти показатели намного ниже, чем в городах. Приведенные данные показывают, что рынок жилья в КНР еще не сложился в первую очередь из-за низких доходов населения, темпы роста которых значительно уступают росту цен на недвижимость.

Большая часть китайских семей приобрела либо построила жилье по весьма умеренным ценам — до 20 тыс. ю. (примерно 2400 долл.). При этом подавляющему большинству семей в КНР — 47,8% приобретение или строительство жилья обошлось в сумму менее 10 тыс. ю. (или менее 1200 долл.), 23,0% семей смогли приобрести или построить себе жилье на сумму в пределах от 10 до 20 тыс. ю. (1200—2400 долл.). В такую сумму на приобретение жилья смогли уложиться не только большинство семей в деревне — 79,7%, но и в поселках — 54,9% и городах — 49,5% (табл. 20). Обращает на себя внимание, что лишь 1,8% китайских семей затратили на строительство или покупку жилья от 100 до 200 тыс. ю. (12—24 тыс. долл.), т.е. минимально необходимую сумму для приобретения жилья со всеми удобствами, например, в одном из областных центров России. Таким образом, становится очевидно, что за годы реформ повышение уровня обеспечения жильем китайских семей хотя и происходило в значительной степени за счет личных средств населения, но цены на строительство и недвижимость на рынке строительства жилья, вторичном рынке и рынке аренды жилья регулировались не только спросом и предложением, — осуществлялось государственное регулирование цен, которое сдерживало безудержный рост цен с помощью рыночных мер (банковские кредиты, инвестиции в производство строительных материалов, конкурсы на строительство жилья и т.д.).

Источники приобретения жилья в КНР
(по выборочным данным опроса 10% семей в 2000 г.,
количество семей/%)

Источники приобретения жилья	Всего	Город	Поселок	Деревня
Количество семей	33188549/100	8154917/100	4405331/100	20628301/100
1. Собственное строительство	23753985/71,6	2184290/26,8	2301173/52,2	19268522/93,4
2. Покупка жилья по коммерческим ценам	1278464/3,9	751224/9,2	368679/8,4	158561/0,8
3. Покупка жилья на льготных условиях	877016/2,6	533396/6,5	215016/4,9	128604/0,6
4. Покупка коммунального жилья	3152428/9,5	2401075/29,4	551793/12,5	199560/1,0
5. Аренда коммунального жилья	2028772/6,1	1331890/16,3	478735/10,9	218147/1,1
6. Аренда коммерческого жилья	897237/2,7	561724/6,9	208316/4,7	127197/0,6
7. Прочие	1200647/3,6	391318/4,9	281619/6,4	527710/2,5

Источник: Чжунго 2000 нянь жэнькоу пуча цзыляо (Материалы переписи населения Китая 2000 года). Пекин, 2002. Т. 3. С. 1865–1868.

В Китае постепенно складывается и рынок коммунальных услуг, на который в последние годы стали допускать иностранные компании — водопровод и газораспределение в жилом фонде. Цены на коммунальные услуги остаются на относительно невысоком уровне, хотя и выросли за годы реформ. В частности, у большей части населения (76,6%) средняя стоимость расходов на коммунальные услуги за жилье превышает 100 ю. в месяц. При этом в городах у 54,8% семей они находятся в пределах от 20 до 100 ю. в месяц, в поселках у 65,3% семей и в деревнях у 70,2% семей — не более 50 ю. в месяц (табл. 21). Такая сумма коммунальных расходов в месяц составляет не более 10% доходов сельских жителей и не более 5–14% населения городов и поселков. В то же время лишь небольшая часть населения оплачивает коммунальные услуги по ценам, сопоставимым в настоящее время с российскими — свыше 200 ю. в месяц (по валютному курсу — примерно 725 руб. (или 25 долл.) в месяц). Свыше 200 ю. в месяц за коммунальные услуги платят примерно 10% китайских семей в целом по стране, 12,7% — в городах, 5,9% — в поселках и 3,8% — в деревнях.

Таблица 20

Структура семей по объему расходов на приобретение жилья в КНР
(по выборочным данным опроса 10% семей в 2000 г.,
количество семей/%)

Объем расходов	Всего	Город	Поселок	Деревня
Всего	29061893/100	5869985/100	3436661/100	19755247/100
<i>в том числе:</i>				
менее 10 тыс. ю.	13879331/47,8	1493055/25,5	1171089/34,0	11215187/56,7
10–20 тыс. ю.	6677907/23,0	1410694/24,0	718532/20,9	4548681/23,0
20–30 тыс. ю.	3396961/11,7	878134/15,0	469257/13,7	2049570/10,4
30–50 тыс. ю.	2651131/9,1	906235/15,4	505210/14,7	1239686/6,3
50–100 тыс. ю.	1740964/6,0	759845/12,9	415599/12,1	565520/2,9
100–200 тыс. ю.	537376/1,8	295051/5,0	126479/3,7	115846/0,6
200–300 тыс. ю.	110299/0,37	73800/1,25	21506/0,63	14993/0,07
300–500 тыс. ю.	47186/0,16	36105/0,66	6860/0,21	4221/0,02
свыше 500 тыс. ю.	20738/0,07	17066/0,29	2129/0,06	1543/0,01

Источник: Чжунго 2000 нянь жэнькоу пуча цзыляо (Материалы переписи населения Китая 2000 года). Пекин, 2002. Т. 3. С. 1869–1872.

Таблица 21

**Структура семей по объему эксплуатационных расходов
на жилье в месяц**

(по выборочным данным опроса 10% семей в 2000 г.,
количество семей / %)

Сумма расходов на жилье в месяц	Всего	Город	Поселок	Деревня
Всего семей	2926009/100	1893614/100	687051/100	345333/100
менее 20 ю.	725063/24,8	315398/16,7	255528/37,3	154137/44,6
20–50 ю.	855268/29,2	574220/30,3	192675/28,0	88373/25,6
50–100 ю.	661866/22,6	469217/24,8	130004/18,9	62645/18,1
100–200 ю.	388409/13,3	293371/15,5	67901/9,9	27137/7,9
200–500 ю.	215885/7,4	175812/9,3	30205/4,4	9868/2,9
500–1000 ю.	58141/2,0	47893/2,5	7876/1,1	2372/0,68
1000–1500 ю.	13947/0,47	11617/0,6	1843/0,25	487/0,13
1500–2000 ю.	3944/0,12	3300/0,16	494/0,07	150/0,04
более 2000 ю.	3486/0,11	2786/0,14	525/0,08	175/0,05

Источник: Чжунго 2000 нянь жэнькоу пуча цзыляо (Материалы переписи населения Китая 2000 года). Пекин, 2002. Т. 3. С. 1873–1876.

Таким образом, несмотря на формирование рынка коммунальных услуг в КНР не происходит резкого повышения цен для населения, поскольку уровень доходов у большей части населения отстает от роста рыночных цен на жилье и коммунальные услуги. Китайские власти понимают, что резкий рост цен на коммунальные услуги не сможет решить ни жилищную проблему, ни проблему развития и обслуживания сети жилищно-коммунальных услуг, а может только вызвать социальные конфликты в обществе. Поэтому переход к рынку жилья и коммунальных услуг будет происходить в стране постепенно в течение длительного периода по мере роста доходов населения и строительства общества «малого благоденствия».

Однако, несмотря на улучшение обеспечения населения жильем в масштабах всей страны, как показало проведенное в 2000—2001 гг. Организационным отделом ЦК КПК обследование, в ходе реформы в конце 1990-х годов уже не достигался не только «оптимум по Парето» (социальные реформы без ущерба для всего общества при выгоде для определенных социальных слоев), но и «оптимум по Калдору» (в ходе реформ интересам части социальных групп наносится ущерб при последующей компенсации за него). В этой обстановке по мере изменения структуры собственности и форм распределения социальные противоречия продолжали нарастать⁵. Как показывают результаты проводимых в Китае многочисленных социологических обследований, с 1990-х годов по мере развития рыночных отношений нарастала социальная дифференциация. С одной стороны, произошел абсолютный рост доходов как в среднем по стране — 184 ю. в 1978 г. и 5434 ю. в 2005 г., так в городе — 405 ю. в 1978 г. и 9278 ю. в 2005 г. — и в деревне — 138 ю. в 1978 г. и 2608 ю. в 2005 г.⁶ С другой стороны, постоянно увеличивался разрыв в доходах между бедными и богатыми. Как заявил заместитель руководителя Центра развития при Госсовете КНР Лу Чжицян (на симпозиуме «День Китая» в рамках 35-го ежегодного совещания Азиатского банка развития), коэффициент Джини в доходах китайского населения стремительно вырос за годы реформ — 0,33 в 1980 г., 0,4 — в 1994 г. и 0,45 — в 2000 г.⁷

На наш взгляд, материалы XVI съезда КПК и ряд работ, опубликованных до съезда в 2000—2002 гг., свидетельствуют о том, что в Китае видят эти проблемы и пытаются выработать необходимые меры для их решения. Отчетный доклад генерального секретаря КПК Цзян Цзэминя подтверждает, что главной основой для разрешения возникающих противоречий являются не меры административного характера, а проведение комплекса мероприятий по ускорению эконо-

мического развития, что способно обеспечить необходимый рост жизненного уровня большей части населения Китая. Таким образом, основной задачей КПК в нынешних условиях является проведение такой социально-экономической политики, которая позволила бы переломить ситуацию и достигнуть «оптимума по Калдору», т.е. обеспечить необходимую компенсацию для социальных групп, которым был нанесен ущерб в ходе реформ.

Именно от результатов социально-экономического развития страны во многом будет зависеть политическая ситуация. Как считают американские ученые Дж. Гиблбой и Э. Хигинботэм в статье «Предстоящая трансформация Китая», опубликованной в журнале «Foreign Affairs» летом 2001 г., «общественные силы, раскрепощенные экономической реформой в Китае за последние 20 лет, сейчас неудержимо влекут к фундаментальному изменению китайской политики». Однако, на наш взгляд, заметные успехи руководства КНР в социально-экономической сфере обеспечивают как социальную и политическую стабильность китайского общества, так и постепенность проведения политических преобразований. В ситуации, когда происходит стабильный экономический рост, постоянное повышение жизненного уровня, значительная часть населения получила возможность заниматься собственным бизнесом, отнюдь не очевидно, что в ближайшее время могут произойти перемены, которые, как правило, характерны для условий экономического кризиса.

Однако, как показало проведенное Орготделом ЦК КПК обследование социально-экономической и политической обстановки в стране в 2000—2001 гг., в ходе экономической реформы появилось много различных социальных проблем в обществе, которые при определенных обстоятельствах могут подорвать руководящую роль КПК.

Методологической основой для проведения обследования Орготделом ЦК КПК в 2000—2001 гг. послужила речь председателя КНР Цзян Цзэминя на торжественном собрании по случаю 20-летнего юбилея 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.). Он сказал: «В ходе реформы и открытости и развития социалистической рыночной экономики внутри народа проявляется все больше противоречий, некоторые из них прорываются каждый день, это необходимо добросовестно изучать и правильно решать политические проблемы»⁸. В свое время в феврале 1957 г. в аналогичной ситуации была издана статья Мао Цзэдуна о противоречиях внутри народа, где все противоречия делились на *антагонистические и неантагонистические*. В данном обследовании была сделана попытка с помощью сравнительных обследований и углубленного изучения вопроса

проанализировать в целом важнейшие проявления, особенности и причины противоречий внутри народа и выработать предложения о политике в этом вопросе. Необходимо обратить особое внимание на то, что авторы обследования отмечают характер всех противоречий внутри народа в новой обстановке как *неантагонистические*.

При анализе материалов обследования, опубликованных в сборнике «Исследование противоречий внутри народа в новой обстановке», следует обратить внимание на отбор регионов для проведения этой работы. С целью изучения социально-экономических противоречий взята пров. **Чжэцзян**, в которой реформы проходят довольно успешно и по своим основным социально-экономическим показателям (рост ВВП, изменение структуры собственности, рост урбанизации, увеличение доли занятых в «третьей» сфере) она уже вышла на 4-е место в стране. Также была выделена одна из наиболее отстающих провинций — **Аньхой** с преобладающим сельским населением и наибольшей долей мигрантов, покинувших сельские районы. Еще одной провинцией для проведения такого рода обследования стала пров. **Ляонин**, где сконцентрировано большое количество крупных государственных предприятий и показаны социальные перемены, возникшие в ходе реформы на них.

Для изучения социально-политической обстановки были избраны пров. **Хунань**, в которой наиболее напряженно развивались отношения между *ганьбу* (кадровыми работниками) и массами, **Синьцзян-Уйгурский автономный район**, где отмечены наиболее острые противоречия среди населения по религиозному и национальному вопросу, и пров. **Сычуань**, где в 1998—1999 гг. было зафиксировано наибольшее количество прямых массовых выступлений в различных формах (воздействие на руководителей; подача жалоб; незаконные собрания и демонстрации; нападения на учреждения; блокада транспортных путей; стачки, непосещение занятий, забастовки торговцев; нападения, столкновения, грабежи, поджоги; столкновения с применением оружия). Эти явления получили развитие в начале XXI в. Они показывают наличие серьезных социальных противоречий в китайском обществе, возникающих по мере развития экономической реформы, перехода к рыночной экономике, изменения соотношения между различными формами собственности в пользу расширения негосударственных форм собственности и возникновения новых форм распределения, основанных не на результатах труда, а на базе наличия и распоряжения собственностью.

Социальные противоречия в китайском обществе зарождались постепенно, по мере развития экономической реформы. **Первый этап**

(1978 г. — сентябрь 1984 г.) — лозунг «плановая экономика — главное, рыночная — дополнение». *Основные мероприятия:* реформа в деревне; эксперименты в городе по расширению хозяйственной самостоятельности предприятий; создание СЭЗ. На этом этапе сильных социальных противоречий не возникло, поскольку структура интересов существенно не затрагивалась, но путем совершенствования операционной и организационной сферы (система подворного подряда, развитие предприятий «альтернативных» форм собственности, создание СЭЗов и СП) повысилась экономическая эффективность. Был достигнут «оптимум по Парето» (без ущерба при выгоде для определенных социальных слоев).

Второй этап (октябрь 1984 г. — декабрь 1991 г.) — лозунг «плановая товарная экономика». *Основные мероприятия:* перемещение центра тяжести реформ из деревни в город, основное звено реформ — госпредприятия, основное внимание — реформе цен. Возникают противоречия при переносе центра тяжести реформ с деревни в город и совершенствовании структуры цен (события 1988—1989 гг.) в процессе выравнивания двух систем ценообразования — фиксированных государственных и плавающих рыночных. По многим позициям произошел рост государственных цен до уровня рыночных, что создало трудности для социальных слоев с фиксированными доходами. Также возникла проблема трудоустройства избыточной рабочей силы в деревне. В 1990-е годы свыше 50 млн. человек в КНР не были включены ни в сельскую, ни в городскую статистику занятости. Произошло формирование нового институционального равновесия путем упорядочения существовавшей структуры интересов и был достигнут «оптимум по Калдору» (интересам части социальных групп наносится ущерб при последующей компенсации за него).

Третий этап (с 1992 по 2003 г.) — лозунг «социалистическая рыночная экономика». *Основные мероприятия:* формирование новой экономической системы, где главным звеном является расширение и развитие рынка, создание новой системы управления предприятиями, формирование системы макрорегулирования и контроля. В ходе третьего этапа реформы интересы все большего числа социальных групп и слоев оказываются ущемленными по мере развития реформ и перехода к рынку. Это явилось результатом проведения дальнейших мероприятий реформы — реформа госпредприятий с осени 1997 г., экономическая политика государства, направленная на развитие рыночных отношений, развитие банковских и финансовых институтов (фондовая биржа, рынок недвижимости,

страховые компании, финансовые группы и др.). Происходило дальнейшее формирование новой структуры интересов в ходе реформы госпредприятий. При этом уже не достигается не только «оптимум по Парето», но и «оптимум по Калдору», ущемляются интересы занятых на предприятиях госсектора за счет интересов занятых на предприятиях других форм собственности.

На третьем этапе реформы возникало множество социальных противоречий между различными социальными слоями и группами, между социальными институтами и внутри них, которые постепенно обострялись. *В экономической сфере* появились противоречия между различными формами укладов и внутри укладов; при распределении — между безработными и занятыми на предприятиях различных форм собственности. *В политической сфере* возникли серьезные противоречия между КПК и правительством, внутри КПК, между политической и административной властью, между *ганьбу* и массами, между нациями и религиями, а в *идеологической и культурной сфере* — между ростом экономического сознания и погоней за личной выгодой, между передовой идеологией и видами капиталистической коррупции, между передовой наукой и мистикой.

В практическом плане противоречия внутри народа проявлялись в виде роста массовых выступлений в борьбе за личные и групповые интересы; перехода противодействия реформам из скрытых форм в открытые; возникающих все более явных противоречий интересов при распределении ресурсов; усложнения причин и противоречий. На новой стадии экономической реформы в начале XXI в. наиболее острые противоречия возникли между массами и кадровыми работниками (*ганьбу*). Произошло увеличение социальных слоев, недовольных реформами. На первом и втором этапах реформ в категорию недовольных можно было включить только вытесненных с земли крестьян, пенсионеров и городскую безработную молодежь. На третьем этапе в категорию недовольных добавились рабочие и служащие, интеллигенция, военнослужащие, кадровые работники, студенты. Одновременно с увеличением доли населения, недовольного реформами, происходило слияние интересов местных руководителей и местных преступных группировок (*баннай*).

В настоящее время можно отметить три основные противоречия, которые влияют на социальную стабильность в обществе.

1. Разрыв между богатыми и бедными.

а) разрыв между группами населения. Разрыв в доходах между 20% самых богатых и 20% самых бедных в 1990 г. составил 4,3:1, в 1998 г. — 9,6:1 (коэффициент Осима). Коэффициент Джини пока

меньше 0,4, но уже близок к нему. Это результат создания фондового рынка, рынка недвижимости, фьючерсного рынка. В КНР выделяют 10 богатых групп (предприниматели, артисты, спортсмены, высшие чиновники и др.) и 6 бедных групп (безработные, пенсионеры, крестьяне из отсталых районов, пострадавшие от стихийных бедствий);

б) между городом и деревней. До 1985 г. разрыв в жизненном уровне между городом и деревней сокращался (особенно за счет дворов спецподряда), инвестиции шли из деревни в город. С 1985 г. наоборот — инвестиции идут из города в деревню. Разрыв в доходах между сельскими и городскими жителями составил в 1957 г. — 1:3; 1978 г. — 1:2,6; 1983 г. — низший уровень; 1994 г. — 1:2,86; 1999 г. — 1:2,65;

в) между регионами (Восток — Центр — Запад). В течение 30 лет до 1978 г. соотношение темпов роста ВВП в этих регионах составляло 6,81%:6,78%:7,25%, причем темпы роста ВВП западных районов были выше. С 1980 по 1995 г. соотношение изменилось в пользу восточных районов. В 1998 г. доля ВВП между регионами была в пользу Востока (58,3% ВВП), в то время как доля Центра составляла 27,8%, Запада — 13,9%. На западные районы приходилось до 90% бедных уездов, и там проживала большая часть бедного населения из 20 млн. человек, их годовой доход на семью не превышал 700 ю.;

г) между отраслями. В 1978 г. наименьшие доходы были у занятых в сфере услуг — 392 ю. в год, наивысшие в энергетике — 850 ю. в год (1:2,17). В 1985 г. разрыв между наивысшими доходами по отрасли (геологоразведка) и наименьшими (услуги) составлял 1,81:1, в 1995 г. — 2,23:1 (наивысшие в энергетике, наименьшие в сельском хозяйстве). В 1999 г. наивысшие доходы были у занятых в сфере финансов — 10 633 ю. в год, наименьшие в сельском хозяйстве — 4528 ю. в год (разрыв в доходах между отраслями — 2,35:1).

2. Разрыв между ростом эффективности предприятий и необходимостью повторного трудоустройства уволенных рабочих и служащих (сяган):

а) всего за период реформы госпредприятий (после XV съезда КПК в октябре 1997 г.) уволено более 21 млн. человек (80% с госпредприятий, 20% с коллективных предприятий), из которых повторно трудоустроены лишь 13 млн. человек.

б) у уволенных с предприятий, несмотря на получаемые компенсации, произошли не только абсолютное снижение доходов, но и потеря льгот по социальному страхованию в результате увольнения с предприятия.

в) трудности при повторном трудоустройстве у уволенных с предприятий были связаны с тем, что на рынке труда в КНР спросом пользуется рабочая сила в возрасте от 16 до 35 лет. Людям в возрасте от 35 до 50 лет можно устроиться только на подработку, старше 50 лет — нет возможности трудоустройства вообще из-за того, что они приближаются к пенсионному возрасту. Кроме того, выяснилось, что рабочая сила на рынке труда в возрасте старше 35 лет не может конкурировать с рабочей силой из деревни («рабочие-крестьяне») любого возраста и с городской молодежью.

г) в условиях реформы госпредприятий и постоянных изменений системы управления на них произошло изменение отношения рабочего класса к КПК, и в настоящее время по итогам реформ КПК не может опереться на рабочий класс.

3. Разрыв между ганьбу и массами:

а) массовые беспорядки на местах связаны с проступками *ганьбу*, и дело во многих местах доходило до физического воздействия.

б) к основным причинам противоречий между *ганьбу* и массами прежде всего относят стиль и методы работы *ганьбу* (формализм и бюрократизм); большое количество налогов и поборов с крестьян (свыше 5% общего годового дохода двора); общий рост административно-управленческого аппарата — на 38 млн. человек по всей стране (1:35 к общей численности населения), особенно на уровне уездов, волостей и поселков, и коррупция среди *ганьбу* (рост числа персональных и уголовных дел и объема взяток от тысяч юаней до несколько сот миллионов юаней с 1993 по 2000 г.)

В этих условиях ЦК КПК выдвинул предложения по разрешению противоречий внутри народа на новом этапе реформы. К ним можно отнести три вида мероприятий.

1. *Ускорение экономического развития.* Создание экономической основы для разрешения противоречий внутри народа, роста жизненного уровня населения. Это выражается в выработке планов социально-экономического развития народного хозяйства страны, предусматривающих такой рост основных экономических показателей, которые могут обеспечить соответствующий рост жизненного уровня населения.

2. *Решение социальных вопросов.* К ним прежде всего относится сокращение разрыва между бедными и богатыми за счет системы перераспределения доходов. Другим важным направлением перераспределения доходов стала программа развития западных районов Китая, которая в перспективе должна способствовать как повыше-

нию уровня развития западных провинций, так и повышению жизненного уровня населения.

3. *Осуществление институциональных (административных) реформ.* Ядром институциональных реформ в Китае считается сокращение численности административно-управленческого аппарата, что должно заметно уменьшить расходы государственного бюджета на его содержание. К этим реформам также относится регулирование административных связей между центром и местами и расширение демократии, участие народа в выборах, работа масс в собраниях представителей рабочих и служащих (СПРС) на предприятиях, управление государством на основе закона (*и фа чжи го*); усиление идейно-пропагандистской работы; укрепление организационного строительства в КПК (усиление партийного влияния на низовом уровне) и повышение качества кадровых работников-управленцев для ликвидации противоречий между ними и массами.

Как мы видим, в Китае своевременно реагируют на возникающие в ходе проведения экономических реформ социальные противоречия и пытаются их разрешить. Главной основой для разрешения возникающих противоречий являются не меры административного характера, а проведение комплекса мероприятий по ускорению экономического развития, что способно обеспечить необходимый рост жизненного уровня большей части населения КНР.

Как показало проведенное в 2000—2001 гг. Оргодолом ЦК КПК обследование, в ходе реформы уже в конце 1990-х годов не достигался «оптимум по Калдору», и в этой обстановке по мере изменения структуры собственности и форм распределения социальные противоречия продолжают нарастать. Таким образом, основной задачей КПК в нынешних условиях является проведение такой социально-экономической политики, которая позволила бы переломить ситуацию и достигнуть «оптимума по Калдору», т.е. обеспечить необходимую компенсацию для тех социальных групп, которым был нанесен ущерб в ходе реформ.

На наш взгляд, вышеуказанные меры вполне могли бы способствовать решению этого вопроса. Главным является способность КПК обеспечить последовательную реализацию всех намеченных мероприятий, повести за собой народные массы и не допустить обострения социальных противоречий. В противном случае социальные противоречия между различными социальными группами могут обостриться настолько, что произойдет значительное падение темпов социально-экономического развития и снижение жизненного уровня большей части населения. В этом случае возможен серьезный

социально-экономический и политический кризис в стране, который может привести к утере КПК руководящих позиций в обществе и возможному развалу государства, что произошло с СССР в начале 1990-х годов.

На новом этапе реформы и совершенствования социалистических рыночных отношений в системе распределения доходов основными задачами стало дальнейшее осуществление реформы системы занятости и распределительной системы, совершенствование системы социального обеспечения. Как было отмечено в материалах 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.), главной задачей является дальнейшее развитие реформы системы трудоустройства рабочей силы. При планировании социально-экономического развития страны на первое место должна ставиться проблема расширения сферы занятости, проводиться активная политика в области трудоустройства. Для предприятий одним из основных приоритетов в осуществлении хозяйственной деятельности должно быть создание большего числа рабочих мест. По-прежнему провозглашается курс на расширение сферы занятости и организацию повторного трудоустройства для уволенных с предприятий в ходе сокращения рабочей силы на предприятиях государственной и коллективной собственности. Для решения проблем трудоустройства избыточного населения рекомендуется обратить особое внимание на развитие трудоемких типов производства. Оказывать поддержку малым и средним предприятиям, развитию необщественных форм собственности (частные и индивидуальные предприятия). При этом предполагается и дальше развивать многочисленные структуры по поиску рабочих мест для безработных.

Еще одной важной задачей по решению социальных проблем китайского общества стала реформа системы распределения доходов. По решению 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва, для реформирования системы распределения доходов в качестве главного звена выделено совершенствование системы распределения, базирующейся на распределении по труду в сочетании с множественностью форм распределения. В основу реформы системы распределения должно быть поставлено распределение в зависимости от вклада в доход различных факторов производства. Для сокращения разрыва в уровне доходов различных членов общества и увеличения доли населения со средними доходами в общей численности населения предполагается поднять уровень доходов лиц с низкими доходами, урегулировать сверхвысокие доходы с помощью системы налогообложения, устранить незаконное получение доходов. Также предусмат-

ривается усиление контроля за распределением доходов в монопольных отраслях, совершенствование методов контроля за доходами физических лиц, ужесточение контроля за уплатой ими подоходного дохода. Важной задачей на новом этапе реформы становится совершенствование системы заработной платы государственных служащих, основой которого должна стать реформа системы распределения доходов организаций непромышленной, коммунальной сферы и инфраструктуры, а также ускорение монетизации социальных льгот.

Для решения вопроса перераспределения доходов одним из главных направлений названо достижение доступности социального обеспечения, в этих целях необходимо повысить долю социальных расходов в ВВП. В начале XXI в. в КНР в сферу социального страхования по старости оказались включены лишь 160 млн. человек, в сферу медицинского страхования — 120 млн. человек, в сферу страхования по безработице — около 80 млн. человек. Иными словами, системой социального обеспечения в Китае охвачено всего 10% населения⁹. Как отмечалось в материалах 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва, наряду с совершенствованием системы базового пенсионного обеспечения рабочих и служащих предприятий и сочетанием системы единых социальных пенсий и личных накопительных счетов предполагается постепенно перейти к исключительному использованию личных накопительных счетов. На будущее ставится задача охватить все занятое население городов и поселков базовой системой пенсионного страхования. Основой пенсионного страхования должны стать фонды по регулированию и распределению пенсий на уровне провинций. В дальнейшем постепенно на основе совершенствования единых пенсионных фондов на уровне городов предполагается обеспечить наличие единых пенсионных фондов на уровне провинций, а в дальнейшем создать Единый пенсионный фонд на основе фондов базового пенсионного обеспечения. В решениях 3-го пленума ЦК КПК также рекомендовалось включать средства фондов государственных предприятий, предназначенных для поддержания уволенных с предприятий по сокращению штатов (*сяган*), в фонды страхования по безработице.

Еще одним мероприятием в сфере перераспределения доходов должна стать реформа системы базового медицинского страхования рабочих и служащих в городах, обеспечения медицинскими услугами и оборота лекарственной продукции, расширение сферы охвата базовым медицинским страхованием, совершенствование общественной системы предоставления медицинской помощи и внедрение в жизнь многоуровневой системы медицинского и больничного об-

служивания. Также рекомендовалось продолжать внедрять в жизнь практику страхования рабочих и служащих от производственных травм и страхования при родах.

Важным направлением работы в социальной сфере становится совершенствование системы социального обеспечения городского населения с минимальными доходами, куда входит большое количество крестьян, покинувших деревню и отправившихся на заработки в города. Для этой цели рекомендовалось увеличивать фонды социального обеспечения, используя многочисленные формы, включая правомочные трансферты части государственного имущества. Также предлагалось стимулировать имеющиеся условия предприятия учреждать дополнительные фонды добровольного страхования, активно развивать коммерческие пенсионные и медицинские страховые фонды. Большое внимание должно уделяться развитию системы пенсионного страхования на селе, основой которой должна стать семья, а важной составной частью — предоставление медицинских услуг в сельской местности за счет средств кооперативов и государства. Во многих районах, где сложились необходимые условия, предложено изучить возможности создания системы обеспечения для крестьян на уровне прожиточного минимума.

Таким образом, для сокращения разрыва в доходах между различными социальными группами населения (городскими и сельскими жителями, предпринимателями и работниками, жителями приморских и внутренних районов) предполагается реформа системы занятости, перераспределение доходов с помощью механизма подоходного налога и реформа системы социального обеспечения. Реформа системы занятости в целом должна быть направлена на снятие различных административных барьеров на пути миграции трудоизбыточной рабочей силы из села в город, развитие системы трудоустройства безработных, освобожденных с предприятий общественных форм собственности (государственный и коллективный сектор). Перераспределение доходов осуществляется путем корректировок Закона о личном подоходном налоге. В новом варианте закона повышен необлагаемый уровень дохода с 800 до 1600 ю., определена необходимость для получателей высоких доходов декларировать о них налоговым органам с целью уплаты налога, для них введено более суровое наказание в случае уклонения от уплаты налога, а также обязанность для работодателей заполнять налоговые декларации и сохранять записи об уплате налога для всех работников¹⁰. Следующим направлением социальной политики должна стать доступность системы социального обеспечения для населения, особенно для тех категорий, которые переехали из деревни

в город, но не могли пользоваться льготами по социальному страхованию, установленными для городских жителей, в том числе работающих на одних и тех же предприятиях.

Однако, несмотря на провозглашенную социальную политику, направленную на сокращение разрыва между бедными и богатыми слоями населения по уровню доходов, который возник за годы перехода к рыночной экономике, этот разрыв в доходах постоянно продолжает увеличиваться. По словам известного китайского ученого Ли Пэйлиня, в конце 2006 г. доходы самых обеспеченных слоев населения (около 20% населения страны) превышали доходы самых бедных слоев в 18 раз, богатым принадлежит более 80% всех банковских депозитов, в то время как уплачиваемый личный подоходный налог не достигает даже 10% его общего объема. Основными плательщиками подоходного налога в КНР являются не бизнесмены, а получающее зарплату население и вернувшиеся в страну эмигранты¹¹.

В настоящее время в Китае существуют две силы, которые могли бы разрешать социальные противоречия между различными слоями и группами по мере их возникновения — работодатели (т.е. предприниматели и менеджеры на крупных предприятиях) и уличные (или сельские) комитеты. Пока более активную позицию занимают уличные (сельские) комитеты, которые пытаются регулировать социальные отношения с помощью по большей части административных мер. Но без сотрудничества бизнеса и государственной власти на местах вряд ли можно будет урегулировать существующие социальные противоречия между богатыми и бедными. На наш взгляд, дальнейший рост разрыва в доходах между различными социальными слоями и группами населения КНР может поставить под угрозу поступательное движение китайских реформ, так как начинают усиливаться социальные противоречия, и большая часть населения, потерявшая от реформ, будет всеми силами им противодействовать.

Источники

1. Подробнее см.: Дандай Чжунго шэхуэй цзецэн яньцзю баогао (Доклад об исследовании социальных слоев современного Китая) / Ред. Лу Сюэи. Шэхуэй кэсюэ вэньсюань чубаньшэ. 2002. С. 277—311, 339—407, 11—14.
- 2 Чжунго тунцзи чжайяо-2006. С. 37.
- 3 Дандай Чжунго шэхуэй цзецэн... С. 11—14, 26.

- ⁴ Чжунго тунцзи няньцзянь-2006. С. 119.
- ⁵ Подробнее см.: Чжунго дяоча баогао. 2000–2001 синь синшися жэньминь нэйбу маодунь яньцзю (Доклад по обследованию в Китае. Исследование противоречий внутри народа в новой обстановке в 2000–2001 гг.) / Ред. Юй Юньяо. Пекин: Чжунъян бяньи чубаньшэ, 2001.
- ⁶ Чжунго тунцзи чжайяо-2006. С. 37.
- ⁷ Жэньминь жибао. 11.05.2002.
- ⁸ Гуанмин жибао. 24.12.1998.
- ⁹ *Цзин Тянькуй*. Гуаньюй хэсе шэхуэйды чжибяо вэньти (О показателях общества социальной гармонии) / Цзинцзи цюаньцюхуа юй ЧжунЭ цзинцзи (Экономическая глобализация и экономики России и Китая), ЧжэнЭ шэхуэй кэсюэ луньтань (Китайско-российский форум по проблемам общественных наук), АОН Китая — Российская Академия Наук (кит.яз./русс.-яз.). Пекин, 2006 С. 90.
- ¹⁰ *Шевель И.* Реформирование личного подоходного налога // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 59.
- ¹¹ Там же. С. 56–57; <http://www.china.org.cn/business/txt/2006-12/18>.

ПОЛИТИКА ОТКРЫТОСТИ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

С конца 1978 г. в Китае проводится курс открытости внешнему миру (*кайфан чжэньцэ*), экономическое строительство вступило в новый исторический этап перехода к рыночной экономике. По мере перехода от модели плановой экономики с ее высокоцентрализованной системой управления к модели социалистической рыночной экономики последовательно проводилась реформа внешней торговли.

Сложившаяся до 1978 г. система внешней торговли Китая состояла из шести основных компонентов: 1) план; 2) бюджетное финансирование; 3) административно-управленческий механизм; 4) специфика ценообразования; 5) система распределения; 6) валютное регулирование и валютный контроль.

Важнейшим средством контроля за внешней торговлей в КНР являлась система лицензирования экспорта и импорта, разрешительный режим для экспорта и импорта товаров, а также протекционистские тарифы, контроль за перевозками грузов, выявление и пресечение контрабанды. При этом практически не использовались меры тарифного регулирования, поскольку главное внимание в условиях торгового протекционизма китайское руководство уделяло административному воздействию. Административно-управленческая деятельность осуществлялась по поручению Госсовета КНР Министерством внешней торговли и другими уполномоченными ведомствами.

Характерным элементом системы внешней торговли Китая являлось искусственное ценообразование на импортируемые товары и условно установленные внутренние цены на экспортные грузы и услуги, которые в том и в другом случае существенно отличались от мировых. В этой связи уровень мировых цен играл лишь роль вспомогательного критерия оценки эффективности внешней торговли, не влияя на потоки товаров и услуг и на выбор регионов торговли.

Высокой централизацией отличались валютная система Китая и валютный контроль во внешней торговле. Вся получаемая внешне-торговыми компаниями и другими организациями валюта сдавалась государству, а такие операции, как международные расчеты, переводы, валютные займы, торговля в иностранной валюте и др., производились Банком Китая — специальным валютным банком, уполномоченным государством. Валютные средства отраслевым подразделениям, провинциям, городам, регионам и внешнеторговым организациям, необходимые им для закупки импортных товаров, выделялись в централизованном порядке Госпланом КНР и Минфином на основе плана расходования инвалютных средств на нужды импорта, в том числе согласно утвержденным планам импорта и экспорта на текущий период. Ни одно предприятие, занимающееся внешнеэкономической деятельностью, не располагало собственными валютными средствами — как реальными, так и находящимися на балансе, что оказывало сильное сдерживающее влияние при принятии и реализации коммерческих решений.

Такая система внешней торговли, основанная на административном управлении со стороны государственных органов, привела к разрыву между внутренним и внешним рынками, которые были искусственно отделены друг от друга. Как и в СССР, существовал большой разрыв в ценах на одинаковую продукцию на внутреннем и внешнем рынке. К концу 1970-х годов это привело к тому, что производить продукцию на экспорт стало невыгодно, структура внешней торговли оказалась нерациональной, происходило сокращение коммерческой информации в интересах государственных внешнеторговых компаний, а сами внешнеторговые компании становились неконкурентоспособными на мировом рынке.

Все это вызвало необходимость начать реформу в системе внешней торговли КНР с конца 1970-х годов с тем, чтобы она соответствовала как провозглашенному лозунгу «открытости внешнему миру», так и переходу вместе со всей системой управления народного хозяйства к новой модели рыночной экономики. Китайские ученые выделяют четыре этапа реформ в системе внешней торговли КНР: 1) передача ограниченных прав на хозяйственное самоуправление субъектам внешнеэкономической деятельности (1979—1987 гг.); 2) переход занимающихся внешней торговлей предприятий на систему производственной ответственности (1987—1993 гг.); 3) переход занимающихся внешней торговлей предприятий на принципы работы, соответствующие требованиям рыночной экономики и международным правилам торговли (1994—2001 гг.); 4) переход зани-

мающихся внешней торговлей предприятий на требования ВТО после вступления Китая в эту организацию (2001 г. — настоящее время)¹.

На первом этапе были продолжены мероприятия в сфере управления внешней торговлей, направленные на передачу прав местным или отраслевым внешнеторговым компаниям. Первые эксперименты в этом плане начались в 1985 г. в южных провинциях Гуандун и Фуцзянь, в которых уже действовали созданные в начале 1979 г. четыре особые экономические зоны — Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу и Сямэнь и которые более активно, чем другие провинции, были вовлечены во внешнеторговые операции. В ходе реформы филиалы многих генеральных компаний получили право ведения экспортно-импортных операций по некоторым группам товаров. Во всех провинциях, городах центрального подчинения, автономных районах и городах, стоящих отдельной строкой в планах, а также в особых экономических зонах были созданы собственные внешнеторговые компании. Во многих отраслях промышленности, в том числе в металлургической, цветных металлов, угольной, электронной, судостроительной, нефтехимической, были учреждены специализированные экспортно-импортные компании. В этот период систему управления на основе директивных планов сменила система сочетания директивных и индикативных планов с рыночным регулированием, плановая номенклатура товаров сократилась с 3000 до 100 наименований, были отменены плановые закупки и плановое распределение товаров. Однако эта реформа так и не дошла до основного участника внешнеэкономической деятельности (ВЭД) — непосредственного товаропроизводителя, которым являлось предприятие, производившее экспортную продукцию. Они по-прежнему не имели никаких прав во внешнеторговой деятельности, по-прежнему были вынуждены передавать функции по продаже своей продукции на внешнем рынке уполномоченной специализированной внешнеторговой компании.

На втором этапе реформы в 1987 г. Министерство внешнеэкономических связей и внешней торговли (далее МВЭСиВТ) в экспериментальном порядке перевело специализированные внешнеторговые компании на систему подряда, а с февраля 1988 г. система подряда была распространена на всю систему внешней торговли. В 1988—1990 гг. на первом этапе внедрения подрядной системы для всех субъектов внешнеэкономической деятельности было установлено три показателя — экспортная валютная выручка, объем перечисленной валютной прибыли и экономическая эффективность, которые не менялись в течение трех лет. Для этого потребовалось

изменить систему валютного регулирования, ввести систему возврата налога за производство экспортной продукции и ускорить переход к мерам рыночного регулирования во внешней торговле. В 1991—1993 гг. начался новый этап внедрения подрядной системы, основной целью которой стало создание системы ответственности за прибыли и убытки на предприятиях внешней торговли. В ходе этого этапа было отменено государственное субсидирование экспорта, осуществлены полный переход внешнеторговых предприятий на систему производственной ответственности, сохранение у предприятия части валютной прибыли, переход к системе подряда внешнеторговых предприятий по трем показателям — объем экспорта, валютные доходы от экспорта и объем поступлений валютных доходов от экспорта в центральный бюджет. С одной стороны, на втором этапе были заметные успехи, связанные с повышением конкурентоспособности предприятий. Однако, с другой стороны, местные власти часто вмешивались в работу предприятий и компаний, имеющих валютные поступления, новые условия подряда создавали неравные условия конкуренции между предприятиями и компаниями.

С 1994 г. начался третий этап реформы внешней торговли, направленный на сближение китайского и международного законодательства в этой сфере. Для этого в рамках нового этапа экономической реформы, провозглашенного на 3-м пленуме ЦК КПК 14-го созыва (октябрь 1994 г.), в сфере внешнеторговой деятельности стали проводиться следующие мероприятия: 1) отменены два вида денег — «переводной» юань (*вайхуэйби*) для внешнего рынка и «народный» юань (*жэньминьби*) для внутреннего рынка — и осуществлен переход к единой валюте — «народный юань» в масштабах всей страны; 2) снижен общий уровень импортных таможенных пошлин; 3) усовершенствована система возврата налога на добавленную стоимость (НДС) для предприятий, производивших экспортную продукцию; 4) введена новая система банковского кредитования экспортеров; 5) введен в действие Закон КНР о внешнеэкономической деятельности; 6) постепенно сокращалась сфера квотирования и лицензирования импорта. В результате предприятия стали постепенно становиться главным субъектом в системе управления внешнеэкономическими связями и рыночной конкуренции. Как следствие, за период реформ с 1978 по 2001 г. более чем в 25 раз вырос объем внешней торговли — с 20,64 млрд. долл. в 1978 г. до 509,7 млрд. долл. в 2001 г. Следует отметить особенно высокую динамику роста внешней торговли на третьем этапе реформ — с 236,6 млрд. долл. в 1994 г. до 509,77 млрд. долл. в 2001 г. (табл. 22).

Динамика внешнеторгового оборота КНР в 1978—2001 гг.,
млрд. долл.

Год	Объем	Экспорт	Импорт
1978	20,64	9,75	10,89
1979	29,33	13,66	15,67
1980	38,14	18,12	20,02
1981	44,03	22,01	22,02
1982	41,61	22,32	19,29
1983	43,62	22,23	21,39
1984	53,55	26,14	27,41
1985	69,60	27,35	42,25
1986	73,85	30,94	42,91
1987	82,65	39,44	43,21
1988	102,79	47,52	55,27
1989	111,68	52,54	59,14
1990	115,44	62,09	53,35
1991	135,63	71,84	63,79
1992	165,53	84,94	80,59
1993	195,70	91,74	103,96
1994	236,62	121,01	115,61
1995	280,86	148,78	132,08
1996	289,88	151,05	138,83
1997	325,16	182,79	142,37
1998	323,95	183,71	140,24
1999	360,63	194,93	165,70
2000	474,29	249,20	225,09
2001	509,77	266,10	243,55

Источник: Чжунго тунци чжайяо - 2002, Пекин, 2002, с.148.

В соответствии с ориентацией на экспорт, начиная с 1990-х годов, в динамике внешней торговли КНР происходит значительное превышение экспорта над импортом. Особенно важную роль в реализации внешнеторговой стратегии расширения экспорта сыграли мероприятия третьего этапа реформы — с 1994 г. Если до 1994 г. происходил одновременный рост как экспорта, так и импорта, то со второй половины 1990-х годов темпы прироста объема экспорта уже значительно превосходили темпы прироста объема импорта.

На четвертом этапе реформ с 2001 г. после вступления КНР в ВТО происходило преобразование деятельности субъектов ВЭД в

соответствии с требованиями ВТО. Однако деятельность руководства страны по вступлению КНР во Всемирную торговую организацию (ранее до 1993 г. называлась Генеральное соглашение по таможене и тарифам, или сокращенно ГАТТ) началась еще в середине 1980-х годов. К тому моменту в китайском руководстве окончательно пришли к выводу, что для интегрирования экономики страны в систему мирохозяйственных связей и увеличения возможностей расширения экспорта необходимо, чтобы ее хозяйственная система, в частности система внешней торговли, была приведена в соответствие с международными нормами и правилами. 10 июня 1986 г. правительство КНР официально обратилось в ГАТТ с просьбой о восстановлении места Китая в этой организации как одного из учредителей. В феврале 1987 г. в ГАТТ был направлен «Меморандум о внешнеторговом режиме в Китае» (Меморандум о режиме ВТ Китая). После этого в ГАТТ была создана рабочая группа по вступлению Китая в ВТО, которая рассмотрела и оценила режим внешней торговли КНР. Цель этого мероприятия состояла в том, чтобы проанализировать все аспекты внешней торговли Китая, выявить те моменты, которые частично или полностью не совпадают с соответствующими положениями ВТО, и тем самым побудить к ускорению реформу системы внешней торговли Китая и всей его экономики в целом в соответствии с основными требованиями ВТО.

Рабочая группа ГАТТ/ВТО по оценке режима системы внешней торговли КНР действовала более 10 лет. За это время было проведено огромное количество переговоров, в ходе которых китайская сторона выговорила себе большие уступки со стороны ВТО, аргументируя это как своим статусом развивающейся страны, так и сложностями, связанными с переходом от плановой к рыночной экономике. В результате Китаю удалось добиться значительных уступок по ряду вопросов, получить все необходимые рекомендации и согласования и в ноябре 2001 г. в Дохе (Катар) КНР вместе с Тайванем стала членом ВТО.

Важным аспектом социально-экономического развития китайской экономики в начале XXI в. стал провозглашенный на сессии ВСНП в 2000 г. курс в сфере внешнеэкономических связей «выход вовне», или «выход за ворота» (*цзоучуцзюй*). Это повлекло за собой резкое увеличение экспорта с 266,1 млрд. долл. в 2001 г. до 761,9 млрд. долл. в 2005 г. (рост 186,3%). Особенно быстро за последние годы в рамках курса «выхода вовне» увеличился объем экспорта продукции машиностроения и транспорта — 94,9 млрд. долл. в 2001 г. и 352,2 млрд. долл. в 2005 г. Рост экспорта продукции повлек за собой и адекват-

ный рост импорта — 243,5 млрд. долл. в 2001 г. и 659,6 млрд. долл. в 2005 г. При этом уже в 2004 г. объем экспорта продукции машиностроения и транспорта превысил объем импорта, а доля продукции машиностроения увеличилась с 35,7% в 2001 г. до 46,2% в 2005 г. в объеме экспорта (табл. 23).

Таблица 23

**Динамика и структура внешнеторгового оборота КНР
в 2001—2006 гг., млрд. долл.**

Годы	Объем	Экспорт		Импорт	
		Всего	в том числе продукция машиностроения *	Всего	в том числе продукция машиностроения **
2001	509,6	266,1	94,9 (35,7%)	243,5	107,0 (43,9%)
2002	620,8	325,6	127,0 (39,0%)	295,2	137,0 (46,4%)
2003	851,0	438,2	187,8 (42,9%)	412,8	192,8 (46,7%)
2004	1154,5	593,3	268,3 (45,2%)	561,2	252,8 (45,0%)
2005	1421,9	762,0	352,2 (46,2%)	659,9	290,5 (44,0%)
2006	1760,7	969,1	510,4 (52,7%)	791,6	321,5 (40,6%)

Примечания: * в скобках — доля в объеме экспорта

** в скобках — доля в объеме импорта

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь — 2006. С. 734—737.

Таким образом, на практике получилось, что стремительный рост производства внутри страны во многом способствовал наращиванию экспорта китайской продукции и вывел страну на одно из первых мест в мире по объему экспорта. Китай из-за более низкой себестоимости промышленной продукции в различных отраслях промышленности, в силу климатических факторов, более низкой стоимости рабочей силы, а также более льготного инвестиционного режима по сравнению со многими странами мира постепенно становится «мировым производственным цехом».

Принципиально важным внешним фактором, во многом определяющим перспективы социально-экономического развития страны, является вступление КНР в ВТО в ноябре 2001 г., что влечет за собой постепенное снятие таможенных барьеров и ограничений для зарубежных партнеров при импорте их продукции в Китай. Пять лет, прошедших после вступления КНР в ВТО, показали, что основным результатом вступления страны в ВТО явился резкий рост объема внешней торговли — с 510 млрд. долл. в 2001 г. до 1760 млрд. долл. в

2006 г., и по этому показателю Китай занял 2-е место в мире, уступая лишь США. К этому следует добавить дальнейшее увеличение объема иностранных инвестиций — с 46,9 млрд. долл. в 2001 г. до 63 млрд. долл. в 2005 г. и объема валютных резервов страны — с 212,2 млрд. долл. в 2001 г. до более 1000 млрд. долл. в 2006 г.

Хотелось бы отметить, что рост объема внешней торговли хорошо коррелируется с ростом объема иностранных инвестиций. Чем больше иностранных инвестиций поступает в Китай из какой-либо страны, тем больший наблюдается объем внешней торговли с этой страной. По данным на 2006 г., наибольший объем внешней торговли Китая был достигнут со странами ЕС — 272,3 млрд. долл., США — 262,7 млрд. долл., Японией — 207,3 млрд. долл., Гонконгом — 166,2 млрд. долл., странами АСЕАН — 160,8 млрд. долл. и Республикой Корея — 134,3 млрд. долл. На этом фоне объем российско-китайской внешней торговли выглядит очень бледно — 33,4 млрд. долл. — на уровне Нидерландов, Малайзии и Сингапура. Судя по объему прямых инвестиций с обеих сторон — не более 200—300 млн. долл. в год — доля России в объеме внешней торговли КНР с каждым годом будет снижаться². Как мы видим, Китаю удастся не только осуществлять более тесную интеграцию в мировую экономику, но уже в первые годы после вступления в ВТО получить определенные преимущества для развития экономики страны в результате ее вхождения в открытую мировую торговую систему.

Основной причиной, побудившей Китай вступить в ВТО, стала большая доля торгового оборота КНР со странами-членами ВТО — около 90%. Поэтому было необходимо, чтобы такая международная торгово-экономическая организация, как ВТО, могла регулировать отношения КНР с другими странами, способствовала установлению взаимовыгодных недискриминационных экономических и торговых связей. Можно выделить два главных позитивных момента для Китая при вступлении в ВТО: 1) КНР получает право голоса на международной арене в экономических вопросах; 2) появляется дополнительный стимул дальнейшего развития рыночных реформ в стране. Судя по всему, при принятии китайским руководством стратегического решения о вступлении в ВТО эти два фактора перевесили все остальные соображения.

По мнению китайских экспертов, вступление страны в ВТО будет иметь следующие положительные моменты для экономики и жизни населения Китая: расширение экспорта; увеличение импорта; приток иностранных инвестиций; развитие производства в стране; уход от дискриминационных мер США в американо-китайской

торговле; рост занятости внутри страны; интеграция в мировую экономику; расширение объемов услуг.

В то же время обращалось внимание и на отрицательные моменты, которые придется переживать стране после вступления в ВТО. К ним относится в первую очередь необходимость взять на себя различного рода обязательства, связанные с отказом от протекционистских мер в отношении производимой в Китае продукции, неконкурентоспособной по сравнению с зарубежными аналогами. К ним относятся снижение таможенных пошлин; ликвидация части внетарифных барьеров; увеличение прозрачности (прозрачности) торговли; открытость сферы различных услуг; необходимость защиты интеллектуальной собственности; снятие ограничений на иностранные инвестиции.

Кроме того, после вступления в ВТО Китай должен принять на себя ряд ограничений по экспорту своей продукции в другие страны-участницы ВТО на весь период перестройки своей торгово-экономической системы в соответствии с правилами ВТО, т.е. отказаться от дотирования производства экспортной продукции. Это, безусловно, будет оказывать негативное влияние на экспорт и сдерживать его объемы, особенно в первые годы после вступления в ВТО.

Однако практика показала, что Китай не зря в течение многих лет бился на переговорах за более выгодные условия при вступлении в ВТО. Многие эксперты предрекали, что после вступления в ВТО ряд отраслей окажется в очень сложном положении из-за того, что на мировом рынке цены на товары и услуги значительно ниже, чем в КНР, и после отмены протекционистских мер по защите внутреннего рынка продукция этих отраслей вряд ли сможет выдержать конкуренцию. К таким отраслям были отнесены автомобильная и фармацевтическая промышленность, производство сельскохозяйственной продукции (зерновые, мясо, овощи и др.), финансы и страхование.

Вместе с тем в Китае были обнаружены отрасли, которые будут иметь односторонние преимущества и вполне способны вытянуть за собой как локомотив всю экономику. К таким отраслям относятся текстильная и швейная промышленность, производство бытовой электротехники, себестоимость производства продукции в которых намного ниже среднемировых показателей из-за низкой органической структуры производства в них, большого удельного веса ручного труда и низкого уровня заработной платы.

Внешнеторговая практика 2002—2006 гг. показала, что многие отрасли промышленности, такие, как автомобильная и фармацевтическая, начали развиваться еще более быстрыми темпами в новых ус-

ловиях. Не за горами тот день, когда китайские автомобили в массовом порядке будут бегать по дорогам российского Дальнего Востока и Сибири, поскольку отпускная цена на новые китайские автомобили плюс качество сопоставима с ценами на подержанные японские автомобили и новые российские автомобили автозавода ВАЗ из-за транспортной составляющей. Для этого только необходимо снять запрительные таможенные пошлины на импорт легковых автомобилей в Россию. Другие отрасли, такие, как текстильная, швейная, производство бытовой техники, стали развиваться еще более высокими темпами и заполнили своей продукцией рынки многих стран мира и особенно США, у которых начал стремительно расти дефицит в торговле с Китаем, составивший уже 144,3 млрд. долл. в 2006 г.³

В целом по большей части товарных позиций себестоимость производимой продукции в КНР (как, впрочем, и на Тайване) выше, чем во многих странах мира — от нефти до станков и оборудования, в силу более высокой материалоемкости, больших затрат на транспортировку и неблагоприятного климата в большинстве китайских провинций. Поэтому очевидно, что многие отрасли, прежде всего сельское хозяйство, особенно во внутренних районах, могут не выжить без государственных субсидий в условиях конкуренции на мировом рынке и снятия протекционистских мер в отношении внутреннего рынка. Однако для конкурентной борьбы на мировом рынке помимо текстильной промышленности и производства бытовых электротоваров у Китая имеются свои козыри, такие, как наличие мощных финансовых структур (банки и фондовая биржа) в Гонконге, большое количество морских портов в приморских районах, дешевая рабочая сила внутри страны, а также большая китайская диаспора за рубежом, с помощью которой привлекается большой объем инвестиций и обеспечиваются каналы сбыта для экспортной продукции.

Происходит постоянный рост иностранных инвестиций, причем прямые инвестиции составляют большую часть иностранных инвестиций, и, по различным оценкам, в период с 2006 по 2010 г. объемы ежегодных инвестиций в экономику Китая могут достичь 100 млрд. долл. по сравнению с 50 млрд. долл. в 2002 г. Становится очевидно, что плюсы от вступления КНР в ВТО пока перевешивают минусы, и польза проводимой «открытости» экономики и участия КНР в ВТО довольно значительна. Лучшим свидетельством тому является факт, что более 400 из 500 ведущих мировых компаний уже организовали в Китае свои предприятия.

На первом этапе реформ КНР давала иностранным инвесторам налоговые льготы, дешевую землю и другие стимулы, такие, как

льготный режим налогообложения СП — первые два года после пуска предприятия полное освобождение от налогов и последующие три года — уплата налогов в половинном размере. Кроме того, в свое время на начальном этапе проведения «открытой политики» (конец 1970-х — 1980-е годы) Китай тратил миллиарды долларов из централизованного государственного бюджета на строительство портов, дорог, гостиниц, линий оптико-волоконной связи и других объектов инфраструктуры. Сначала от иностранных инвесторов требовали, чтобы они выбирали себе китайского партнера, они могли свободно экспортировать свою продукцию, но их ограничивали в объемах продаж производимой ими в СП продукции на внутреннем рынке для защиты местных производителей. Также жестко ограничивались иностранные инвестиции в ряде ключевых отраслей, таких, как автомобильная, сталелитейная и телекоммуникации. После вступления в ВТО эти ограничения ослаблены, и Китай еще больше открыл свою экономику для внешнего мира.

Для создания конкурентоспособных на мировом рынке производств Китай делает все возможное для привлечения иностранных инвестиций, технологий и кадров. В стране созданы «зоны высоких технологий», где иностранным инвесторам предлагаются бесплатно земельные участки и освобождение от налогов. Чтобы китайские предприятия использовали микросхемы китайского производства, введен 17%-ный налог на импортную продукцию и всего 3%-ный — на местную. В результате на территории страны были созданы предприятия по производству микросхем с японским, американским и тайваньским капиталом. Все это наводит на мысль о том, что в Пекине предварительно просчитали возможные плюсы и минусы от вступления в ВТО. Китайская сторона вела долгие переговоры, чтобы получить максимально благоприятные для себя условия при вступлении, и уже в первые годы страна пожинает плоды своего труда в результате проведения курса «выхода вовне».

Что ожидает Россию — страну с переходной экономикой от плановой к рыночной системе после вступления в ВТО, можно лучше понять на примере КНР. В настоящее время Россия стремится в ВТО для того, чтобы таким образом осуществить более тесную интеграцию с мировой экономикой и получить определенные преимущества для развития экономики страны в результате ее вхождения в открытую мировую торговую систему. Рабочая группа ГАТТ, затем ВТО, по оценке режима системы внешней торговли КНР действовала более 10 лет. За это время в ходе переговоров китайская сторона выговорила себе большие уступки со стороны ВТО.

Переговоры о вступлении КНР в ВТО проходили в сложной обстановке, связанной с переходом КНР от плановой к рыночной экономике. В китайской экономике оставались от прежней плановой экономической системы элементы государственной монополии внешней торговли, которые не соответствовали основополагающим требованиям ВТО к странам, вступающим в эту организацию. Однако китайская сторона добилась значительных уступок, которые связаны с длительным переходным периодом после вступления КНР в ВТО, в ходе которого Китай сохранил для себя более льготный протекционистский режим для экспорта и импорта товаров и услуг.

Одним из важных аспектов реформирования экономики Китая является необходимость улучшения международного климата для развития внешней торговли. В течение долгого времени КНР могла устанавливать торговые отношения с другими странами только на более жестких условиях, чем условия ВТО, в то время как торговля со странами-членами ВТО составляла около 90% ее торгового оборота. То, что правила ВТО не могли эффективно применяться к торговым отношениям КНР с другими странами, мешало взаимному развитию внешнеэкономических связей при общей тенденции к интеграции с мировой хозяйственной системой. Только по мере улучшения международных условий торговли Китай мог обеспечить себе развитие и создать условия конкурентного выхода на новые сегменты рынка зависящих от мирового рынка отраслей, таких как текстильная промышленность, производство обуви, одежды, игрушек и др., а также других сфер, имеющих мощный экспортный потенциал. Только оказавшись в системе многосторонней торговли ВТО, Китай смог постепенно отрегулировать свою отраслевую структуру и вывести ее в русло развития мирового хозяйства в целом. За несколько лет пребывания в ВТО ему удалось добиться оптимального размещения отраслей, повысить их конкурентоспособность, дать им возможность в больших масштабах и на наиболее высоком уровне участвовать в международном разделении труда и международном обмене, поставить экономику на достойные позиции в мире, сделать страну одной из ведущих экономических держав мира.

В этой связи приоритет участия в ВТО определяется возможностью получения устойчивого многостороннего режима наибольшего благоприятствования, не оговоренного никакими условиями. В течение долгого времени до вступления в ВТО КНР подписывала торговые договоры и соглашения, предоставляющие ей режим наибольшего благоприятствования, лишь на основе двусторонних переговоров. До тех пор, пока Китай не являлся официальным членом ВТО,

он не мог пользоваться механизмом многосторонней торговли для решения проблем двусторонней торговли. Поэтому у него ежегодно возникал целый ряд проблем, например, продлят ли США предоставление ему режима наибольшего благоприятствования или нет, как отразится это на успешном развитии двусторонних торгово-экономических отношений.

Для Китая получение сравнительно устойчивого многостороннего режима наибольшего благоприятствования, не содержащего никаких оговорок, означает создание благоприятных условий для дальнейшего расширения внешней торговли, привлечения иностранных инвестиций и ускорения модернизации экономики. Использование преимуществ такого режима тем более необходимо, что, как показано ранее, определяющей тенденцией развития внешней торговли Китая является экспортная экспансия.

Важную роль для развития экспортной политики КНР играет получение специальных льгот для развивающихся стран согласно ст. 18 раздела 4 Соглашения ВТО и Рамочному соглашению по «программе международных действий в помощь ликвидации разрыва в развитии, предоставлении более льготных режимов, режимов наибольшего благоприятствования и расширения участия развивающихся стран в мирохозяйственных связях». В 1980—1990-е годы Китай во Всемирном банке и МВФ пользовался режимом для развивающихся стран с низкими доходами, к которым Всемирный банк причисляет страны со средним доходом на душу населения ниже 375 долл. Действительно, еще в 1990 г. среднедушевой ВВП в КНР составлял всего 340 долл.⁴ Однако в 2001 г. среднедушевой доход в стране составил уже 908 долл., а в 2004 г. Китай по этому показателю вступил в число стран с душевым доходом свыше 1000 долл.

Правила ВТО позволяют обеспечить защиту китайских интересов как во внешней, так и во внутренней торговле. С восстановлением места Китая в ВТО ему становится легче решать трудноразрешимые вопросы двусторонней торговли, потому что ВТО — международная торговая организация, чьей обязанностью является организация многосторонних торговых переговоров, поиск путей снижения тарифных и нетарифных барьеров, в то же время она выступает ареной решения торговых споров и поиска расширения возможностей торговли.

Экономическая реформа в КНР, направленная на переход к рынку, согласуется с условием применения Соглашения ВТО для стран с переходной рыночной экономикой, поэтому китайская модель реформ ориентирована на приспособление в процессе реформ к

основным требованиям и постулатам ВТО, а ускоряя темп экономической реформы и увязывая китайский экономический механизм с механизмом функционирования мировой экономики, способствует включению страны в процесс интеграции мирового хозяйства. Вступление в ВТО дает поистине благоприятную возможность для ускорения экономической реформы в КНР, создает прекрасные системные условия для окончательного утверждения рыночной экономики социалистической ориентации, что, конечно, потребует определенного времени. Подготовка к вступлению в ВТО обусловила выработку соответствующих мер во внутрихозяйственном механизме, которые обеспечили бы доступный для КНР уровень либерализации внешней торговли, способствовали формированию открытой экономики, интегрированной в мировое хозяйство.

Таможенная политика Китая полностью подчинена централизованной отраслевой политике государства. Основная защищающая роль принадлежит высоким таможенным тарифам, финансовые рычаги в этом случае играют второстепенную роль. Но таможенный тариф так и не стал основным рычагом в числе прочих рычагов управления импортом. Так что отклонение такой системы импорта от требований ВТО достаточно велико. В настоящее время в ВТО единственным законным средством защиты признаются таможенные тарифы и пошлины, а прочие барьеры рассматриваются как разного уровня отступления от основных принципов.

Реформа системы импорта в КНР нацелена на снижение таможенных тарифов на импорт, сокращение количества товарных позиций, подлежащих лицензированию, на отмену некоторых документов внутреннего пользования, регулирующих импорт, увеличение прозрачности управления. В будущем основными средствами регулирования в системе импорта должны стать экономические рычаги, такие, как таможенные тарифы, валютный курс, банковский процент, а как дополнительные средства будут использоваться нетарифные меры юридического характера.

В ходе переговоров о вступлении в ВТО Китай энергично совершенствовал систему квотирования и лицензирования импорта, были упрощены методы и режим управления, опубликованы условия выдачи лицензий, система стала открытой. Лицензии выдавались с учетом реальных возможностей производителя при равном ко всем отношении. Был установлен четкий порядок выдачи импортных лицензий и введен эффективный механизм надзора.

Подводя итог, можно сказать, что анализ экспертами ВТО системы внешней торговли Китая по сути явился анализом экономиче-

ской системы страны в целом, поскольку при рассмотрении разных сторон системы внешней торговли так или иначе затрагивались проблемы всей структуры китайской экономики. Поэтому вступление КНР в ВТО ведет к более активному проведению целого комплекса сопутствующих реформ, которые могли бы обеспечить соответствие любой стороны экономической реформы как требованиям рыночной экономики, так и требованиям применения правил ВТО на всей территории страны.

В результате проводимой экономической реформы в целом и реформы внешнеэкономической деятельности в частности, после вступления в ВТО Китай будет, как и другие мировые державы, извлекать максимум преимуществ из своего членства в ВТО и из двусторонних отношений со странами-партнерами. В своей внешнеэкономической деятельности КНР использует как преференции для развитых стран, так и льготы для развивающихся стран. Это значит, что в двусторонних отношениях с Россией КНР будет использовать протекционистские «политические» меры воздействия, а в случае необходимости — использовать преимущества своего членства в ВТО.

На наш взгляд, все положительные и отрицательные моменты, связанные с вступлением КНР в ВТО, в значительной степени могут иметь большое значение и для России. Однако в настоящее время можно с уверенностью сказать, что для российского бизнеса наиболее трудно будет взять на себя различные обязательства, связанные с открытием российского рынка для иностранных компаний в ряде сфер экономики, контролируемых российскими монополиями, например, таких, как банковские и страховые услуги или автомобильная промышленность. Что касается различных выгод, которые получил Китай после вступления в ВТО, то отнюдь не обязательно, что все эти положительные моменты распространятся на российскую экономику после вступления России в ВТО. В частности, при формировании экономической стратегии, односторонне ориентированной на экспорт энергоносителей и других природных ресурсов, вряд ли удастся обеспечить быстрый рост производства в стране и значительное привлечение иностранных инвестиций без развитой обрабатывающей промышленности с высокой долей добавленной стоимости и недостаточно развитой инфраструктурой (транспорт, связь, гостиничное дело, банковские структуры).

С учетом особенностей российской экономики, связанной с ориентацией на экспорт энергоносителей и других природных ресурсов, есть основания предполагать, что те негативные моменты в развитии экономики, которые в различных прогнозах экспертов пред-

назначались для КНР после вступления в ВТО, могут в полной мере отразиться на российской экономике после вступления России в ВТО. Если в Китае имеется достаточно много отраслей, вполне конкурентоспособных в мировой экономике, таких, как текстильная, кожаная, швейная промышленность или производство электробытовых товаров, то в России на сегодняшний день на мировом уровне конкурентоспособными являются лишь военная, нефтяная и газовая промышленность, а также рыбная и лесная промышленность. Продукция всех остальных отраслей предназначена для внутреннего потребления, и в случае ликвидации нетарифных барьеров и снижения таможенных пошлин после вступления России в ВТО вряд ли большинство российских предприятий смогут устоять в открытой конкурентной борьбе с производителями аналогичной продукции за рубежом из-за более высокой себестоимости российской продукции. К сожалению, Россия не располагает и частью преимуществ, с которыми Китай вступил в ВТО. Реально Россия богата только природными ресурсами — металлы, нефть, газ, рыба, лес, а также обладает хорошей научно-технической базой, сохранившейся с 1980-х годов. Все остальные факторы не снижают, а только увеличивают себестоимость производимой продукции на территории России, что обрекает многие российские отрасли экономики на проигрыш в конкуренции с корпорациями других стран мира и ставит ее в заведомо невыгодное положение после вступления в ВТО.

Перед вступлением КНР в ВТО китайские ученые выделяли 22 основных направления экономического развития и жизни народа, на которые будет оказываться серьезное влияние после вступления Китая в ВТО: 1) автомобильная промышленность; 2) страховое дело; 3) производство сельскохозяйственной продукции; 4) туризм; 5) производство бытовой электротехники; 6) информатика; 7) финансы; 8) рынок занятости; 9) фармацевтическая промышленность; 10) текстильная продукция; 11) машиностроение и металлургия; 12) внешняя торговля; 13) электроэнергетика; 14) интеллектуальная собственность; 15) использование иностранных инвестиций; 16) государственные предприятия; 17) нефтяная и нефтехимическая промышленность; 18) налоговая система; 19) рынок произведений культуры; 20) охрана окружающей среды; 21) торговля услугами; 22) экономика «знаний» (интеллектуальная экономика)⁵.

Анализ этих направлений экономического развития и жизни народа во многих работах как китайских, так и иностранных экспертов, написанных еще до вступления КНР в ВТО, говорилось, что в результате банкротства предприятий может быть высвобождено около

100 млн. человек вдобавок к уже имеющимся 200 млн. человек трудоизбыточного населения в городе и деревне, что еще больше усилит растущую социальную дифференциацию и подорвет социальную стабильность в китайском обществе. Однако в Китае многие уповали на то, что после вступления в ВТО будут ослаблены барьеры на пути свободной миграции рабочей силы, и КНР сможет трудоустроить часть избыточной рабочей силы за рубежом, включая рабочую силу с высшим образованием.

На новом этапе реформы социалистических рыночных отношений после вступления Китая в ВТО реформа внешнеэкономической системы в соответствии с решениями 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.) развивается по трем основным направлениям: 1) более полная реализация политики открытости; 2) активное привлечение иностранных инвестиций; 3) повышение участие в международной кооперации и конкуренции.

Главным направлением работы на новом этапе совершенствования социалистической рыночной экономики выдвинуто совершенствование политики открытости в системе внешнеэкономических связях. В решениях пленума предложено ускорить процесс унификации условий внутренней и внешней торговли в соответствии с требованиями рыночной экономики и принципами ВТО и создать стабильную, прозрачную систему управления внешнеэкономической деятельностью. В этой системе управления внешнеэкономической деятельностью главным элементом должна стать равноправная и прогнозируемая правовая среда, в которой можно обеспечить самостоятельность действий и равное положение предприятий различных форм собственности. В свою очередь на государственные органы возлагалась задача регулирования в соответствии с законом внешнеэкономической деятельности, развития функции обслуживания и контроля внешней торговли.

Другим направлением работы в сфере внешнеэкономических связей является привлечение иностранных инвестиций в китайскую экономику. В решениях пленума говорилось о необходимости использовать процессы глобализации для расширения масштабов использования иностранного капитала и еще больше привлекать прямые иностранные инвестиции. Особое внимание обращалось на привлечение из-за рубежа передовой техники, управленческого опыта и высококвалифицированных кадров, а также на освоение привлеченной техники и ее обновление. Одной из задач внешнеэкономической политики Китая стало повышение доли продукции обрабатывающей промышленности в объеме внешней торговли. С этой целью ре-

комендовалось всеми силами привлекать транснациональные компании для хозяйственной деятельности на территорию КНР, способствовать привлечению в страну различных научно-исследовательских проектов и созданию высокотехнологичных предприятий по производству продукции обрабатывающей промышленности. Это должно в будущем привести к увеличению доли добавленной стоимости в общей стоимости продукции, что выведет на новый уровень торговлю продукцией обрабатывающей промышленности, в первую очередь продукцию машиностроения. В дальнейшем, совершенствуя условия инвестирования и расширяя сферу использования иностранных инвестиций, рекомендовалось ускорить направление привлеченных иностранных капиталов на развитие отдельных районов и отраслей народного хозяйства в соответствии с государственной политикой.

Еще одним направлением работы является стимулирование участия внешнеторговых организации и занимающихся внешнеэкономической деятельностью предприятий в международной кооперации и конкуренции. С этой целью широко пропагандировался опыт компании «Хайэр» (г. Циндао, пров. Шаньдун), которая стала производить настолько качественные электробытовые товары, что они оказались конкурентоспособными во всех странах мира. Более того, эта компания смогла создать филиалы своих предприятий в США. В решениях пленума рекомендовалось поощрять национальные предприятия в полной мере использовать удобный шанс расширения открытости, повысить возможность расширения рынка, технического перевооружения и появления самостоятельных национальных производственных марок. В рамках курса «идти вовне» предлагалось повышать качество экспортной продукции, расширять экспорт высокотехнической и высокотехнологичной продукции, развивать торговлю услугами, всемерно повышать уровень конкурентоспособности экспорта. Для дальнейшей реализации стратегии «выхода вовне» обращалось внимание на совершенствование системы обслуживания иностранных инвестиций, предоставление предприятиям больше самостоятельности в ходе управления внешнеэкономической деятельностью, оздоровление механизма контроля за предприятиями с участием иностранного капитала, стимулирование развития отечественных транснациональных компаний, подобных компаниям «Хайэр» (Haier) и «Хайсинь» (HiSense).

В результате политики открытости, в рамках которой в XXI в. реализуется стратегия «выхода вовне», произошел резкий рост объема внешней торговли — с 20,6 млрд. долл. в 1978 г. до 1760 млрд. долл. в 2006 г. (в 85 раз). За эти годы значительно вырос объем

экспорта и импорта. Китай перешел от экспорта товаров первичной переработки (сырье и материалы) к преимущественному экспорту продукции машиностроения, новых и высоких технологий. Значительную роль в этом сыграли различные факторы, начиная от расширения прав предприятий в сфере внешнеэкономической деятельности на первом этапе реформы и заканчивая вступлением КНР в ВТО. Особенно быстро происходил рост внешнеторгового оборота с экономически развитыми странами — США, Япония, страны ЕС, страны АСЕАН, Республика Корея. Возможности рынков этих стран для импорта китайской продукции и возросшие возможности Китая для импорта иностранной продукции после вступления КНР в ВТО позволили Пекину резко, в разы, нарастить объем внешнеторгового оборота, занять одно из первых мест по объему прямых привлеченных иностранных инвестиций, включиться в процесс глобализации и ввести свои транснациональные компании на мировой рынок. К сожалению, Россия пока остается в стороне от этого процесса и, несмотря на благоприятное географическое положение и большую общую протяженность государственных границ, не может получить ощутимой выгоды от быстрого экономического развития своего соседа. Объем внешнеторговых и инвестиционных связей двух соседних стран, обладающих огромными территориями, богатыми природными ресурсами и крупными предприятиями в различных отраслях народного хозяйства, крайне незначителен.

Источники

- ¹ Жу Ши хоу Чжунвай цзинмао гуаньси синь бяньхуа (Новые изменения в торгово-экономических связях Китая с зарубежными странами после вступления в ВТО) / Гл. ред. Цуй Жимин. Пекин, 2002. С. 69–70.
- ² Чжунго тунци няньцзянь — 2006. С. 740–743; Чжунхуа жэньминь гунхэго 2006 нянь гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань тунци гунбао (Статистическая сводка об экономическом и социальном развитии народного хозяйства КНР в 2006 г., <http://www.stats.gov.cn>).
- ³ Чжунхуа жэньминь гунхэго 2006 нянь гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань тунци гунбао (Статистическая сводка об экономическом и социальном развитии народного хозяйства КНР в 2006 г.), <http://www.stats.gov.cn>.
- ⁴ Рассчитано по: Чжунго тунци няньцзянь — 2000. С. 6, 14, 149.
- ⁵ Подробнее см.: *Мо Тун*. Цзяжу Шимао ивэй шэмо? Инсян Чжунго цзинци юй байсин шэнходы 22-гэ фанмянь. (Что означает для Китая вступление в ВТО? 22 аспекта влияния на экономику Китая и жизнь народа). Пекин, 2001. С. 6–7.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

За годы экономической реформы произошел значительный рост объема внешней торговли КНР, которая имеет все более важное значение для экономического роста страны. Если в 1978 г. доля объема внешней торговли КНР в объеме валового внутреннего продукта составила всего 9,8%, то в 2005 г. — уже 63,8%¹. Иными словами, экономика Китая носит четко ориентированный экспортный характер. В свое время на правительственном уровне была сформулирована задача поддержания доли внешней торговли в ВВП на уровне 30%, что фактически соответствует уровню промышленно развитых стран капиталистического мира. Как показывают данные китайской статистики, этот показатель доли объема внешнеторгового оборота в ВВП был достигнут уже в 1991 г. В дальнейшем происходил стремительный рост доли объема внешней торговли в ВВП, который достиг уже 40% к моменту вступления в ВТО в 2001 г., 63,8% — в 2005 г. и имеет дальнейшую тенденцию к ее увеличению. Такая доля внешней торговли в ВВП свидетельствует о высокой степени открытости экономики КНР, ее участии в мировом хозяйственном обороте на основе международного разделения и кооперирования труда. Согласно прогнозам китайских экспертов, в начале XXI в. сохранится тенденция устойчивого роста ВВП на уровне 7—8% в год при уровне инфляции 5% в год, и перед внешней торговлей поставлена задача наращивания экспорта для обеспечения намеченных показателей экономического роста.

В настоящее время Китай — крупнейший торговый партнер России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который превращается в один из ключевых центров формирующегося нового глобального сообщества. Обе страны решают задачи структурной перестройки своих экономик и в равной степени заинтересованы в активизации традиционных и поиске новых форм взаимодействия и сотрудничества.

Взаимодополняемость национальных хозяйств и географическая близость определяют будущие наиболее перспективные направления экономического диалога двух стран. Для России КНР может иметь важное значение как крупнейший рынок сбыта продукции машиностроения и источник снабжения отечественного рынка широкой номенклатурой товаров народного потребления, продовольствия и стратегически важных сырьевых товаров. Для Китая приоритетным направлением, видимо, останутся закупки энергоносителей, российских удобрений, леса, цветных металлов, химических товаров, вооружения, продукции атомной и космической промышленности. Однако не следует слишком уповать на то, что в Китае может быть реализована продукция российского машиностроения уровня конца 1980-х — середины 1990-х годов. Об этом свидетельствует пример некогда популярной в КНР легковой автомашины «Жигули», к которой в Китае уже потерян коммерческий интерес из-за того, что появилось большое количество СП с участием крупнейших западных и японских автомобильных фирм — «Хонда», «Фольксваген», «Пежо», «Крайслер» и др., производящие продукцию, вполне соответствующую потребностям не только китайского, но и мирового рынка.

Использование потенциальных резервов двустороннего сотрудничества дало возможность к 2000 г. достичь объема товарооборота в 10,67 млрд. долл., в 2002 г. — 12 млрд. долл., а в 2005 г. — 29,1 млрд. долл. (табл. 24).

В 1990-е годы динамика роста товарооборота между Россией и Китаем не отличалась стабильностью. За эти годы дважды происходило заметное снижение общего объема товарооборота — в 1994 г. на 33,9% по сравнению с предыдущим годом в результате введения визового режима для пересечения российско-китайской границы и в 1998 г. на 10,4% как следствие финансового кризиса в России. Однако снижение объемов внешней торговли в 1994 г. объективно способствовало урегулированию торгово-экономических отношений между Россией и Китаем, произошло совершенствование структуры экспорта и импорта, стало больше порядка в деятельности многочисленных российских фирм и компаний, получивших права субъекта внешнеэкономической деятельности, и в работе различных китайских фирм, которые в условиях царившего на российском рынке хаоса и беспорядка просто грабили страну с помощью бартерных сделок, целью которых был экспорт в КНР сырья и материалов (древесина, рыба, химические удобрения, черные и цветные металлы и др.) в обмен на поставки низкокачественного китайского ширпот-

**Динамика и объемы товарооборота СССР и России с КНР
в 1981—2005 гг., млрд. долл.**

Годы	Оборот	Экспорт	Импорт	Сальдо
1981—1985	6,216	3,047	3,169	-0,122
1986—1990	18,922	9,546	9,376	+0,180
1991	3,904	2,081	1,823	+0,258
1992	5,862	3,526	2,336	+1,190
1993	7,679	4,987	2,692	+2,295
1994	5,077	3,496	1,581	+1,915
1995	5,463	3,799	1,664	+2,135
1996	6,845	5,153	1,692	+3,461
1997	6,118	4,086	2,032	+2,054
1998	5,481	3,641	1,840	+1,801
1999	5,720	4,223	1,497	+2,726
2000	8,003	5,770	2,233	+3,537
2001	10,670	7,959	2,711	+5,248
2002	11,928	8,407	3,521	+4,886
2003	15,758	9,728	6,030	+3,698
2004	21,23	12,13	9,1	+3,03
2005	29,10	15,89	13,21	+2,68

Источники: Чжунго тунцзи чайяо – 2005 (Китайский статистический сборник – 2005), Пекин, 2005. С. 161; Цыплаков С., Попов Е. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 4. С. 79–80.

реба (в основном продукция текстильной и обувной промышленности).

Снижение объемов торговли в 1997—1998 гг. было связано как с протекционистскими мерами китайских властей по защите внутреннего рынка, так и с финансовым кризисом в августе 1998 г., который привел к резкому падению импорта из КНР из-за значительного уменьшения емкости российского рынка потребительских товаров и из-за сокращения закупок Китаем российских удобрений, черных металлов, а также машин и оборудования.

С 1999 г. начался стремительный подъем в российско-китайской торговле, связанный с объективными и субъективными причинами. На наш взгляд, главной причиной почти трехкратного увеличения объема российско-китайской торговли с 1999 по 2004 г. стало установление отношений стратегического партнерства и сотруд-

ничества между двумя странами, выразившееся в запуске сложного механизма регулярных встреч на уровне глав правительств и активизации постоянной работы отраслевых подкомиссий и постоянных рабочих групп.

Объем экспортных поставок РФ в 1999—2005 гг. существенно превышал объемы импорта из КНР, суммарное положительное сальдо во внешней торговле России, по данным китайской статистики, за этот период составило 25,4 млрд. долл. В 2004 г. Россия заняла 8-е место в общем объеме товарооборота КНР, а Китай — 4-е место в общем объеме товарооборота России. На встрече на высшем уровне президента РФ В.Путина и председателя КНР Ху Цзиньтао в октябре 2004 г. было принято решение о наращивании объема российско-китайской внешней торговли до 60 млрд. долл. в 2010 г. Однако при всех позитивных тенденциях наращивания объема российско-китайского товарооборота нельзя не отметить, что доля российско-китайского товарооборота в общем объеме внешней торговли КНР постепенно снижается (табл. 25).

Таблица 25

**Доля российско-китайской торговли
в общем объеме внешней торговли КНР**

Годы	Общий объем товарооборота КНР, млрд. долл.	Объем российско-китайской торговли, млрд. долл.	Доля российско-китайской торговли, %
1991	135,7	3,904	2,8
1992	165,5	5,862	3,6
1993	195,7	7,679	3,9
1994	236,6	5,077	2,1
1995	280,9	5,463	1,9
1996	289,9	6,845	2,4
1997	325,2	6,118	1,8
1998	323,9	5,481	1,7
1999	360,6	5,720	1,7
2000	474,3	8,003	1,7
2001	509,7	10,670	2,0
2002	620,8	11,928	1,9
2003	851,0	15,758	1,8
2004	1154,8	21,23	1,8
2005	1421,9	29,1	2,0
2006	1760,7	33,4	1,9

Расчитано по: «Чжунго тунци няньцзянь» за соответствующие годы — с 1992 по 2006 г.

Таким образом, несмотря на значительный рост российско-китайского товарооборота за последние несколько лет после вступления КНР в ВТО в 2001 г., доля российско-китайского товарооборота в объеме внешней торговли КНР снизилась с 2,0 до 1,8% и лишь в 2005 г. вновь возвратилась на уровень 2001 г.

Следует отметить, что данные российской и китайской статистики по объему российско-китайской торговли значительно расходятся. Если, по данным китайской статистики, объем российско-китайской торговли в 2003 г. составил 15,758 млрд. долл., а в 2004 г. — 21,23 млрд. долл., то, по данным российской таможенной статистики внешней торговли, эти показатели оказались намного ниже: 2003 г. — 11,567 млрд. долл., 2004 г. — 14,855 млрд. долл. Как показывает одновременный анализ показателей российской и китайской статистики, основные расхождения в цифрах наблюдаются в показателях импорта продукции из КНР в Россию — 2,7 млрд. долл. в 2003 г., хотя и по экспорту из России в КНР расхождение в показателях составило 1,4 млрд. долл.² Аналогичные расхождения по цифрам российско-китайской внешней торговли сохранились в 2006 г. Если, по российским данным, объем внешней торговли между РФ и КНР составил примерно 28,6 млрд. долл., то по китайским данным — 33,4 млрд. долл. Таким образом, подобное расхождение статистических данных по российско-китайской торговле (примерно на 1/3 по показателям 2004 г.) ставит под сомнение работы по анализу и прогнозированию динамики и структуры российско-китайской торговли на ближайшие годы из-за отсутствия надежной базы статистических данных.

За последние годы происходили существенные изменения в структуре китайского экспорта в Россию. Если в начале и середине 1990-х годов в нем преобладали поставки продукции легкой, текстильной и обувной промышленности (одежда, текстиль, изделия из кожи, обувь, игрушки), то с конца 1990-х годов быстрыми темпами увеличивались поставки продукции машиностроения (машины и оборудование), прежде всего бытовой электротехники.

Вместе с тем пока еще существуют серьезные перекосы в структуре российского экспорта в Китай. В последние годы в российском экспорте преобладают сырье и продукция первичного передела (топливо, нефть, нефтепродукты, древесина, черные металлы, рыба и морепродукты), причем происходит заметный рост поставок этих товаров. Надо признать, что резервы такого типа сотрудничества почти исчерпаны и необходимо изменить структуру российского экспорта за счет развития топливно-энергетических проектов (строи-

тельство нефтепровода Ангарск — Дацин, разработка Ковыктинского газоконденсатного месторождения в Иркутской области и Чаинского газового месторождения в Якутии — Саха, участие российского «Газпрома» в китайском проекте переброски газа по газопроводу «Запад — Восток» из Синьцзяна на восточное побережье Китая в пров. Цзянсу и г.Шанхай), а также за счет участия российских компаний в планах китайского руководства по развитию западных районов, расширению сотрудничества в приграничных районах, более активного вовлечения китайских фирм и компаний в реализацию крупномасштабных проектов развития регионов Дальнего Востока и Сибири, совместного освоения новых и высоких технологий на базе имеющихся академгородков на территории Дальнего Востока и Сибири (Владивосток, Иркутск, Новосибирск), развития производственной кооперации.

Несмотря на то, что доля машин и оборудования была самой крупной в общем объеме российского экспорта в КНР, она постоянно уменьшается. В 1997 г. Россия потеряла возможность получить контракт на поставку оборудования для строящейся ГЭС «Санься» в пров. Хубэй на р. Янцзы. За прошедшие с тех пор несколько лет так и не было подписано ни одного крупного контракта на поставку машин и оборудования, за исключением поставок оборудования для Тяньваньской АЭС и пяти самолетов ТУ-204.

Не вызывает сомнения, что именно в сфере производственной кооперации кроются значительные резервы роста российско-китайского внешнеэкономического сотрудничества. Однако развитие новых форм сотрудничества идет довольно медленными темпами. На поручительскую переработку и сборку — одну из наиболее простых форм производственной кооперации — приходится (включая переработку давальческого сырья) чуть более 10% от общей суммы двустороннего товарооборота. В первую очередь следует поощрять развитие производственного сотрудничества в энергетике, машиностроении, в частности производстве станков и энергетического оборудования и технологий. Очень перспективными выглядят планы совместной разработки и изготовления авиационной техники нового поколения. Как представляется, работа по продвижению на китайский рынок продукции гражданского машиностроения является одной из главных задач российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, решение которой позволит резко увеличить объем внешней торговли между РФ и КНР.

Опыт развития двусторонних торгово-экономических связей в последние годы наглядно показал, что перевод этих связей в новое

качественное состояние, повышение их эффективности настоятельно требуют усиления координирующей роли государственных органов, в том числе через механизм регулярных встреч глав правительств России и Китая, совершенствования платежно-расчетных отношений, создания современной информационной инфраструктуры, качественного повышения уровня транспортного обеспечения, создания действенного механизма урегулирования торговых споров, укрепления договорно-правовой базы. Именно в этих направлениях предполагается вести совместную работу в целях создания надлежащих условий для значительного роста масштаба торгово-экономического сотрудничества.

Важным резервом развития торгово-экономического сотрудничества России с Китаем является сотрудничество в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В мае 2002 г. на встрече министров, отвечающих за развитие экономики и внешнеэкономического сотрудничества, отмечалось, что общий интерес для стран ШОС может представлять сотрудничество в таких сферах, как транспорт, энергетика, экология, телекоммуникации. В случае развития этих многосторонних проектов можно было бы рассчитывать в будущем на дальнейшее увеличение объема внешней торговли между Россией и Китаем. Однако в настоящее время российские возможности наращивания экспорта в КНР ограничены из-за почти полного отсутствия новых, более современных, чем простая торговля, форм сотрудничества, таких, как производственная кооперация, давальческая переработка и сборка, создание совместных предприятий с участием китайского и российского капитала, неурегулированность банковских связей и отсутствие у России банка с активами (уставной фонд и привлеченные средства) свыше 20 млрд. долл. для полноценной хозяйственной деятельности на китайском рынке.

В этих условиях и у Китая возникают немалые проблемы в реализации стратегии выхода на российский рынок. По-прежнему КНР испытывает потребности в товарах традиционного российского экспорта — древесина, калийные удобрения, цветные металлы (медь, никель), а также необходимость в увеличении поставок энергоносителей из России для поддержания высоких темпов развития народного хозяйства. В силу невысокой емкости российского рынка перед Китаем по-прежнему будет стоять проблема наращивания экспорта в Россию. Поэтому дальнейшие пути реализации китайской стратегии выхода на российский рынок в рамках общей стратегии увеличения экспорта видятся для Китая только в максимальном привлечении российских компаний к различным программам развития

китайской экономики, таких, как развитие западных районов, зон высоких технологий, энергетических отраслей. В этом случае сочетание китайских инвестиций с российскими достижениями в области новых и высоких технологий на имеющейся производственно-технической базе в обеих странах может дать импульс дальнейшему развитию российско-китайских торгово-экономических связей в интересах обеих стран.

В настоящее время одним из основных направлений российско-китайских торгово-экономических отношений может стать **сотрудничество в сфере энергоресурсов**. Нефть является одной из важных, но не основной составляющей в решении проблемы энергообеспечения Китая. По данным ГСУ КНР на 2005 г., доля нефти в производстве энергетических мощностей составила 12,6%, каменного угля — 76,4, природного газа — 3,3, гидроэлектроэнергии — 7,7%. Аналогичная ситуация наблюдалась и в структуре потребления энергопотребностей на 2005 г.: нефть — 21,0%, уголь — 68,9, природный газ — 2,9, гидроэлектроэнергия, атомная и ветряная энергии — 7,2%³. До 1995 г. доля нефти в производстве энергии была выше доли потребления, а с 1995 г., наоборот, доля потребления нефти уже превышала долю производства. Это нашло свое конкретное выражение в том, что с 1995 г. Китай стал чистым нетто-импортером сырой нефти, с каждым годом объемы импорта нефти росли быстрыми темпами, и в 2005 г. чистый импорт нефти составил 142,8 млн. т. Таким образом, очевидно, что одним из основных вопросов поддержания необходимого энергобаланса в КНР является нехватка нефти.

Для КНР существует три пути решения нефтяной проблемы. **Первый** — разработка и эксплуатация имеющихся нефтяных месторождений, особенно в западной части страны (провинции Цинхай, Шэньси, Ганьсу и СУАР). По данным ГСУ КНР, только в 2003 г. китайские геологи разведали нефтяные месторождения с общим объемом запасов нефти — 799 млн. т. Этот путь является высокозатратным, так как необходимо осуществить крупные капиталовложения для эксплуатации нефтяных месторождений в западных районах КНР, отдаленных от мест потребления. Для этого требуются вложения не только в добычу и переработку нефти, но и в создание необходимой инфраструктуры — сеть трубопроводов, строительство нефтехранилищ и др. Однако реализация этого проекта в дальнейшем уменьшит зависимость Китая от импорта нефти.

Второй — частичная замена нефти на каменный уголь, природный газ и гидроэлектроэнергию в энергобалансе страны. Этот путь наименее затратный, поскольку Китай располагает огромными за-

пасами угля, природного газа и гидроресурсов. Однако увеличение доли каменного угля ведет к дальнейшему загрязнению окружающей среды, увеличение доли природного газа требует более интенсивного развития западных районов, поскольку там находится большая часть газовых месторождений (в частности, в провинциях Сычуань и Цинхай), рост доли гидроэлектроэнергии будет возможен только после введения в эксплуатацию ГЭС «Санься» на р. Янцзы.

Третий — увеличить импорт нефти из-за рубежа. В настоящее время большая часть нефти по импорту поступает из различных стран мира — Иран, Оман, Ангола, Саудовская Аравия, подписано соглашение с Венесуэлой о поставках 20 млн. т нефти в год. Россия в 2005 г. по объему экспорта нефти в КНР — 8 млн. т вышла на 4-е место, однако возможности России в решении китайской нефтяной проблемы невелики, так как объем экспорта нефти из РФ ограничен пропускной способностью Транссибирской железной дороги и небольшого участка бывшей КВЖД на территории России Карымская — Забайкальск и таможенного терминала на станции Забайкальск.

Россия могла бы оказать помощь Китаю в решении проблемы нефтяной безопасности. Это в значительной степени позволило бы углубить сотрудничество с КНР на основе взаимовыгоды и соразвития в подъеме экономики и социальной сферы Сибири и Дальнего Востока. Имеются два варианта развития сотрудничества России с Китаем в развитии нефтегазовой промышленности Китая.

Первый — это оказание помощи Китаю в разведке и разработке нефтяных и газовых месторождений страны по контрактам, что могло бы трудоустроить большую часть российских геологоразведчиков и обеспечить безбедное существование российским научно-исследовательским институтам нефти и газа.

Второй — решение проблемы импорта нефти из РФ, что позволит обеспечить до 1/3 объема необходимого Китаю импорта нефти. В этом плане большое значение имеет строительство нефтепроводов из РФ в КНР как в восточной части — Ангарск — Дацин, так и в Западной Сибири — Томск — Карамай. Это могло бы, с одной стороны, значительно увеличить объем экспорта российской нефти в КНР по двум направлениям — в Дацин на Северо-Восток КНР и в Карамай на Северо-Запад; с другой стороны, диверсифицировать поставки нефти в двух направлениях — на запад и на восток, что необходимо сделать хотя бы с точки зрения конъюнктуры на мировом рынке нефти.

Однако в последние годы возникали большие проблемы с участием России в реализации различных проектов российско-китайского

сотрудничества в энергетической сфере. Многократно под различными предложениями откладывалось строительство нефтепровода Ангарск — Дацин. Была сорвана сделка о покупке Китайской национальной нефтяной компанией (КННК) акций компании «Славнефть», в результате чего российский бюджет недополучил значительную сумму денег. В конечном счете, появился альтернативный проект «Транснефти», который предусматривает строительство трубопровода Тайшет — Находка по северному маршруту и ответвление от Сковородино на Дацин. В марте 2007 г. в ходе визита председателя КНР Ху Цзиньтао в РФ российской компании «Роснефть» и китайской компании «Синопек» не удалось подписать контракт на поставку 3,5 млн. т нефти в год из России в Китай по железной дороге через погранпереход Наушки на российско-монгольской границе из-за невозможности согласовать ценовой протокол между обеими сторонами в связи с высокими транспортными железнодорожными тарифами на российской территории.

За последние годы Китай и без России пытается решить вопросы энергообеспечения экономики — строительство гидроэлектростанции «Санься» на р. Янцзы, строительство газопровода Запад — Восток из Синьцзяна в Шанхай и строительство нефтепровода Атасу — Алашанькоу из Казахстана в Синьцзян. К этому следует добавить его активные действия по закупке нефти в различных странах Африки — Ангола, Нигерия, Судан и в Латинской Америке — Венесуэла, а также подписание соглашения о поставках природного газа из Туркменистана в Китай с последующей перспективой строительства газопровода через Узбекистан. Все эти проекты в некотором роде являются альтернативой российско-китайским проектам энергетического сотрудничества. Поэтому для реализации своей энергетической стратегии Россия должна идти на восток, создавать энергетическую и транспортную инфраструктуру в азиатской части. Путь у России на азиатский энергетический рынок лежит через Китай и реализацию намеченных программ российско-китайского сотрудничества в энергетической сфере.

Таким образом, в обозримом будущем Китай в области энергетической внешней политики будет работать сразу на двух направлениях: 1) активная работа с Россией по реализации подписанных в марте 2006 г. соглашений в Пекине во время саммита, посвященного открытию Года России в Китае, о сотрудничестве в сфере поставок нефти в КНР по строящемуся нефтепроводу Тайшет—Находка и ответвлению на Дацин от Сковородино; проектов с Газпромом по поставкам природного газа из России в Китай по газопроводам в

Синьцзян из Западной Сибири и в Северо-Восточный Китай из Сахалина; проектов с РАО ЕЭС «Россия» по поставкам электроэнергии с Дальнего Востока в Северо-Восточный Китай; 2) реализация проектов по поставке энергоносителей из других стран мира, в частности, нефти и природного газа из стран Латинской Америки, Африки и Центральной Азии, строительство нефте- и газопроводов, соединяющих Китай с Казахстаном и Туркменистаном, а также дальнейшее строительство ГЭС на р. Янцзы и в перспективе на р. Хуанхэ и ориентация на большие запасы каменного угля на территории КНР.

Отказ России от сотрудничества с Китаем в нефтяной промышленности не принесет ей ощутимых дивидендов. Во-первых, КНР в случае необходимости вполне может для поддержания необходимого объема производства энергетических мощностей для обеспечения среднегодовых темпов роста ВВП 7—8% осуществить частичный переход на альтернативные энергетические источники — каменный уголь, природный газ, гидроэнергоресурсы и вполне может обойтись без какого-либо сотрудничества с другими странами. Во-вторых, Китай может увеличить импорт из других стран мира, в частности из стран Ближнего Востока, таких, как Иран, Оман, Саудовская Аравия, а также из Венесуэлы. Кроме того, он вместе с Казахстаном активно строит нефтепровод из Нового Узеня до СУАР (протяженность 2600 км), что в перспективе позволит КНР импортировать из Казахстана нефть объемом до 8 млн. т в год.

Как представляется, реализация энергетических проектов через партнерство с Китаем позволит России в наиболее полной мере активизировать сотрудничество со странами АТР в целом и СВА в частности для оживления экономики Сибири и Дальнего Востока и поможет этим странам решить проблему нехватки энергоресурсов в XXI в. На следующем этапе возможно строительство нефтепровода от вновь открытых нефтяных месторождений Восточной Сибири на Находку и ответвление на Китай от нефтепровода Тайшет — Находка.

При определении КНР как приоритетного российского партнера в СВА важное значение приобретает **сотрудничество в области транспорта**. В настоящее время состояние российских транспортных магистралей и погранпереходов сдерживает дальнейшее развитие торгово-экономических отношений, которые значительно отстают от торгово-экономических отношений Китая со многими странами АТР. Требуется увеличить пропускную способность транспортных каналов на российско-китайской границе, как минимум, в 2 раза без учета морских перевозок⁵.

Очевидно, что без дальнейшего расширения пропускной способности транспортных магистралей на российско-китайской границе вряд ли удастся значительно увеличить объем торгово-экономических отношений между странами. Наиболее конкретным примером является отсутствие моста через р. Амур в районе Благовещенск — Хэйхэ. Если в начальный период российских реформ (1992—1993 гг.) объемы грузооборота на этом погранпереходе были сопоставимы с объемами на погранпереходах Суйфэньхэ — Гродеково и Забайкальск — Маньчжурия, то в 1999 г. внешнеторговый оборот через КПП г. Хэйхэ уже заметно уступал не только КПП Суйфэньхэ и Маньчжурия на бывшей КВЖД, но и новому КПП Хуньчунь в пров. Цзилинь на границе с Южным Приморьем⁶. В дальнейшем разрыв по объему грузооборота между этими погранпереходами и погранпереходом Благовещенск — Хэйхэ все больше увеличивался по мере роста объема товарооборота между Россией и Китаем. В настоящее время отсутствие моста через р. Амур в районе Благовещенск — Хэйхэ в значительной степени сдерживает не только развитие приграничной межрегиональной торговли на участке между Амурской областью и пров. Хэйлуцзян, но и всей российско-китайской торговли.

Для реализации проекта Транссибирского контейнерного моста «Европа — АТР» строительство моста через р. Амур на участке погранперехода Благовещенск — Хэйхэ приобретает особую актуальность. Для Китая использование Транссибирской магистрали имеет важное значение не только для расширения торговли с европейской частью России и Восточной Сибирью, но и для дальнейшего роста товарооборота со странами Восточной Европы и Финляндией. С китайской стороны имеются железная и автомобильная дороги Харбин — Бэйань — Хэйхэ, связывающие Хэйхэ с КВЖД, и с шоссе Маньчжурия — Харбин — Чанчунь, а с российской стороны — железнодорожная ветка и шоссе Благовещенск — Белогорск, связывающие Благовещенск с Трансибом и строящимся шоссе Чита — Белогорск — Хабаровск. Для России строительство железнодорожно-автомобильного мостового перехода Благовещенск — Хэйхэ через р. Амур (оценочная стоимость проекта — 8970 млн. руб.)⁷ позволит в более полной мере использовать преимущества географического положения России как трансконтинентального моста Европа — Азия.

Основой сотрудничества в области транспорта между Россией и КНР должно быть сотрудничество в сфере **железнодорожного транспорта**, который обеспечивает 65% всего объема грузооборота между Россией и Китаем. Всего действует несколько погранпереходов, из которых крупнейшими являются Забайкальск и Гродеково, а также

открытый в 2000 г. железнодорожный погранпереход Махалино (Камышовая), созданный в связи со строительством новой железной дороги Зарубино — Хуньчунь для развития зоны свободной торговли Туманган на стыке границ России, КНР и КНДР. В этой связи строительство моста через р. Амур в районе Благовещенск — Хэйхэ становится еще более актуальным для развития Транссибирской магистрали.

Реализация проекта ускорения пропускной способности *Транссибирской магистрали* позволит увеличить пропускную способность единственного в России транспортного коридора Европа — Азия. По мнению ученых Сибири и Дальнего Востока, «привлечение иностранных перевозчиков», и прежде всего контейнеров, на Транссиб позволило бы не только «торговать пространством» с ощутимой для себя выгодой, но и снизить тарифы для отечественных грузов, что будет способствовать интеграции российских регионов. Развитие через Транссиб контейнерных перевозок позволит освоить до 30% контейнерного потока в Европу. Срок перевозки контейнера по Транссибу (11—12 суток) почти втрое меньше, чем при транспортировке морским путем. Стоимость доставки контейнера по Транссибу со всеми дополнительными расходами на оформление и таможенный досмотр составляет примерно 890—900 долл., в то время как по более короткому маршруту от порта Ляньюнган в КНР до иранского порта Бендер-Аббас она составляет 1000 долл. При использовании Транссиба по сравнению с доставкой морем экономия на доставке груза составляет 200—300 долл. с каждого контейнера⁸. Для этого следует решить ряд насущных проблем магистрали — установить стабильные сроки транспортировки грузов по маршруту Азия — Европа, определить конкурентоспособные тарифы, предоставить гарантии сохранения грузов и улучшить сервисное обслуживание.

Другой проект — развитие *Байкало-Амурской магистрали* позволит приблизить имеющиеся месторождения полезных ископаемых в Бурятии, Якутии, Читинской и Амурской областях и Хабаровском крае к имеющимся транспортным путям, в частности к выходам на Транссибирскую магистраль, к морским портам — Владивосток, Находка, Совгавань, Ванино и к погранпереходам с КНР, КНДР и Монголией. В этом плане немаловажное значение имеет и возможность продления железной дороги до Якутска (Амуро-Якутская магистраль) от Нерюнгри, куда в свое время специально сделали ответвление от БАМа для того, чтобы приблизить к потребителю месторождение высокосортного каменного угля, добываемого карьерным способом, а потому более низкого по себестоимости. В 1980-е

годы XX в. до начала реформ основным потребителем нерюнгринского каменного угля была Япония, которая заинтересована в дальнейшей разработке этих месторождений. Однако в ходе реформы при реализации выдвинутого в начале 1990-х годов лозунга «берите суверенитета, сколько сможете», Якутия объявила себя собственником месторождений. При отсутствии необходимых инвестиций объем добываемого угля стал неуклонно снижаться, и через какое-то время Япония отказалась от поставок нерюнгринского угля. В результате как угольные шахты, так и железная дорога пришли в упадок, и только инвестиции из центра на развитие зоны БАМа и ее реконструкцию могут вызвать ее экономическое оживление.

Еще одним важным проектом является создание транспортного коридора «Восток — Запад», своего рода контейнерного моста, обслуживающего по мере развития торгово-экономических отношений между США и КНР грузоперевозки между тихоокеанским побережьем США и Северо-Востоком КНР. Суть проекта заключается в использовании российских портов на Дальнем Востоке, из которых груз поступал бы в северо-восточные провинции Китая, не имеющие прямого выхода к морю — Хэйлуцзян и Цзилинь, что может сэкономить время груза в пути на два дня. Кроме того, отправка грузов из дальневосточных портов в США позволяет сэкономить еще два дня плавания, и таким образом время в пути сокращается на четыре дня⁹. Для реализации данного проекта требуется не только расширить и создать новые погранпереходы на границе с КНР, но и повысить пропускную способность железных дорог в Приморье, которая должна по меньшей мере соответствовать пропускной способности работающих не на полную мощность морских портов Владивосток, Зарубино, Находка и Восточный.

С китайской стороны вся сеть железных дорог на Северо-Востоке, связанная с российским Транссибом, завязана на бывшую Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД) — Маньчжурия — Хайлар — Цицикар — Харбин — Муданьцзян — Суйфэньхэ. От нее отходит сеть местных железнодорожных путей, связывающих линию КВЖД с городами пров. Хэйлуцзян у российско-китайской границы — Мохэ, Хэйхэ, Хэган, Тунцзян, Хулинь, Мишань и др., однако все эти железные дороги не имеют выхода на территорию России из-за отсутствия мостов через реки Амур и Уссури. В свою очередь КВЖД связана с разветвленной сетью железных дорог внутри самого Китая по маршруту Харбин — Чанчунь — Шэньян — Циньхуандао — Пекин, а также с портом Далянь и сетью железных дорог внутри КНДР через погранпереход Дандун — Синьичжу в пров. Ляонин и с пла-

нируемой Транскорейской магистралью через Тумэньцзян в пров. Цзилинь. В результате строительства железнодорожного моста через Амур в зоне погранперехода Благовещенск — Хэйхэ появится возможность создать единое железнодорожное транспортное кольцо между российским Дальним Востоком, Северо-Востоком КНР и КНДР с выходом на крупные промышленные центры Южной Кореи.

К сожалению, несмотря на развитие торгово-экономических отношений между РФ и КНР, по-прежнему сохраняется определенный дисбаланс в развитии внешней торговли между двумя странами и российский экспорт в КНР примерно на 2—3 млрд. долл. превышает импорт из КНР. Об этом наглядно свидетельствует железнодорожная статистика, из которой явствует, что экспортные перевозки из России составляют 96% всего объема железнодорожных перевозок, а китайский импорт — только 4%. При этом только в 2002 г. объем перевозок экспортных, импортных и транзитных грузов из России в Китай вырос на 35%, а из Китая в Россию снизился на 26%. В частности, объем экспорта в КНР через погранпереход Суйфэньхэ — Гродеково в 2002 г. составил 5,09 млн. т при общем объеме перевозок 5,29 млн. т ¹⁰. Таким образом, необходимо наряду со развитием транспортной сети обеспечивать и необходимое товарное наполнение импорта из КНР в Россию, чтобы обеспечить сбалансированность внешней торговли между РФ и КНР.

Важное значение в развитии межрегионального сотрудничества в АТР имеет **автомобильный транспорт**. В настоящее время прорабатываются вопросы транзитных перевозок китайских грузов в порты на Дальнем Востоке России. В Китае уже давно готовы к такому развитию событий. В частности, там планируется открыть автомагистрали класса «экспресс-вэй» из Даляня в Хэйхэ, из Маньчжурии в Суйфэньхэ и из Муданьцзяна в Хуньчунь, что напрямую связывает многие города Северо-Востока КНР с российскими погранпереходами Благовещенск, Забайкальск, Гродеково и Краскино. В перспективе эта сеть должна распространиться на российскую территорию — от Забайкальска через Читу до Улан-Удэ, от Гродеково до Владивостока, от Хуньчуня до порта Зарубино на берегу Японского моря и от Благовещенска до Белогорска. В результате реализации этой программы на российско-китайской границе появятся четыре автоперехода мощностью 3—6 млн. т в год каждый, должна быть введена в строй трасса Чита — Белогорск — Хабаровск и реконструирована трасса Хабаровск — Владивосток ¹¹.

Однако пока реализация этой программы развития транспортной сети на Дальнем Востоке и в Забайкалье далека от своего завер-

шения. Строительство и реконструкция автодорог идут медленными темпами, а создание погранпереходов заключается лишь в увеличении таможенных постов на российской стороне, но не в расширении дорог и увеличении дорожных полос. В результате низкая пропускная способность дорог в значительной мере сдерживает не только развитие приграничного межрегионального сотрудничества, но и общую динамику развития торгово-экономических отношений с КНР и другими странами региона.

Как представляется, именно развитие транспортной инфраструктуры, наряду с энергетической позволит регионам российского Дальнего Востока и Сибири стимулировать экономическое развитие, создать новые рабочие места, привлечь новые инвестиции как из европейской части России, так и из-за рубежа, стимулировать приток в приграничные районы Дальнего Востока, Забайкалья и Алтайского края большое число рабочей силы из европейской части России. Строительство моста через р. Амур в районе погранперехода Благовещенск — Хэйхэ будет важным шагом как в решении проблемы расширения межрегионального сотрудничества между Китаем и Россией, так и для ускорения интеграции России и Китая в АТЭС.

Пока еще слабо реализуются проекты в сфере **межбанковского и инвестиционного сотрудничества**. Главной проблемой в настоящее время является поиск источников финансирования дорогостоящих региональных проектов для осуществления интеграции в СВА. По расчетам экспертов ИДВ РАН, для реализации основных инфраструктурных проектов в Сибири и на Дальнем Востоке потребуется ежегодно не менее 7,5 млрд. долл. дополнительных капиталовложений. За счет средств государств-участников и действующих международных финансовых институтов предполагается изыскать около 2,5 млрд. долл. в год¹².

Одним из вариантов привлечения дополнительных инвестиций в развитие инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока является создание специального Банка развития Северо-Восточной Азии (или Банка развития СВА). Идея создания банка возникла еще в 1990 г., и вплоть до настоящего времени проект остается единственным предложением по созданию институциональной структуры, которая могла бы привлекать необходимые средства на развитие инфраструктуры в СВА. Основной задачей банка должно быть привлечение средств на создание инфраструктуры в России, КНР, Монголии и КНДР. Однако и по сей день в СВА отсутствует какая-либо финансовая структура, занятая поиском капиталов для развития энергетического, транспортного и сырьевого потенциала стран СВА.

Банк развития СВА (БРАСВА) должен работать на коммерческой основе и осуществлять инвестирование, кредитование и выдачу гарантий по проектам развития и расширения внутрирегиональной торговли в СВА, включая российское Забайкалье и Дальний Восток. Этот проект получил поддержку на 1-м Байкальском экономическом форуме в Иркутске в сентябре 2000 г. По мнению инициаторов проекта, БРАСВА сможет предложить ряд уникальных услуг, таких, как финансирование частных проектов в СВА, принятие части рисков по проектам, не реализующимся из-за неясных коммерческих перспектив, реализация совместных проектов государственного и частного сектора, финансовое посредничество и организация синдицированных займов с участием банков заинтересованных стран и координация проектов и политики развития СВА¹³.

На наш взгляд, идея создания Банка развития СВА требует дальнейшего изучения с целью более четкого определения места России и других участников в нем. Возможно, в случае создания Банка развития СВА он смог бы привлечь более 15 млрд. долл. на развитие инфраструктурных проектов в СВА, включая Россию. Исходя из реальной ситуации, связанной с Банком развития, наибольшую активность пока проявляют Китай и Республика Корея. Япония занимает выжидательную позицию, не говоря уже об огромном количестве участников из различных стран, которые между собой должны согласовать свои позиции.

Россия практически никак не участвует в этом проекте и не участвует в диалоге трех сторон — Япония, Китай и Республика Корея. С одной стороны, участие России в этом проекте позволит привлечь инвестиции для развития инфраструктурных проектов. Однако, с другой стороны, Россия пока не обладает необходимой банковской инфраструктурой для реализации привлеченных инвестиций через международный банк. Кроме того, степень доверия международной финансовой общественности к российской банковской системе в целом и к частным банкам в частности сильно подорвана после финансового кризиса в России в августе 1998 г.

Следует также иметь в виду опыт российско-китайского межбанковского сотрудничества. В настоящее время в Китае хотя и действуют представительства различных российских банков — Внешэкономбанк, Внешторгбанк и Росбанк, однако ни один из этих банков не имеет права вести хозяйственную деятельность, так как для этого, по китайскому законодательству, требуется наличие банковских активов не менее 20 млрд. долл. Сегодня под это требование среди российских банков подходит только один Сбербанк. В резуль-

тате такого положения почти вся российско-китайская торговля ведется через банки третьих стран, в первую очередь, через банки США и Швейцарии. Из-за слабости и разобщенности банковской системы Россия теряет не только упущенную выгоду но и прямую в своих торгово-экономических отношениях со странами СВА. Чего стоит только проигрыш тендера Ижорским заводом в Санкт-Петербурге на поставку оборудования для проекта строительства плотины на р. Янцзы (проект «Санься»), под который не были даны государственные гарантии, и в России не оказалось банка с необходимыми банковскими активами, который мог бы гарантировать открытие кредитной линии.

В этих условиях является более оправданным создать одну мощную банковскую структуру на Дальнем Востоке или в Забайкалье с банковскими активами не менее 20 млрд. долл., чтобы можно было действовать на китайском рынке в соответствии с финансовым законодательством КНР (наподобие Русского банка в Иркутске, через который проходил проект строительства Транссиба в конце XIX — начале XX в.). Поэтому для работы с иностранными инвесторами на территории Сибири и Дальнего Востока представляется целесообразным создать специализированный региональный Российско-Азиатский Банк в Москве с филиалами в Иркутске, Хабаровске, Владивостоке и Новосибирске, в функции которого будет входить привлечение иностранных инвестиций из стран АТР, кредитование крупных инвестиционных проектов на территории Дальнего Востока и Сибири, а также российских инвестиционных проектов в странах АТР, работа с региональными, отраслевыми и коммерческими банками, предоставление кредитов под крупные торговые сделки на уровне межгосударственных соглашений и совместных региональных проектов, включая проекты по линии приграничной торговли и др.

Три наиболее перспективных вида российско-китайского торгово-экономического сотрудничества — инвестиционное, научное и в сфере трудовых ресурсов по-прежнему недостаточно развиты, что в значительной степени сдерживает дальнейший потенциал развития российско-китайской торговли.

Как отмечается в работе известного китайского ученого по российским проблемам Ли Чуаньсюня (Институт России Хэйлунцзянского университета), уровень российско-китайского инвестиционного сотрудничества крайне невысок. В частности, за 2001—2002 гг. с участием китайского капитала из пров. Хэйлунцзян на российской территории было реализовано всего 11 инвестиционных проектов с общим объемом инвестиций 8,525 млн. долл., из Внутренней Мон-

голии — 9 проектов с объемом инвестиций 2,76 млн. долл., из пров. Цзилинь — 9 проектов с объемом инвестиций 7,349 млн. долл. Большая часть китайских инвестиций направлена в трудоемкие отрасли с низким органическим строением капитала - торговля, сельское хозяйство и лесозаготовки, питание и гостиничное дело, строительство, производство пластмассовой тары, швейная и пищевая промышленность и др.¹⁴

В результате, по данным на 2001—2002 гг., средний объем китайских инвестиций на одно совместное российско-китайское предприятие на территории РФ был крайне невелик — 46,1 тыс. долл. в Приморском крае; 39,5 тыс. долл. в Хабаровском крае; 24,4 тыс. долл. в Еврейской АО; 89,6 тыс. долл. в Сахалинской области. При этом общее количество созданных за 10 лет (с 1992 по 2002 г.) совместных предприятий с участием российского и китайского капитала на приграничных территориях российского Дальнего Востока и Забайкалья было невелико: в Приморском крае — 573 предприятия; в Хабаровском крае — 320; в Еврейской АО — 82; в Амурской области — 100; в Бурятии — 63 предприятия. Аналогичная ситуация наблюдается и на сопредельной китайской территории. Например, в пров. Хэйлунцзян, по данным на июнь 2002 г., было зарегистрировано всего 314 предприятий с участием российского капитала с общим объемом фактически реализованных инвестиций 84 млн. долл.¹⁵

Китайскими учеными определены семь основных препятствий, сдерживающих развитие российско-китайского торгово-экономического сотрудничества. С китайской стороны выделяются две основные проблемы — незнание китайскими предпринимателями российской специфики (законодательство, инвестиционные риски и др.) и плохой инвестиционный климат в Китае, связанный с реализацией проектов в России. С российской стороны выделены пять основных проблем — российское законодательство, ущемляющее интересы иностранного капитала; высокие ставки налогообложения по сравнению с КНР; административные проблемы, обусловленные усилением бюрократизации в центре и на местах; недостаточная защищенность китайского бизнеса в России и социально-психологические моменты, связанные с давлением российской прессы на население в связи с обсуждением «китайской угрозы».

Несмотря на абсолютный рост объема российско-китайской торговли и увеличение этого показателя до 33 млрд. долл. в 2006 г., его доля не возрастает из-за более быстрых темпов роста общего объема внешней торговли КНР за счет опережающих темпов развития торговли с США, Японией и странами Евросоюза. Дальнейшие пути

увеличения объема российско-китайской внешней торговли видятся в создании крупных российско-китайских инфраструктурных проектов на территории российского Дальнего Востока и Сибири с привлечением китайского капитала и на территории Китая с привлечением российского капитала, а также в расширении межрегионального сотрудничества российских областей с китайскими провинциями.

Другим важным резервом развития российско-китайских торгово-экономических связей является расширение **научно-технического сотрудничества**. Пока продажа современной техники и технологий все еще не приносит высоких прибылей России. В РФ имеется более 3000 передовых проектных научно-исследовательских организаций. По различным экспертным оценкам, страна продолжает сохранять лидерство в 10—15 наукоемких областях (телеметрическое и телеинформационное оборудование, современные материалы, системное обеспечение и т.д.). Кроме того, поддерживается высокий мировой уровень производства техники и материалов в следующих отраслях: машиностроение, лесная промышленность, электротехника и электронная техника, информатика и автоматизированные системы, применение нетрадиционных источников энергии, медицинское оборудование, природоохранная техника¹⁶. Однако реализация продукции этих отраслей незначительна. По оценкам китайских экспертов, в частности Ци Вэйхая, сохраняется низкий удельный вес научно-технического сотрудничества в общем объеме российско-китайского сотрудничества, что связывается со снижением доли российской научно-технической продукции на мировом рынке. По оценкам, из общего объема реализованной на мировом рынке научно-технической продукции (2300 млрд. долл.) на долю России приходится лишь 0,3%¹⁷.

Тем не менее, в этих условиях уже созданы различные российско-китайские структуры по сотрудничеству в области науки и техники. На высшем уровне образован «Российско-китайский центр науки и высоких технологий», где китайскую сторону представляет Центр развития высоких технологий «Факел» (в рамках плана «Факел»), а российскую сторону — «Российский дом» и «Международный научный центр» Министерства образования и науки РФ. Аналогичные структуры созданы в различных провинциях КНР — Хэйлунцзян, Шаньдун и городах — Харбин, Уси, Ухань, Шэньян и др.

На российской территории в университетских городах также создаются российско-китайские центры научно-технического сотрудничества. Китайская сторона выделяет инвестиции — примерно 10 млн. ю., российская сторона предоставляет территорию и частично обо-

рудование. В этих центрах предусматриваются научные разработки и внедрение в производство новой высокотехнологичной продукции в таких областях, как новые материалы, геновая инженерия, электроника и др. Однако в настоящее время одной из основных проблем остается финансирование этих центров, которые должны внедрять результаты научных достижений в практику. Если в Китае в ряде городов (Харбин, Уси) уже созданы так называемые «венчурные фонды» (фонды риска) для реализации научных проектов от 60 до 80 млн. ю., то в России такие фонды практически отсутствуют из-за нерациональной системы налогообложения.

Несмотря на эти трудности, за последние 5 лет было подписано не менее 150 соглашений по вопросам развития научно-технического сотрудничества в ряде сфер между различными высшими учебными заведениями и научными центрами РФ и КНР. В целом в Китае считают, что дальнейшее развитие научно-технического сотрудничества между нашими странами будет идти более быстрыми темпами и создаст необходимую основу для дальнейшего развития российско-китайских торгово-экономических отношений.

Не менее сложно обстоит дело с **использованием иностранной рабочей силы для освоения Сибири и Дальнего Востока**. На российском Дальнем Востоке трудовые ресурсы являются остродефицитным ресурсом, их недостаточно для освоения территории и природных ресурсов. На огромной территории Дальнего Востока общей площадью более 6,215 млн. кв. км (36,4% территории России) в начале 2004 г. проживало 6,634 млн. человек (лишь 4,6% общей численности населения) при плотности населения всего 1,1 человек на 1 кв. км¹⁸. Таким образом, как по численности, так и по плотности население российского Дальнего Востока даже с учетом населения Якутии-Саха и других малонаселенных районов Дальнего Востока и Крайнего Севера, входящих в Дальневосточный федеральный округ, намного меньше, чем на сопредельной территории Северо-Восточного Китая. Происходит быстрое старение населения российского Дальнего Востока. По китайским прогнозам, на основе имеющихся статистических данных, занятое население на Дальнем Востоке в 2015 г. сократится на 14% по сравнению с 1998 г., общая численность несовершеннолетних — на 35%, потери рабочей силы из-за старения населения увеличатся на 52%, а дефицит рабочей силы на Дальнем Востоке и Сибири составит свыше 8 млн. человек, что является серьезным препятствием для экономического развития регионов¹⁹. Безусловно, на наш взгляд, данный показатель дефицита рабочей силы на Дальнем Востоке выглядит завы-

шенным, однако реально в настоящее время дефицит рабочей силы на Дальнем Востоке существует. Экономический и энергетический кризисы еще больше обостряют дефицит рабочей силы и ускоряют ее отток с Дальнего Востока, и после его преодоления придется платить большую цену за перемещение рабочей силы на Дальний Восток вновь.

Как отмечается в сборнике «Миграционная ситуация на Дальнем Востоке: история и современность», имеются два основных фактора миграции: 1) большая численность населения, проживающего на приграничной с Россией территории Китая, — свыше 100 млн. человек, в то время как на территории Дальнего Востока проживает примерно 7,0 млн. человек; 2) возрастная структура населения на приграничных территориях КНР, где преобладает население в рабочем возрасте от 15 до 64 лет²⁰. В настоящее время, исходя из демографической ситуации в странах СВА, решить проблему нехватки рабочей силы можно только за счет рабочей силы из КНР и частично из КНДР. В Японии и Республике Корея, а также на Тайване из-за старения населения постепенно наступает дефицит рабочей силы, и они уже становятся конкурентами России на рынке рабочей силы, причем не только неквалифицированной или малоквалифицированной — рабочие по контракту из КНР, но и высококвалифицированной — ученые, инженеры и техники из трудодефицитной России из-за низкого уровня оплаты труда.

К сожалению, из-за отсутствия надежных данных трудно оценить численность китайских иммигрантов в России. Хотя последняя перепись населения России проводилась недавно — в 2002 г., однако имеющиеся материалы о китайской диаспоре в России не позволяют точно оценить ее общую численность. Поэтому все существующие оценки базируются на данных ведомственной статистики пограничников, УВД, таможни, местных администраций и различных социологических опросов, которые заметно расходятся. Пока общая численность жителей КНР, находящихся на территории России, относительно невелика. По данным переписи населения РФ 2002 г., общая численность китайцев на момент проведения переписи составляла 35 тыс. человек. По данным 5-й Всекитайской переписи 2000 г., общая численность находящихся за рубежом граждан КНР составила примерно 744 тыс. человек. С учетом данных о прохождении государственной границы гражданами КНР в обе стороны (не более 750 тыс. человек в год), количестве китайских студентов и аспирантов, находящихся на учебе в России, и общем количестве китайских рабочих по трудовым контрактам, по нашим оцен-

кам, одномоментная численность китайцев в России составляет примерно 200—250 тыс. человек. Как заявил глава ФМС России В.Поставнин, в 2006 г. на 1 млн. официально зарегистрированных гастарбайтеров из КНР приехали 210 тыс. человек²¹. Таким образом, можно предположить, что в начале XXI в. численность китайских мигрантов в России стабилизировалась на уровне 200—250 тыс. человек в год.

Еще в начале XX в. китайская рабочая сила играла важную роль в экономическом развитии российского Дальнего Востока и Сибири. В частности, в 1910 г. на промышленных предприятиях Приморского края и Амурской губернии работало 42 353 китайца, или 41% общего числа рабочих и служащих, а в целом на Дальнем Востоке насчитывалось 150—200 тыс. китайских рабочих²². Большая часть китайской рабочей силы (кули) была занята в таких отраслях, как промышленность и капитальное строительство, а также в частном бизнесе в сфере услуг.

В начале 1990-х годов после открытия границы и до настоящего времени общая численность китайской рабочей силы и близко не доходила до показателя начала XX в., хотя за это время общая численность населения Дальнего Востока заметно выросла. По данным, приводимым в работе Ли Чуаньсюня со ссылками на российские источники, в 2001 г. общая численность китайских рабочих по контрактам в Приморском крае составляла 9639 человек, Хабаровском крае — 1254, Еврейской АО — 550, Амурской области — 312, на Сахалине — 233, в Бурятском АР — 349 человек. Эти цифры корреспондируются с китайскими статистическими данными по провинциям — общая численность направленной в РФ рабочей силы из Хэйлунцзяна составляла 4018 человек в 2001 г. и 3184 человек в 2002 г., из Внутренней Монголии — 2849 человек в 2001 г. и 1580 человек в 2002 г. и из Цзилиня — 2636 человек в 2001 г. и 3817 человек в 2002 г.²³ Большая часть рабочей силы приходит на Дальний Восток России из провинций Северо-Востока Китая, в основном из Хэйлунцзяна — 65% и Цзилиня — примерно 10—25%. Основную часть рабочей силы составляют крестьяне, меньшую часть — рабочие и служащие, освобожденные с предприятий городов и поселков в ходе кампании по сокращению численности персонала на предприятиях государственного и коллективного секторов. Все они большей частью заняты неквалифицированным трудом в строительстве, сельском хозяйстве и лесозаготовках, а также в сфере торговли и услуг.

Однако на российской территории имеется и другая категория китайцев, которая занята в основном мелким бизнесом. По данным

китайского специалиста по России Чжан Цзунхая, с 1988 по 1993 г. с территории КНР на территорию России через 21 погранпереход было совершено более 4 млн. человеко-визитов, большая часть которых состоялась в рамках так называемого «однодневного туризма». Из них в 1988—1993 гг. пров. Хэйлунцзян по контрактам об оказании трудовых услуг направила в Россию 72 836 человек, а также с целью учебы в российских вузах и для мелкой торговли, причем зачастую один и тот же человек одновременно занимался двумя видами деятельности — мелкая торговля и учеба, работа по контракту и мелкая торговля и т.д.²⁴

С 1994 г. после введения визового режима поток рабочей силы из Китая в Россию заметно уменьшился. Был значительно усилен контроль за их пребыванием на российской территории, который не позволял задерживаться сверх срока. В частности, с 1994 по 1996 г. только с территории Приморского края было депортировано в КНР 9976 человек, в 1997 г. — 2610 человек. В конечном счете, Чжан Цзунхай делает вывод, что «с 1994 г. после введения визового режима из-за того, что власти российского Дальнего Востока непрерывно применяют различные меры в отношении иностранцев и регулирования деятельности иностранцев в сфере торговли и услуг, не только стремительно уменьшается общая численность китайцев на территории России, но и стремительно уменьшается число туристов и торговцев, посещающих Россию на несколько дней...»²⁵.

Вместе с тем в Китае считают, что при нынешней демографической ситуации в России в целом и на Дальнем Востоке в частности, характеризующейся снижением общей численности населения и численности трудоспособного населения в рабочем возрасте, Россия не обойдется без дополнительного привлечения рабочей силы извне, в том числе из КНР. Как отмечает ученый из Хэйлунцзянской АОН Инь Цзяньпин, России в соответствии с программой развития Дальнего Востока на 2002—2010 гг. понадобится не менее 920 тыс. человек — для создания новых рабочих мест по плану — 600 тыс. человек, сохранения рабочих мест — 200 тыс. человек, удовлетворения потребностей в рабочей силе на малых предприятиях и на временных работах — 120 тыс. человек²⁶. Безусловно, в настоящее время нехватка рабочей силы является одной из острейших социально-экономических проблем российских регионов, но Россия пока не готова к развитию этого направления сотрудничества в силу ряда как объективных, так и субъективных причин.

Однако в начале XXI в. на рынке рабочей силы КНР произошли заметные изменения, связанные с растущей нехваткой на рынке

рабочей силы в приморских и западных районах страны. В восточных районах страны это было связано с заметным старением населения и низкой рождаемостью, что обусловлено проводившейся с начала 1970-х годов демографической политикой, в основу которой был заложен курс на однодетную семью. В конечном итоге, все это в большей степени затронуло экономически развитые приморские районы и города центрального подчинения, в которых заметно выросла доля пожилых людей — до 12% общей численности населения и начала снижаться численность рабочей силы трудоспособного возраста. Это стало заметно после того, как в конце 1990-х годов в приморские районы начали направлять большой объем как внутренних, так и иностранных инвестиций. В результате стали создаваться новые рабочие вакансии, которые уже не могли быть закрыты только за счет местных жителей, и для работы на предприятиях стала привлекаться рабочая сила не только из ближайших деревень, но и из внутренних провинций. По данным на середину 2004 г., в 12 приморских городах, включая Шанхай и Гуанчжоу, оставались вакантными свыше 480 тыс. рабочих мест, которые предполагается заполнять за счет сельских жителей из центральных районов. В большинстве приморских провинций с высоким уровнем экономического развития количество вакантных рабочих мест, как правило, превышает количество зарегистрированных безработных в местных бюро по трудоустройству, а в западных районах Китая достигнут примерный баланс²⁷.

Хотя в западных районах КНР также наблюдается нехватка рабочей силы, как и в приморских районах, но причины этого иные. До начала реализации программы развития западных районов в 1999 г. уровень их социально-экономического развития был низким, в экономике преобладали предприятия госсектора, количество вакантных рабочих мест было невелико из-за небольшого объема внутренних инвестиций и почти полного отсутствия иностранных инвестиций. Однако после принятия программы развития западных районов ситуация изменилась, поскольку пошли инвестиции на развитие инфраструктуры и строительство крупных объектов, таких, как газопровод Запад — Восток, железная дорога Голмуд — Лхаса, гидроэлектростанция «Санься» и др. Поскольку численность населения западных районов была невелика и до начала реализации демографической политики в 1970-е годы, то в начале XXI в. в ходе реализации программы развития западных районов рабочая сила, особенно квалифицированная, также стала дефицитным ресурсом. В этих условиях стали привлекать рабочую силу как из центральных, так и восточных

районов, заметно подняли уровень зарплаты на предприятиях. Получила распространение практика направления рабочей силы из центральных и восточных районов на определенный срок — от 6 месяцев до 2 лет. Таким образом, в настоящее время для заполнения вакантных рабочих мест в приморских и западных районах единственным источником пополнения рабочей силы остаются центральные районы Китая, в которых по-прежнему количество вакантных рабочих мест меньше, чем зарегистрированных безработных. Не являются исключением и приграничные с Россией регионы — провинции Северо-Востока КНР, Внутренняя Монголия и Синьцзян, где превышение зарегистрированных безработных над количеством вакантных рабочих мест составляет от 10 до 50 тыс. человек²⁸.

Важным инструментом в борьбе регионов за рабочую силу стало повышение заработной платы. В 2004 г. средняя заработная плата рабочих и служащих составила 16 024 ю. в год (или 2003 долл.). Эту зарплату по ее покупательной способности можно вполне сопоставить со средней зарплатой в России с учетом намного более низких цен на продовольственные и промышленные товары, особенно во внутренних районах Китая. По нашим оценкам, по паритету покупательной способности 1 доллар (примерно 8 ю.) в самых дорогих городах Китая — Шанхае и Шэньчжэне — стоит примерно 60 российских рублей, а в западных районах, например, в столице пров. Цинхай — Синине и того больше — примерно 80 руб. Все это с учетом лучшей обеспеченности населения КНР жильем свидетельствует о том, что Китай уже не является бедной страной, а перешел в новую категорию — «общества малого благоденствия» (*сяокан шэжунь*). Особенно это заметно в приморских провинциях, где средняя заработная плата рабочих и служащих в 2005 г. составила 31 940 ю. в Шанхае, 34 191 ю. в Пекине, 23 959 ю. в Гуандуне, 25 896 ю. в Чжэцзяне, 20 957 ю. в Цзянсу. В частности, в 2004 г. среднемесячная зарплата докеров в порту г. Циндао (пров. Шаньдун) составляла 4000—5000 ю. в месяц, зарплата рабочих в городе — 3200—4000 ю. в месяц (400—500 долл.), зарплата бригадиров в порту — от 7000 до 8000 ю. в месяц (800—1000 долл.) Аналогичный уровень зарплаты, а то и выше — среди рабочих крупных промышленных предприятий, таксистов, преподавателей вузов и школ. Анализ миграционных потоков в Китае из пограничных с Россией провинций показывает, что большая часть населения стремится устроиться на работу в приморские районы, например, в провинции Ляонин, Шаньдун, Чжэцзян. Поэтому в обозримом будущем вряд ли следует опасаться массового наплыва китайской рабочей силы в

Россию, так как средний уровень заработной платы в России в целом и на Дальнем Востоке в частности уже вполне сопоставим со средним уровнем по КНР, а по ряду рабочих профессий и среди интеллигенции — уже выше, чем в России. Более того, в перспективе следует опасаться оттока высококвалифицированной рабочей силы из России в Китай — работников науки, образования, здравоохранения, инженерно-технических работников, рабочих высокой квалификации, поскольку потребность Китая в этой категории рабочей силы постоянно повышается, а уровень доходов с учетом стабильных цен на основные потребительские товары в КНР выше, чем в России. Особенно это касается российских специалистов со знанием китайского языка, на которых существует повышенный спрос в системе образования, культуры, науки и здравоохранения в Китае.

Для оценки миграционного потенциала населения КНР, которое могло бы направиться в Россию, следует не только проанализировать основные показатели населения прилегающих к России провинций (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, Автономный район Внутренняя Монголия—АРВМ и Синьцзян-Уйгурский автономный район—СУАР), но и внутренние миграционные потоки между различными провинциями и определить степень миграционной привлекательности этих провинций. По данным Госсовета КНР и ГСУ КНР, для АРВМ такими провинциями являются Ляонин и Хэйлунцзян, для пров. Хэйлунцзян — АРВМ, Цзилинь, Ляонин, Шаньдун, а также находящаяся на Юго-Западе КНР пров. Сычуань, для пров. Цзилинь — Хэйлунцзян, Ляонин и Шаньдун²⁹. Именно между указанными провинциями в 1980—1990-е годы наблюдалась достаточно высокая степень миграционных потоков, что и определяет, помимо специального изучения демографической ситуации в трех приграничных с Россией провинциях КНР, необходимость дополнительных исследований в ряде других провинций — Ляонин, Шаньдун, Сычуань, демографическая ситуация в которых оказывает влияние на положение в приграничных с Россией провинциях.

Основные показатели народонаселения пограничных с Россией провинций в большей степени сходны с показателями приморских провинций, нежели внутренних. Так что значительный прирост в них может быть обеспечен в ближайшие годы только за счет внутренних миграций из соседних провинций. Однако, в соответствии с доступными нам данными китайской статистики за 1990-е годы, основные миграционные потоки внутри страны направлены в ос-

новном в города центрального подчинения: Пекин — 5,93 человека на 1000, Шанхай — 5,18, Тяньцзинь — 4,49, а также в экономически наиболее развитую пров. Гуандун на юге Китая — 4,62, и два автономных района на Северо-Западе Китая: Синьцзян-Уйгурский — 4,89 и Нинся-Хуэйский — 4,96. Показатель миграции по Внутренней Монголии — 2,59 значительно превышает средний показатель по КНР — 1,43, в Цзилине он составляет всего 1,14, а в Хэйлунцзяне наблюдалось отрицательное миграционное сальдо — 0,77 на 1000 человек³⁰. Так что в ближайшие годы в приграничных с Россией провинциях не произойдет быстрого роста населения относительно всего Китая.

На наш взгляд, в нынешней ситуации нехватки рабочей силы на Дальнем Востоке и в Сибири экспорт трудовых услуг из Китая в Россию является взаимовыгодным. Для Китая Россия — один из крупнейших рынков экспорта рабочей силы, а для пров. Хэйлунцзян — единственный рынок. Для российского Дальнего Востока и Восточной Сибири импорт рабочей силы из Китая решает проблему нехватки рабочей силы в сельском хозяйстве (выращивание овощей) и строительстве, сохраняющейся в условиях структурной безработицы в России. В принципе добрососедство, интенсивное экономическое сотрудничество предполагают и требуют интенсивной миграции в приграничных районах обеих стран. Однако пока роста импорта рабочей силы из Китая в Россию ожидать не приходится как из-за застоя в экономике Сибири и Дальнего Востока, так и из-за чрезмерно осторожного отношения властей и многих политиков к использованию китайской рабочей силы.

Тем не менее, в Китае продолжают надеяться, что Россия все-таки станет основным объектом для экспорта китайской рабочей силы. Китайские ученые видят два способа решения проблемы дефицита рабочей силы на Дальнем Востоке: 1) осуществление демографической политики, стимулирующей повышение рождаемости в этом регионе; 2) привлечение рабочей силы из других регионов России и из-за рубежа. Для этого российскому правительству требуется создать в регионе благоприятные условия для работы и повседневной жизни, что потребует взаимных усилий стран СВА. В качестве одной из мер предлагается организовать миграцию рабочей силы из трех северо-восточных провинций КНР — Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин. По данным китайской статистики, ежегодный избыток рабочей силы в этих трех провинциях составляет свыше 10 млн. человек. Считается, что уровень развития сельского хозяйства в этих провинциях до-

статочно высокий, имеется солидная производственная база, поэтому качество рабочей силы довольно высокое. В настоящее время китайская сторона готова ежегодно направлять на Дальний Восток рабочую силу по 200—300 тыс. человек ежегодно в сферу сельского хозяйства для выращивания овощей, организации тепличного хозяйства, производства овощей в зимний период и др. В отдаленной перспективе предлагается направлять агрономов и агротехников для проработки вопросов на уровне правительств трех провинций Северо-Востока КНР и соответствующих ведомств РФ³¹. Направление по плану избыточной рабочей силы в Россию из соседних провинций Северо-Востока Китая сможет не только смягчить напряженность с рабочей силой в них, но и решить проблему дефицита рабочей силы на российском Дальнем Востоке, поскольку он не может быть компенсирован ни за счет внутренней миграции, ни за счет миграции из стран СНГ.

В дальнейшем развитие торгово-экономических связей с Китаем, которое важно для России и особенно для ее азиатской части, приведет к расширению связей и увеличению китайской диаспоры на территории РФ. О «китайской угрозе» имеет смысл говорить только в долгосрочной перспективе при сохранении нынешних тенденций быстрого экономического роста Китая и дальнейшего экономического ослабления России. Тогда сложится большая разность потенциалов относительной плотности населения на сопредельных территориях, что неминуемо приведет к демографической экспансии со стороны Китая в той или иной форме. Однако в случае успешной реализации выдвинутых XVI съездом КПК задач в области социально-экономического развития, что повлечет за собой дальнейшее обеспечение трудоспособного населения рабочими местами, рост его материального благосостояния и заметное повышение его жизненного уровня по сравнению с российским Дальним Востоком, вряд ли следует ожидать интенсивной миграции из Китая на территорию России. На наш взгляд, можно будет только говорить о миграционном притоке китайского населения с низким уровнем образования и квалификации для работы в сферах сельского хозяйства, капитального строительства и торговли. Для решения всех потенциальных проблем, связанных с миграциями из Китая, лучшим средством является создание экономически сильной России и наращивание экономического потенциала на ее восточных территориях — Дальнем Востоке и Сибири.

Источники

- ¹ Рассчитано по: Чжунго тунцзи чжайяо – 2006. С. 20, 169.
- ² Таможенная статистика внешней торговли РФ. М., 2005. Ч. 1–2. Т. 1. С. 8.; Т. 2. С. 686; 2004 Чжунго дуйвай цзинцзи тунцзи няньцзянь (Китайский внешнеэкономический статистический ежегодник – 2004), Пекин, 2005. С. 26.
- ³ Чжунго тунцзи няньцзянь – 2006. С. 261.
- ⁴ Там же. С. 263.
- ⁵ *Александрова М.В.* Китай и Россия: особенности регионального экономического взаимодействия в период реформ, М.: ИДВ РАН, 2003. С. 106.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Вахненко Р.В.* Российско-китайское сотрудничество в сфере железнодорожно-го транспорта / Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: АмГУ, 2003. Т. 6. С. 299.
- ⁸ *Бандман М., Малов В.* Транспортный комплекс азиатской России в решении геополитических проблем страны / Сборник сочинений 2-й Международной конференции по региональному сотрудничеству и развитию между Китаем и Россией. Новосибирск, 2002. С. 247; *Леонтьев Р.Г., Хмель В.А.* Международные транспортные коридоры: трансформации региональной инфраструктуры, М.: ВИНТИ РАН, 2003. С. 69.
- ⁹ Юаньдун цзинмао даобао. 04.07.1998.
- ¹⁰ Гудок. 16.09.2003; *Леонтьев Р.Г., Хмель В.А.* Международные транспортные коридоры... С. 284.
- ¹¹ *Александрова М.В.* Китай и Россия... С. 102.
- ¹² *Титаренко М.Л.* Елосы-Чжунго: Цзинцзи хэцзоды синь цзиюй цзици жунжу Дунбэйя хэ Чжунъя итихуады гочэн (Россия-Китай: новые шансы экономического сотрудничества и процесс интеграции капитала в Северо-Восточной и Центральной Азии) / “Гоцзя чжэнцэ юй цюйюй цзинцзи фачжань” Гоцзи яньтаохуэй: Луньвэньцзи (Сборник материалов международной конференции “Государственная политика и развитие региональной экономики”). Урумчи, 2002. С. 174.
- ¹³ Подробнее см.: Глобализация экономики Китая / Ред. В.В.Михеев. М.: ПИМ, 2003. С. 241–243.
- ¹⁴ Сборник статей: ЧжунЭ гуаньсиды лиши юй сяньши (История и современное состояние российско-китайских отношений) / Гл. ред. Луань Цзинхэ. Чжэнчжоу: Изд-во Хэнаньского ун-та, 2004. С. 781.
- ¹⁵ Там же. С. 782.
- ¹⁶ Хуаньцю шибао. 07.05.2004.
- ¹⁷ ЧжунЭ гуаньсиды лиши юй сяньши... С. 804.
- ¹⁸ Население России, 2003–2004 / Отв. ред. А.Г.Вишневский. М.: Наука, 2006. С. 13.
- ¹⁹ *Цзин Юэцзюнь.* Дунбэйя цюйюй лаодунли цзыюань цзици гунсян моши яньцзю (Исследование трудовых ресурсов региона Северо-Восточной Азии и модели их использования) / Материалы 9-й международной конферен-

- ции «Мир и развитие в СВА». Чанчунь, 2000. С. 120–121.
- ²⁰ Подробнее см.: Миграционная ситуация на Дальнем Востоке: история и современность. М.: ИСПИ РАН, 1999. С. 72–73.
- ²¹ <http://www.lenta.ru/news/2007/06/05/chinese/>
- ²² ЧжунЭ гуаньсиды лиши юй сяньши... С. 818.
- ²³ Там же. С. 781–783.
- ²⁴ Там же. С. 586–588.
- ²⁵ Там же. С. 593–594.
- ²⁶ Там же. С. 824.
- ²⁷ Чжунго тунци няньцзянь – 2005. Пекин, 2005. С. 157, 176, 178.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Подробнее см.: Kam Wing Chan, Yang Yunyan. Internal Migration in Post-Mao China: A Dualistic Approach / 23rd IUSSP General Population Conference. Symposium on Demography of China. China Population Association. Beijing, 1997. P. 179–197.
- ³⁰ Population and Socioeconomic Data of China by Province / Ed. by Yin Hua and Lin Xiaohong. CPIRC/UNFPA // Data User Service Series. № 7. P. 8–9.
- ³¹ *Цзин Юэцзюнь*. Дунбэйя цюйюй лаодунли цзыюань цзици гунсян моши яньцзю (Исследование трудовых ресурсов региона Северо-Восточной Азии и модели их использования) / Материалы 9-й Международной конференции «Мир и развитие в СВА». Чанчунь, 2000. С. 122.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОРМ И МЕТОДОВ РЕАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ МОДЕЛЕЙ РЕФОРМ

Прошло уже более 20 лет с начала экономических реформ в Китае и свыше 15 лет — в России, пришла пора подвести первые итоги. Надо сказать, что сравнение результатов реформ в РФ и в КНР явно не в пользу российской модели. Как отмечалось на XVI съезде КПК (октябрь 2002 г.) в отчетном докладе Цзян Цзэминя, «к концу XX в. Китай увеличил производство валового национального продукта в 4 раза», «преододел неблагоприятное влияние азиатского финансового кризиса и колебаний мировой экономики», «жизненный уровень населения страны в целом уже достиг **«малого благоденствия»** (*сяокан шэхуэй*), что выражается в росте доходов населения города и деревни, богатом предложении товаров, повышении качества жизни»¹. Можно по-разному относиться к реформам в Китае, но очевидна одна вещь — в результате реформы экономической системы страна добилась огромных успехов в развитии народного хозяйства. В 1990 г. объем ВВП КНР составлял 60% от ВВП России, через 15 лет это соотношение приняло обратный характер, и российский ВВП составляет 60% китайского. В 2000 г. валовой внутренний продукт КНР составил 293% по сравнению с 1989 г., в то время как в России этот показатель равен 57,3%, в Чехии — 94,7, в Украине — 44,3, в Польше — 117,8%².

Ядром «китайского чуда», как, впрочем, и экономических успехов «четырёх азиатских драконов» — Гонконга, Тайваня, Сингапура и Республики Корея — стал прежде всего отказ от стратегии догоняющего развития, связанной с приоритетным развитием тяжелой промышленности для достижения высоких темпов экономического роста, чтобы догнать и обогнать развитые страны мира — США и страны Западной Европы. Вместо стратегии догоняющего развития Китай, по примеру «четырёх азиатских драконов», перешел к стра-

тегии сравнительных преимуществ. Практика экономического строительства не только в социалистических странах, но и в ряде развивающихся стран, таких, как Индия, Бразилия, Аргентина, Филиппины и др., показала, что при проведении в жизнь стратегии догоняющего развития экономика не может выйти на стабильные и высокие темпы роста из-за того, что производство не может выйти на границу предельных производственных возможностей. В то же время опыт Японии и четырех «азиатских драконов» свидетельствует о том, что стратегия сравнительных преимуществ позволяет развивающимся странам выйти на границу предельных производственных возможностей и способствует быстрым темпам экономического роста, заметному повышению жизненного уровня населения в этих странах.

Как показывает китайский опыт, для успешной реализации стратегии сравнительных преимуществ необходимо соблюдать три основных правила: 1) постоянно добиваться роста экономических показателей путем совершенствования системы стимулов как для экономических субъектов, так и для отдельных работников, включая управленческий персонал; 2) постоянно участвовать в перераспределении вновь созданных ресурсов через «двухколейную» систему цен (фиксированные и свободные цены), что обеспечивает максимум выгоды и минимум издержек при проведении реформ; 3) продвигать экономические реформы с помощью экспериментов на уровне отдельных предприятий, отраслей и регионов, что позволяет своевременно оценить все плюсы и минусы затеянного эксперимента, внести в него необходимые коррективы и, если необходимо, отказаться от него.

Еще одним важным уроком китайской реформы является необходимость постепенного, а не мгновенного перехода к рыночной экономике. Вначале проводятся реформы на предприятиях, в отраслях и регионах, т.е. реформы в системе управления хозяйственных единиц на микроуровне, а затем под воздействием этих изменений осуществляется реформа макроэкономических условий или макроэкономической среды. Это позволяет обеспечить стабильный и постоянный рост экономических показателей, повышение жизненного уровня основной массы населения и заинтересованность большинства социальных слоев и групп в реформах и переходе к рынку. В противном случае большая часть населения не будет заинтересована в реформах, и процесс перехода к рынку замедлится на неопределенное время³.

Некоторые китайские ученые-экономисты (в частности Чжан Цзяньцин, Хуа Мин) разделяют точку зрения известного польско-

го ученого Г.Колодко о том, что при анализе процессов перехода от плановой к рыночной экономике надо различать два термина — «реформа» и «переход». Термин «переход» надо использовать в тех случаях, когда происходит коренная трансформация всего общественного строя и всей экономической структуры, включая изменения в политике, структуре общественных и государственных институтов, образе жизни и поведении населения. В свою очередь, термин «реформа» может быть использован в тех случаях, когда происходят изменения в экономике, направленные на переход от плановой к рыночной модели, но политическая модель остается неизменной⁴. Исходя из такого подхода к моделям перехода от плана к рынку, можно сказать, что в России, подавляющем большинстве стран СНГ и странах Восточной Европы происходит переход, а в КНР, Вьетнаме, Беларуси и некоторых других странах — реформы.

Как отмечает известный венгерский экономист Я.Корнаи в своей книге «По пути свободы», посвященной 10-летию начала экономического перехода, использовались две стратегии реформ. Одна из стратегий направлена на проведение приватизации и быструю реструктуризацию сильных государственных отраслей. Такой подход к проведению реформы характерен для работ Дж. Сакса, который считает, что реформа должна проводиться не постепенно, а в режиме «шоковой терапии». Он всячески отрицает достижения китайского опыта и считает, что «оценка реформ неоправданно завышена и долгосрочные результаты могут оказаться хуже краткосрочных результатов». Другая стратегия реформ, по Я.Корнаи, связана не с либерализацией цен и быстрой приватизацией, а с созданием благоприятных условий для развития негосударственных форм собственности, усиления частного сектора за счет устранения различных институциональных барьеров. Как мы видим, многие страны Восточной Европы, Россия и большинство стран СНГ пошли по пути «шоковой терапии», в то время как Китай пошел по второму пути.

Как показывают итоги проводимых реформ в различных странах бывшего СНГ и Восточной Европы с экономической командно-административного типа, результаты реформы отнюдь не определяются темпами ее проведения, а скорее даже наоборот. Если в этом плане рассматривать результаты реформ в разных странах, то КНР и Вьетнам можно отнести к странам, которые добились наибольших успехов в этом направлении, а Россия их почти не имеет. Все прочие страны — Польша, Чехия, Болгария, Румыния, а также многие страны СНГ, если их рассматривать по таким критериям экономической реформы, как повышение уровня производительных сил стра-

ны, рост эффективности общественного производства, повышение жизненного уровня населения, включение страны в систему международных экономических связей, привлечение иностранных инвестиций и прочим экономическим критериям, заметно уступают Китаю.

Россия, наоборот, пошла по пути радикальной реформы. За один год в стране были проведены либерализация цен, приватизация и создание негосударственных секторов экономики. Однако в результате проведения монетаристской модели перехода к рынку в России не только не удалось обеспечить устойчивый экономический рост, но и началось стремительное L-образное падение производства, которое продолжалось более 10 лет. Лишь в начале XXI в. начался некоторый подъем, который определяется развитием топливно-сырьевых отраслей и в значительной степени связан с ростом мировых цен на энергоносители. Безусловно, следует согласиться с оценкой академика А.Д.Некипелова, что *в результате российских реформ сформировалась «квазирыночная мутантная экономика»*, в которой существует огромный перепад в рентабельности по отраслям, полностью отсутствует система управления государственными активами, действуют нерациональные отношения между менеджментом и собственниками, и между менеджментом, собственниками и наемной рабочей силой⁵. Кроме того, по-прежнему сохраняется отношение к социальной сфере как к вторичному фактору, в результате чего смертность превышает рождаемость. По оценкам демографов, в 2050 г. общая численность населения России может составить менее 100 млн. человек, и в стране будет катастрофическая нехватка рабочей силы. При этом в настоящее время снижается уровень образования населения, уровень квалификации рабочей силы, происходит отток наиболее квалифицированных кадров за рубеж, деформация структуры занятости в пользу неквалифицированного и малоквалифицированного труда, но с более высокими доходами.

На наш взгляд, *такие негативные явления можно объяснить именно наличием «квазирынка», возникшего в результате сверхбыстрых реформ по методу «шоковой терапии» — либерализации цен и приватизации большей части государственного имущества всего за год с небольшим*. При этом большая часть населения за это время потеряла свои сбережения, не смогла принять участия в приватизации, а ее доходы оказались намного ниже, чем были до 1990-х годов. *Сложившийся к началу XXI в. «квазирынок» характеризуется наличием потребительского рынка и рынка средств производства, где цены в значительной степени формируются под влия-*

янием рыночной среды, и практическим отсутствием рынка факторов производства — рынка рабочей силы, природных ресурсов (включая землю) и капитала, где цены в основном формируются монополично. В результате избыток капитала идет либо в прибыльные сферы деятельности, где все распределено между различными монополиями на центральном и местном уровнях, либо уходит за рубеж (примерно 20—25 млрд. долл. ежегодно), поскольку он не может быть востребован на территории России из-за убыточности большинства обрабатывающих и наукоемких отраслей. Хотя в 2006 г. Россия получила большой объем прямых иностранных инвестиций — 31 млрд. долл., но, как и прежде, они были направлены в основном в нефтяную и газовую отрасли. Рост инвестиций в других отраслях экономики оказался незначительным⁶.

Подводя итоги китайской реформы экономической системы за 20 лет с лишним, надо сказать, что как по конкретным экономическим достижениям, так и с точки зрения жизнеспособности выработанной экономической модели развития общества Китай намного опережает Россию. За прошедшие годы дороги наших стран в сфере проведения реформ сильно разошлись, особенно после объявленной в России в 1992 г. либерализации цен до начала приватизации и создания необщественных секторов экономики. Беда в том, что когда Китай в конце 1970-х годов начинал свою реформу, в СССР это рассматривалось как ревизионизм, считалось, что он идет слишком быстро по пути в рынок. С 1991 г., наоборот, в России считали, что Китай движется слишком медленно, и надо применять более радикальные меры для вхождения в рынок и интегрирования в мировую экономику. Таким образом, получилось, что Россия по политическим и конъюнктурным соображениям практически полностью проигнорировала китайский опыт. Из него вполне можно было бы перенять основные принципы реформы: сохранение созданного ранее производственного потенциала, последовательность мероприятий реформ (сначала деревня, затем город), постепенность (плавное вхождение в рынок при одновременном формировании негосударственных форм собственности помимо государственных, т.е. не *вместо, а вместе*). Представляется разумным общий подход руководства КНР к проведению реформы, обеспечивающий постепенный переход к рыночной экономике без «шоковой терапии» и постоянное повышение жизненного уровня населения⁷.

На наш взгляд, главной отличительной чертой китайского опыта, отличающегося от российского, является серьезная теоретическая проработка общих проблем экономической реформы с учетом

зарубежного опыта. На первой стадии реформы проводились локальные эксперименты, результаты которых анализировались и обобщались, и после этого принимались необходимые решения. Все мероприятия проводились постепенно, шаг за шагом, чтобы в случае неудачи (а они в китайской реформе тоже имели место) можно было отойти на прежние рубежи и начать как бы сначала. К таким мерам, в частности, относится политика урегулирования 1979—1981 гг., когда ставилась цель создать основу для проведения реформы — сформировать слой самостоятельных товаропроизводителей, независимых субъектов рынка в различных отраслях экономики, и прежде всего в сельском хозяйстве, обеспечить дополнительные инвестиции в экономику помимо госбюджета и повысить жизненный уровень большей части населения для увеличения спроса и заинтересованности в дальнейшем проведении реформ.

Либерализация цен в начале 1992 г., ваучеризация и приватизация большей части российских предприятий при наличии отраслевых монополий в производстве значительной доли российских товаров и услуг, прежде всего топливно-энергетических ресурсов, услуг транспорта и связи, а также ряда потребительских товаров привели к гигантскому росту инфляции, неплатежам из государственного бюджета и предприятий, огромной социальной дифференциации, росту экономических преступлений, созданию большого количества фиктивных фирм, целью которых явилось накопление финансовых средств с последующим вывозом за рубеж. В результате жизненный уровень населения заметно снизился по сравнению с периодом до реформы, что подорвало доверие как к реформаторам, так и к реформе, отвечающей потребностям времени.

Как в Китае, так и в России осуществляется переход от плановой к рыночной экономике. Однако если в КНР этот переход занимает много времени и рассчитан до 2050 г., то в России предполагалось все мероприятия реформы провести быстро в течение нескольких лет. При проведении «шоковой терапии» вовсе не учитывались ее последствия, предполагалось, что уже через год-другой в страну пойдут инвестиции, она быстро восстановит свои дореформенные экономические показатели и начнет догонять развитые капиталистические страны с рыночной экономикой. На момент начала реформ у российского населения и предприятий был накоплен большой объем сбережений, который мог бы послужить отправной точкой для создания большого количества мелких и средних предприятий всех форм собственности, наращивания производственного потенциала, обеспечить необходимый прирост дополнительных ре-

сурсов, в том числе и инвестиционных. Однако образовавшийся к началу 1990-х годов своего рода «денежный навес» в экономике был сожжен в топке радикальных реформ в результате проведенной «шоковой терапии» — либерализации цен и приватизации государственной собственности.

Через 25 лет после начала реформ РФ находится в начале перехода к рыночной экономике. Для того чтобы оценить тот путь, который ей надо пройти к рыночной экономике, представляется целесообразным сравнить основные направления экономической реформы в России и в Китае.

1. Реформа системы собственности. В Китае была полностью пересмотрена теория, согласно которой при социализме имела право на существование только одна форма собственности — общественная в ее двух видах — государственной (общенародной) и кооперативной (коллективной). Согласно китайской теории реформы собственности, при социализме может существовать многообразие форм собственности при признании общественной собственности как основной. При этом были разделены понятия «собственность» и «формы реализации собственности», что позволило начать проведение реформы на государственных предприятиях, связанной с внедрением акционерной системы управления и созданием системы корпораций.

В Китае важнейшим фактором реформы стало постепенное создание многоукладной экономики и конкуренции на товарном рынке. На первом этапе в ходе внедрения семейного подряда были созданы источники накопления в деревне, произошло развитие негосударственного сектора экономики в городах. Это позволило к середине 1980-х годов заложить основы для создания многоукладной экономики и формирования рынка средств производства, а также связанного с ним рынка недвижимости и ценных бумаг. В КНР этот рынок формировался не за счет приватизации и ваучеризации, а на базе развития необщественных секторов экономики и сложился лишь к концу 1980-х годов. Позднее, в 1990-е годы в КНР стало проводиться акционирование государственных предприятий как одна из форм реализации собственности. При этом контрольный пакет создаваемого акционерного общества, как правило, оставался в руках государства. Процесс акционирования происходил на основе формировавшегося в течение многих лет экономического законодательства при жестком контроле со стороны государства.

В России была сделана попытка сразу заменить государственную собственность на различные формы частной собственности че-

рез программу приватизации и систему залоговых аукционов. Однако основным пороком российской системы приватизации явилось то, что ранее существовавшего государственного монополиста стал заменять монополист частный, а кое-где еще и иностранный. При этом основная масса населения не имела никакого отношения к этой собственности, во всяком случае — доходов от нее не имела, а зарплату получала нерегулярно. Полученные в 1992 г. населением ваучеры (приватизационные чеки) не давали права на управление предприятием и распоряжение собственностью, которое, естественно, осуществлялось управляющими (директорами и чиновниками). Фактически, в России не пошли по пути создания многоукладной экономики, по пути конкуренции различных форм собственности, а пошли по пути дележа государственного имущества и замены государственной формы собственности различными формами частной при сохранении монополии в различных отраслях, особенно в экспортных. Иными словами, если в России вся реформа собственности свелась к замене общественной формы собственности *на условную частную собственность посредством приватизации предприятий государственного сектора*, то Китай пошел по пути развития различных необщественных форм собственности и изменения характера общественной собственности посредством изменения ее формы реализации. Таким образом, качественным отличием китайского опыта от российского явилась длительность самого процесса создания многоукладной экономики, использование новых форм реализации общественных по своему характеру форм собственности и создание конкуренции между предприятиями различных форм собственности при государственном контроле.

2. Реформы в деревне. В ходе реформы в китайской деревне произошло упорядочение экономических отношений, было внедрено хозяйствование, основанное на коллективной собственности на землю и семейном подряде, разделено право собственности и право пользования на землю, в результате чего крестьянин получил полную хозяйственную самостоятельность. В результате реформы китайский крестьянин не стал собственником земли, зато стал собственником произведенного на земле продукта, что заметно стимулировало его деятельность.

На наш взгляд, именно этот подход мог бы быть реализован в **России**. Т.е. земля передается в пользование на много лет, но не продается в собственность. Однако конкретный китайский опыт семейного подряда, на наш взгляд, мало пригоден для России, поскольку в России больше пахотной земли на душу населения и более

высокий уровень механизации, чем в КНР. Фермерство в РФ тоже не получило своего развития, но не из-за отсутствия частной собственности на землю, а из-за отсутствия достаточных накоплений у селян, высоких банковских процентов по кредиту, высоких цен на продукцию промышленности и сельхозтехнику, а также всевластия местных руководителей. Как показал опыт реформ в российской деревне, ставка на частную собственность на землю себя не оправдала. Как оказалось, российский крестьянин не может себя прокормить на своей земле из-за высокой себестоимости и низких отпускных цен на сельскохозяйственную продукцию, связанных как с объективными факторами — природными условиями, так и с субъективными — производственными отношениями между городом и деревней.

В Китае пришли к выводу: так как земля принадлежит государству, то и доходы от роста ее стоимости должны принадлежать государству. Но при этом за крестьянами должно оставаться право самим определять формы землепользования⁸. В результате в ходе реформы в китайской деревне было уничтожено директивное планирование в сельском хозяйстве, реализована система контрактных закупок, в ходе которой была разрушена система фиксированных государственных цен на сельскохозяйственную продукцию. При этом была образована система государственного контроля над рынком сельскохозяйственной продукции, а для поддержания закупочных цен на отдельные виды сельхозпродукции (зерно и хлопок) создана система резервных и страховых фондов, с помощью которых государство могло регулировать оптовые и розничные цены на них.

Важным направлением реформы стало создание волостно-поселковых предприятий в сельской местности. Развитие этих предприятий в 1980—1990-е годы, с одной стороны, позволило резко увеличить производство товаров народного потребления и продукции, обслуживающей сферу сельского хозяйства, с другой стороны позволило трудоустроить большую массу трудоизбыточного населения деревни. Это также привело к повсеместному развитию малых городов и поселков в Китае, что в значительной мере сдерживает бесконтрольную миграцию сельского населения в города, испытывающие все проблемы, связанные с перенаселенностью — загрязнение окружающей среды, нехватка жилья, транспорта, плохая система коммуникаций и др. Такой путь развития китайской деревни способствует продвижению КНР по пути урбанизации, резко отличающейся от урбанизации в большинстве развивающихся стран, где трудоизбыточное население деревни стремится перебраться в городские мегаполисы, чтобы там найти себе работу.

В ряде районов Китая в деревне на основе семейного подряда стала заметно проявляться тенденция отраслевой специализации сельских районов. В ходе этого процесса постепенно происходит интеграция во всех звеньях производственного процесса — производство, обработка, сбыт, что привело к созданию новых форм хозяйствования на селе, которые подняли эффективность сельского хозяйства в целом и степень его маркетинга.

Китайский опыт развития реформы в деревне представляет интерес и для России, где в сельских районах слабо развиты предприятия по переработке и хранению сельскохозяйственной продукции, не налажена производственная и бытовая инфраструктура. Развитие малых предприятий в деревне позволило бы трудоустроить избыточную рабочую силу и дать новую жизнь малым городам и поселкам средней полосы России, а также на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке за счет миграции освобожденной рабочей силы с закрывающихся городских предприятий капитального строительства и обрабатывающей промышленности, а также беженцев из других стран СНГ.

Китайский опыт реформы в деревне показал, что главным моментом реформы является сохранение множественности форм собственности в деревне при сохранении коллективной собственности на землю. Начиная от госхозов и кончая единоличными хозяйствами, все находят свою социально-экономическую “нишу” в новых рыночных условиях. При этом чрезвычайно важным фактором является развитие предприятий несельскохозяйственной сферы на селе, что позволяет не только обеспечить интеграцию всего аграрно-промышленного комплекса в Китае, обеспечить население основными потребительскими товарами, а крупные и средние промышленные предприятия различных форм собственности необходимым сырьем, материалами и деталями, но и позволяет трудоустроить избыточную рабочую силу на селе и оживить малые города и поселки, развивающиеся на базе обслуживающих сельские районы предприятий промышленности, торговли, услуг и т.д.

3. Реформа системы управления предприятий. Основой реформы в Китае стало превращение предприятий в юридических лиц со своими банковскими счетами, которые постепенно становились субъектами рыночной конкуренции. Реформа системы управления на предприятиях началась в конце 1970-х годов, когда они получили право распоряжаться прибылью. Затем в начале 1980-х годов по всему Китаю прошли эксперименты по замене отчислений от прибыли налогом (*ли гай шуй*) и переходу ряда предприятий на подрядную систему. В дальнейшем в 1980—1990-е годы в ходе поиска новой

системы управления предприятиями происходил переход от государственной собственности и управления предприятием через вышестоящее ведомство к отделению права собственности от права хозяйствования на предприятии и управлению предприятием как отдельным товаропроизводителем — субъектом рынка.

На практике эти мероприятия по реформе системы управления предприятиями выглядели как переход от системы ответственности директоров и заводского управления к внутреннему регулированию через корпоративное управление предприятиями посредством создания компаний и расширения горизонтальных связей между предприятиями. В дальнейшем происходил процесс разделения функций административных органов — министерств, ведомств, местных властей и предприятий и создание более гибкого хозяйственного механизма, призванного оживить деятельность государственных предприятий, которые должны стать полноправными субъектами хозяйствования и участниками конкуренции на рынке.

В настоящее время в Китае уже используются такие чисто рыночные формы управления предприятиями, как их слияние, объединение, аренда, подряд, акционирование, продажа, объявляется банкротство предприятий, происходит перелив капитала из убыточных предприятий в прибыльные. Немало государственных предприятий начали осуществлять переход от управления отдельными предприятиями к корпоративной системе управления через создание компаний, от управления товарными потоками к управлению финансовыми потоками, от управления предприятием единственным инвестором к управлению группой инвесторов. Поиск наиболее оптимальной системы управления предприятиями в КНР происходит трудно, до сих пор эффективность хозяйственной деятельности предприятий государственного сектора уступает предприятиям других форм собственности.

В России этому вопросу практически не уделили должного внимания. В свое время в бывшем СССР так и не была сформирована эффективная система управления предприятиями. Были две основные формы собственности — государственная и коллективная, которая по сути дела была одной из форм государственной собственности. В этих условиях, когда государство контролировало всё, производители не несли ответственности за результаты хозяйственной деятельности.

В ходе реформы произошел переход от всеобщего контроля за деятельностью экономических агентов до полной свободы от государства, включая отсутствие инвестиций, социальной поддержки и коммерциализацию деятельности государственного аппарата. Однако

при проведении приватизации за государством сохранилась собственность на землю и средства производства. Рыночные отношения были допущены только в сферу обмена не принадлежащих государству материальных ценностей и других услуг непроизводственного характера. Поддерживался монопольный уровень цен. Приватизация проводилась на уравнительной основе. Произошла коммерциализация государственного аппарата, который стал непосредственно участвовать в управлении предприятиями. Создались условия для криминализации частного бизнеса. Одновременно была введена система налогообложения, которая не стимулировала производство, а *способствовала* расширению сферы «теневой экономики». Осуществлялось квотирование экспортно-импортных операций. Отсутствовали поддержка и защита конкуренции, а также государственная программа поддержки частного бизнеса. По-прежнему политические задачи были на первом месте, а экономические — на втором.

В настоящее время в России проводится политика, направленная на укрепление и развитие государственного предпринимательства и превращение государственных и так называемых приватизированных предприятий в государственные корпорации — монополии. Создаются финансово-промышленные группы, идёт привлечение стратегических инвесторов для развития так называемых приватизированных предприятий, вытеснение иностранных партнёров из СП, усиление протекционизма. Однако в отличие от китайского опыта, где *целью хозяйствования и управления госимуществом является только сохранение и увеличение его стоимости*, в России это условие не соблюдалось. В результате производственная эффективность подавляющего большинства предприятий в России оказалась невысока.

В мае 2003 г. в рамках Госсовета КНР появилась новая структура — Комитет по контролю и управлению государственным имуществом, который выступает как инвестор государственных фондов, сосредоточивший всю работу по управлению фондами и реформе предприятий в одних руках. Кроме того, к этому комитету перешла часть полномочий Министерства финансов, связанных с управлением государственными фондами, и часть полномочий Министерства труда и социального обеспечения. Короче говоря, на новый Комитет по надзору и управлению государственными фондами возложена обязанность не только осуществлять реформу на госпредприятиях, но и самому поддерживать и определять стоимость основных и оборотных фондов госпредприятий.

Китайский опыт реформы предприятий показывает, что глав-

ное — не быстрая приватизация предприятий и отказ государства от всяческого вмешательства в процесс управления ими, а постепенный переход от директивного управления предприятий министерствами и ведомствами через механизм централизованного планирования и распределения продукции, от управления товарными потоками к индикативному управлению с помощью экономических рычагов через закупки необходимой продукции предприятиями на товарном рынке, к управлению финансовыми потоками путем выделения государственных инвестиций и льготных банковских кредитов. И в результате поэтапной реформы системы управления предприятиями государственные предприятия в Китае постепенно превращаются в самостоятельных товаропроизводителей — субъектов рынка, действующих в условиях конкуренции под государственным контролем, который ведется преимущественно с помощью экономических рычагов.

4. Реформа рыночной системы. Реформа системы ценообразования — это главное при формировании рыночного механизма, где существует рынок капитала, рынок информации и рынок рабочей силы. Иными словами, в Китае признали наличие не только рынка средств производства и предметов потребления, но и наличие рынка факторов производства, таких, как, рынок капитала, рабочей силы, техники и технологии, информации и др.

На первом этапе происходила отмена директивного планирования в производстве сельскохозяйственной продукции, резко сократилась доля государственного планирования в промышленности — с 70% в 1979 г. до 4,6% в настоящее время. Все это происходило на фоне реформы системы ценообразования, и государство строго контролировало этот процесс. В ходе реформы в КНР сформировалось три вида цен: 1) фиксированные государством директивные цены; 2) индикативные цены, которые могли отклоняться от установленных государством под воздействием спроса—предложения на рынке от 5 до 20%; 3) рыночные цены, которые устанавливались под воздействием рынка. Соотношение между тремя видами цен постепенно менялось в сторону увеличения доли индикативных и рыночных и уменьшения директивных по мере продвижения реформы, развития рыночных отношений и развития многоукладности экономики. В результате к концу 1990-х годов более 95% цен на промышленную продукцию устанавливались самим производителем в соответствии с конъюнктурой рынка, в общем объеме розничной торговли доля директивных цен снизилась с более чем 95% в 1979 г. до 7,2% в настоящее время. В частности, по данным китайского журнала

«Чжунго уцзя» («Цены в Китае»), в 2001 г. в КНР доля рыночных цен на товары народного потребления составляла 96,0% всей номенклатуры цен, фиксированных государственных цен — 2,7%, индикативных (или регулируемых) цен — 1,3%; при закупке сельскохозяйственной продукции доля рыночных цен составляла 93,9%, фиксированных государственных — 2,7%, индикативных (регулируемых) — 3,4%; при закупке средств производства доля рыночных цен составляла 87,6%, фиксированных государственных — 9,5%, индикативных (регулируемых) — 2,9%⁹. С помощью государственного контроля над ценами и сохранения директивных цен на основное сырьё и материалы в Китае в 1980—1990-е годы удалось снизить инфляцию издержек и не допустить ее выхода из-под контроля. Это было непросто сделать, так как при переходе к рынку инфляция неизбежно сопровождает реформы, потому что в условиях плановой экономики многие отрасли были на государственных дотациях, т.е. планово убыточными. В КНР в результате антиинфляционной политики, связанной с формированием трёх видов цен, удалось избежать чрезмерно высокой инфляции не только по сравнению с Россией и странами СНГ, но и со странами Восточной Европы.

Коренным образом отличается российский путь реформ от китайского по вопросам ценообразования и проведения антиинфляционной политики. **В России** для формирования рыночной среды был использован чисто монетаристский метод либерализации цен на все виды товаров и услуг в соответствии с затратами и спросом на рынке при наличии монополии во многих отраслях. Это привело к стремительному росту цен на сырьё, материалы, оборудование и потребительские товары от 1500 до 2500 раз в течение 1992 г. — начального этапа либерализации цен. Всё это вызвало бурную инфляцию, которая включает в себя не только постоянный рост цен, но и инфляцию издержек, связанную как с ростом цен на продукцию, с ростом издержек производства, так и с ростом налогов не только на прибыль, но и на издержки производства и на амортизационный фонд в условиях инфляции.

Китайский опыт в сфере перехода к рынку и либерализации цен показывает, что главным является формирование механизма ценообразования в условиях рынка. В настоящее время в Китае уже проведена реформа товарных цен, но как и в России, пока еще цены на факторы производства не соответствуют рыночным из-за монополии покупателя данных товаров и отсутствия должного государственного контроля. В Китае при переходе к рынку основной проблемой реформы цен было одновременное освобождение цен на пользую-

щиеся спросом товары и услуги при сохранении стабильности общего уровня цен, упорядочении цен на товары и услуги, устанавливаемые директивным способом, устранении «двухколейной» системы цен на средства производства и материальные ресурсы и формировании рынка рабочей силы, информации, ценных бумаг и прочих рынков факторов производства. Но наличие «трехколейной» системы цен в Китае предусматривает постепенный переход к разумным рыночным ценам и на факторы производства.

5. Реформа системы макроэкономического контроля. Для обеспечения реформы системы макроконтроля главным вопросом стала реформа финансовой системы. В Китае с 1980 г. стала применяться система «разделения доходов и расходов и разделения ответственности по уровням управления». В 1994 г. уже была создана новая налоговая система, разделенная на центральную и местную. В 1980—1990-е годы была создана система макрорегулирования и контроля во главе которой стоял Центральный банк, функции которого были возложены на Народный банк Китая, контролировавший и направлявший деятельность государственных отраслевых, региональных и коммерческих банков. В то же время в стране начали действовать акционерные банки, кооперативные кредитные товарищества и иностранные банки. Такая финансовая система способствовала развитию инвестиционной активности, постепенному снижению доли госбюджетных ассигнований в развитие народного хозяйства до 2,8% в 1997 г. с некоторым увеличением до 6,7% в 2001 г. и ее сокращением до 4,4% в 2005 г. В результате происходил постоянный рост доли собственных средств предприятий как основного источника инвестиций в основные производственные фонды — с 55,4% в 1981 г. до 74,1% в 2005 г.¹⁰ В КНР по мере развертывания реформы все большая доля инвестиций приходилась на предприятия и местные бюджеты — в отличие от начала 1980-х годов, когда преобладали госбюджетные инвестиции. Важную роль в структуре капитальных вложений играл строительный налог, введенный в 1983 г. От его уплаты были освобождены предприятия энергетики, транспорта, образования, науки, здравоохранения, экологические мероприятия — приоритетные для страны. Были предусмотрены снижение на 40% подоходного налога с реинвестируемой в производство части прибыли, а также уменьшенный срок амортизации для предприятий, осваивающих новые виды продукции. Осуществление всех этих мероприятий привело к тому, что к середине 1990-х годов расходы на капитальное строительство и техническую реконструкцию предприятий из государственного бюджета значительно уменьшились, что

позволило выделять больше средств в непроизводственную сферу. Ныне главной формой поступления доходов в бюджет являются налоги — 90,9% всей доходной части бюджета в 2005 г.: налог на добавленную стоимость (*цзэнчжисуй*) — 37,5% всей суммы налоговых сборов, подоходный налог с предприятий (*цзе содзшуй*) — 18,6% и налог на коммерческую деятельность (*иньшуй*) — 14,7% ¹¹.

Аналогичные проблемы возникли и в кредитно-финансовой сфере в **России** после либерализации цен 1992 г. в результате перехода от дотационных к мировым ценам на сырьё, материалы, топливо, сельскохозяйственную продукцию, товары народного потребления. Однако эти проблемы обострились во много раз из-за более высоких темпов инфляции, высоких налогов, включающих в себя налоги на фонд заработной платы, налог на добавленную стоимость, акцизы, а также большое число других более мелких налогов, которые превысили налоговый предел (не более 30%) для стран с рыночной экономикой. Как следствие такого положения, российский капитал ушел из производства в банковское дело и торговлю. В России появилось много банков, уставный фонд которых формировался за счет производственного капитала. Условия банковского кредита — высокие проценты (более 100% годовых для фермеров в начале 1990-х годов) на короткий срок — могли выдержать только торговцы товаром с высоким спросом (например, алкоголь, табак, шоколад и т.д.) даже несмотря на высокие акцизы. В результате инфляции и роста цен резко уменьшился спрос на российскую продукцию на внутреннем рынке, что нанесло удар по российским товаропроизводителям и по государственному бюджету, поскольку российские предприятия легкой промышленности были основными источниками пополнения государственного бюджета. Возникли проблемы с финансированием государственного сектора — наука, образование, здравоохранение, с инвестированием основных объектов капитального строительства и технической реконструкцией предприятий. Это привело к серии неплатежей в российской экономике и уходу коммерческих банков на рынок ценных бумаг. Однако после финансового кризиса в России в августе 1998 г. вследствие отказа государства платить по облигациям ГКО (Государственные краткосрочные обязательства) и ОФЗ (Облигации Федерального займа) более половины коммерческих банков обанкротились, что вызвало очередной кризис неплатежей и резкое падение курса рубля на валютном рынке. В настоящее время доля долгосрочных банковских кредитов составляет всего 5% в общем объеме кредитования российских банков, что объясняется как высокой ставкой рефинансирования ЦБ

России, так и невозможностью для производственных предприятий получить у коммерческих банков кредит под учетную ставку ниже промышленной прибыли — 10—15% в год, в то время как в КНР она составляет всего 6% в год.

Китайский опыт реформы системы макроконтроля показывает, что и в рыночной экономике по-прежнему важна роль государства. Государство освобождает себя от постоянного административного контроля за деятельностью субъектов рынка, но это делается постепенно, по этапам, на протяжении более 20 лет при сохранении контроля за основными отраслями экономики посредством проведения валютно-финансовой политики через бюджет, налоги, цены, учетную ставку, кредит и другие инструменты, а также посредством издаваемых законодательной и исполнительной властью правовых нормативных документов, обеспечивая, таким образом, возможности для создания и развития предприятий различных форм собственности и рыночной конкуренции между ними.

6. Реформы в социальной сфере. На начальном этапе реформы в конце 1970-х годов в Китае стали постепенно отходить от принципа уравнительного распределения доходов. Вначале было разрешено выплачивать рабочим и служащим премии из прибыли предприятия, а крестьянам разрешалось продавать произведенные ими товары и услуги по рыночным ценам. Было разрешено богатеть отдельным районам и отдельным отраслям для ускорения экономического развития и «достижения всеобщей зажиточности». На следующем этапе в 1990-е годы принципы распределения доходов подверглись определенным корректировкам, суть которых свелась к тому, что в сфере производства и первичного распределения надо придерживаться принципа оптимальной эффективности, что означало преобладание рыночных методов распределения доходов, а в сфере перераспределения необходимо с помощью налоговой политики, государственных ставок минимальной заработной платы и установления прожиточного минимума, мер социального обеспечения регулировать распределение доходов с учетом требований социальной справедливости.

На первом этапе экономической реформы в Китае социальным вопросам уделялось недостаточно внимания, что привело к событиям на площади Тяньаньмэнь в Пекине весной 1989 г. После этого руководство КНР взяло под особый контроль проблемы занятости, социального страхования, медицинского обслуживания. Постоянно стали проводиться социологические опросы, обследования жизненного уровня различных слоёв населения, которые помогали вносить коррективы в государственную политику. В результате государ-

ственного контроля за социальной ситуацией в обществе в 1990-е годы жизненный уровень населения в целом по стране несколько вырос, а в приморских районах — значительно, однако до сих пор социальные проблемы в КНР остаются главными и нерешенными. В настоящее время в стране существуют две основные социальные проблемы, которые обострились в ходе реформы, особенно в ходе реформы предприятий государственного сектора: а) увольнение избыточной рабочей силы с предприятий (*сяган*), необходимость находить новые рабочие места уволенным на предприятиях других форм собственности, изыскивать средства для выплаты им пособий по безработице; б) наличие огромной массы высвобожденных из сельскохозяйственного производства крестьян (*людун жэнькоу*), вытесненных из деревни из внутренних районов и приехавших в более зажиточные китайские города в приморских районах на восточном и юго-восточном побережье страны в поисках работы.

В России, как и в Китае, мероприятия реформы отражаются на жизненном уровне населения. В результате приватизации предприятий и структурной перестройки появляются безработные, резко усиливается социальная дифференциация в обществе, заметно снижается жизненный уровень большей части населения. По различным оценкам, доходы 10% наиболее зажиточного слоя в 14 раз превышают доходы 10% самого бедного слоя. Таким образом, в России социальные последствия реформы проявляются наиболее сильно. Уменьшилась численность населения РФ, снизилась средняя ожидаемая продолжительность жизни, особенно у мужчин. Всё это явилось следствием того, что государство устранилось от контроля за деятельностью в социальной сфере.

Для России главное из китайского опыта — **необходимость обеспечить рост жизненного уровня населения в ходе реформы, в противном случае население будет оказывать сопротивление процессам реформирования экономики как в открытых, так и скрытых формах.** Государство должно заполнять рыночные лакуны и через различные организации — научно-исследовательские учреждения, профсоюзы, женские, молодежные и др. — заниматься реализацией различных социальных программ, добиваться повышения жизненного уровня работников, занятых в научной и производственной сферах, организовывать обследования и мониторинги, на основании которых можно было бы прогнозировать социальную обстановку как в обществе в целом, так и в отдельных регионах.

7. Реформы в сфере внешнеэкономических связей. В КНР считают, что политика открытости в сфере внешнеэкономических

связей является одной из важнейших составляющих экономической реформы, которая обеспечивает ускорение развития производительных сил страны. Для этого было намечено в большом количестве привлекать и использовать зарубежное передовое оборудование и технологию, передовой управленческий опыт, использовать два типа ресурсов — внутренние и внешние через систему внешнеэкономического сотрудничества и принимать активное участие в конкуренции на мировом рынке.

Китай уже в 1980-е годы добился заметных успехов во внешнеэкономической деятельности. Внешняя торговля в целом служит интересам страны и обеспечивает экономику сырьём и природными ресурсами. Важную роль играют 4 специальные экономические зоны, 14 приморских портовых городов, зоны технико-экономического развития, зоны развития новых и высоких технологий, зоны приграничной торговли, ряд открытых городов и территорий, а также созданная в 1988 г. СЭЗ Хайнань и новый район Пудун в Шанхае. Кроме того, в Китае действуют многочисленные СП, которые получают необходимый для их развития льготный налоговый режим, а при реализации крупных экономических проектов — средства из государственного бюджета. В результате с 1979 по 2005 г. лишь одна пров. Гуандун получила для своего развития инвестиций на сумму около 288,9 млрд. долл., пров. Цзянсу — 265,7 млрд., Шанхай — 200 млрд., а весь Китай — свыше 1464 млрд. долл. Только за один 2005 г. было реализовано прямых иностранных инвестиций на сумму 60,3 млрд. долл. Объем внешней торговли КНР за годы реформ увеличился более чем в 85 раз — с 20,6 млрд. долл. в 1978 г. до 1760 млрд. долл. в 2006 г.¹²

В сфере внешнеэкономической деятельности за годы реформы в России не произошло изменений к лучшему. По-прежнему **Россия** далека от интеграции в систему мирохозяйственных связей. По сравнению с 1980-ми годами в российском экспорте преобладают топливно-энергетические и природно-сырьевые ресурсы (нефть и нефтепродукты — более 55% объема экспорта), а в импорте — предметы ширпотреба. Иностранных инвестиций за годы реформ РФ получала немного, особенно по сравнению с КНР — в среднем 2—3 млрд. долл. в год, в последние годы — по 5—8 млрд. долл. в год прямых инвестиций. Исключение составляют лишь несколько последних лет. Однако иностранный капитал по-прежнему идет в основном в торговлю и добывающую промышленность. До сих пор не созданы реально функционирующие свободные экономические зоны, зоны свободной торговли и зоны технико-экономического развития. При-

ток прямых иностранных инвестиций ограничен высокими налогами, неблагоприятным инвестиционным климатом. В РФ до сих пор отсутствует необходимая инфраструктура для осуществления политики открытости — системы экспортного кредитования, информационных услуг и обеспечения сбыта товаров.

Россия вполне может использовать китайский опыт в сфере политики открытости. На наш взгляд, в нашей стране еще не поздно выделить две-три зоны свободного экономического развития — Калининград, Находка, Новороссийск — в развитых экономических регионах и создать в этих зонах льготный режим для предпринимателей, как в СЭЗ в Китае. Одновременно было бы разумным установить шадящий налоговый режим для СП в сфере производства экспортной продукции, обеспечивающий через иностранных партнеров как доступ к новой современной технологии, так и новые связи на мировом рынке. Эти меры позволили бы поставить внешнеэкономическую деятельность на службу российской экономике, а не российскую экономику на службу интересам экономически развитых стран.

Россия в своем выборе экономической стратегии должна в большой степени учитывать китайский опыт, который, как уже отмечалось, показывает, что проблема перехода к рынку — это не проблема перехода от социализма к капитализму, а отказ от стратегии догоняющего развития. Через 15 лет после начала реформ Россия находится в самом начале перехода к рыночной экономике. Для того, чтобы оценить тот путь, который ей надо пройти на пути к рыночной экономике, представляется целесообразным сравнить основные направления экономической реформы в России и в Китае (табл. 26).

Казалось бы, обе страны находятся на пути от плановой к рыночной экономике, и этот фактор должен обеспечивать постоянный рост российско-китайского торгово-экономического сотрудничества по всем направлениям. Однако развитие российско-китайского сотрудничества в политической сфере идет более быстрыми темпами, чем в торгово-экономической. На наш взгляд, основные причины трудностей в развитии торгово-экономических отношений в настоящее время между Россией и Китаем возникают прежде всего из-за коренных различий в реформе собственности в РФ и КНР и характере российской и китайской элиты, сформировавшейся до начала и в ходе рыночных реформ.

Как считает занимающийся социальными проблемами России китайский ученый Ма Вэйюнь (Институт России Хэйлунцзянского университета), «конечным отличием проводимых реформ в двух стра-

Сравнительный анализ основных направлений экономической реформы в КНР и России

Направления реформы	Китай	Россия
1. Реформа системы собственности	<ol style="list-style-type: none"> 1. Развитие всех форм собственности при сохранении общественной формы собственности как основной. 2. Контроль со стороны государства за всеми видами предприятий с участием государственного капитала. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Преобразование государственных предприятий в частные. 2. Дележ государственного имущества. 3. Сохранение отраслевых монополий. 4. Приватизация и ваучеризация.
2. Реформы в деревне	<ol style="list-style-type: none"> 1. Земля в коллективной собственности. 2. Система семейного (подворного) подряда. 3. Разделение права собственности и права пользования на землю. 4. Развитие волостно-поселковых предприятий. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Роспуск колхозов и совхозов. 2. Попытка развития фермерских хозяйств. 3. Переход земли из государственной собственности в частную.
3. Реформа системы управления предприятий	<ol style="list-style-type: none"> 1. Предприятия стали юридическими лицами. 2. Разделение политических и хозяйственных функций, более четкое определение имущественных прав. 3. Переход от управления товарами потоками к управлению финансовыми потоками. 4. Переход к акционерной форме управления. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Превращение государственных предприятий в корпорации 2. Создание финансово-промышленных групп (ФПГ). 3. Образование и развитие олигархии. 4. Рост доли «теневой» экономики.
4. Переход к рыночной системе	<ol style="list-style-type: none"> 1. Формирование трех видов цен: фиксированных, плавающих и свободных. 2. Невысокие темпы инфляции. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Либерализация цен. 2. Высокие темпы инфляции. 3. Контроль за экономикой монетаристскими методами.

Направления реформы	Китай	Россия
	3. Сначала формирование рынка предметов потребления и средств производства, затем — рынок факторов производства.	4. Отсутствие рынка факторов производства.
5. Реформа системы макроконтроля	1. Реформа финансовой системы. 2. Повышение роли Народного банка (ЦБ). 3. Развитие кредитной системы. 4. Использование налоговой системы.	1. Завышенные налоги. 2. Избыток коммерческих банков. 3. Высокие банковские учетные ставки, превышающие прибыль от производства. 3. Большой объем выпуска государственных обязательств и облигаций ЦБ России (ГКО и ОФЗ).
6. Реформы в социальной сфере	1. Отход от принципа уравниловки. 2. Регулирование государственными органами социальных вопросов, таких, как минимальная заработная плата, социальное страхование и др. 3. Рост жизненного уровня населения. 4. Возникающие социальные проблемы: увольнения с работы, миграция из деревни в город и др.	1. Отказ государства от регулирования социальных проблем, отказ от системы прогрессивного подоходного налога. 2. Высокая степень социального расслоения. 3. Снижение средней ожидаемой продолжительности жизни. 4. Не сформировался средний класс. 5. Снижение жизненного уровня населения.
7. Реформы в сфере внешнеэкономических связей	1. Привлечение иностранных инвестиций, передового опыта и технических новинок. 2. Создание свободных экономических зон в различных формах. 3. Постоянный рост оборота внешней торговли и иностранных инвестиций.	1. Постоянный рост доли сырьевой продукции в общем объеме экспортной продукции. 2. Иностранных инвестиций в российскую экономику сравнительно немного. 3. Отсутствие инфраструктуры для проведения открытой внешнеэкономической политики: экспортное кредитование, информационная сеть, гарантии сбыта продукции.

нах явился различный подход к преобразованиям собственности. В России целью реформ была обозначена приватизация, интересом и горячей точкой реформ также была приватизация»¹³. Предполагалось, что Россия через приватизацию придет к рыночной экономике. Китайская экономическая реформа не предусматривала переход к рыночной экономике через приватизацию. По китайской модели реформы, определение прав собственности предприятия на микроуровне отнюдь не означало права частной собственности на имущество предприятия. Если по российской модели почти все формы собственности приватизировались, то по китайской модели собственником могли стать и физические, и юридические лица, но собственность могла быть как коллективной, так и государственной. В результате, по китайской модели, акционерная собственность (*гуфэньчжи*) отнюдь не является частной собственностью.

Как отмечает Ма Вэйюнь, в обоих случаях побочными продуктами реформы собственности стали формирование бюрократического капитала и поляризация. Однако в России в силу приверженности процессу приватизации процесс формирования побочных продуктов реформ пошел более быстрыми темпами, были сформированы как отраслевые, так и местные группы интересов, которые с каждым годом усиливают свое влияние на политическую жизнь российского общества. Вместе с тем в ходе бюрократизации российского общества происходит усиление поляризации, увеличивается доля бедных до 30—40%.

Такие же процессы наблюдаются и в Китае, где также происходит возвышение многих предприятий в ряде отраслей (военная, нефтяная, транспорт, связь, финансы, страхование, химическая, металлургическая и др.), которые получают высокие доходы. Но основным отличием от России является то, что большая часть этих предприятий является государственными, и в условиях акционерной собственности право собственности на них в виде контрольного пакета акций находится у государства. Это предопределяет и характер перераспределения доходов. Хотя в КНР также наблюдается поляризация общества, однако она пока еще не столь заметна как в России, поскольку государство оказывает существенное влияние как на межотраслевое и межрегиональное перераспределение капиталов, так и на перераспределение доходов в пользу тех социальных групп, которые потеряли от реформ — вытесненные с земли крестьяне и уволенные с предприятий рабочие и служащие.

По мнению Хуан Лифу (Институт всеобщей истории АОН Китая), различия в ходе проведения реформ в России и в Китае воз-

ники не случайно. Она считает, что одной из основных причин этого является характер экономической и политической элиты, сформировавшейся до начала реформ в СССР и КНР. По ее мнению, существуют два принципиальных различия в характере проводившей реформы элиты в России и в Китае. В России уже в 1950-е годы во времена Хрущева уменьшилась власть элиты в центре и выросла — на местах, местная элита получила простор для выражения своих интересов. К началу реформ Горбачева и Ельцина КПСС превратилась из партии рабочего класса в партию всего народа, из революционной партии в правящую партию и стала к 1970-м годам «классом управляющих»¹⁴. В Китае ситуация принципиально отличалась тем, что к началу реформ за 30 лет КНР правящая элита еще не сложилась в класс управленцев, в частности из-за того, что она подвергалась чистке в ходе различных политических кампаний (борьба против «правых» в 1957 г., «четыре чистки» в деревне в 1960-е годы, «культурная революция» 1966—1978 г.).

В результате к началу реформ в КНР как политическая, так и экономическая элиты еще не могли в полной мере осознать свои экономические интересы. В России к началу реформы элиты при выборе экономической политики уже в полной мере могли преследовать свои материальные интересы по отраслям, регионам и прочим «группам интересов». В Китае в ходе всевозможных политических кампаний велась ожесточенная борьба и критика с проявлениями материального интереса со стороны элиты, полностью отвергались всякие проявления товарно-денежных отношений в ходе управления обществом. В результате до настоящего времени кадровым работникам (*ганьбу*) затруднительно преследовать личные интересы, часто за это следуют серьезные наказания вплоть до высшей меры (например, смертная казнь с отсрочкой исполнения на несколько лет). Еще одним важным отличием российской элиты от китайской являлась возможность выезда за рубеж, в то время как для китайской такие выезды были ограничены. В результате в Китае организаторы реформы хотя и имели свои личные интересы, однако не могли открыто лоббировать интересы своей социальной группы в отличие от ситуации в СССР во время перестройки.

Таким образом, при сравнении различных аспектов российских и китайских реформ мы не можем не прийти к мысли о том, что серьезные проблемы в развитии российско-китайских торгово-экономических отношений возникли не случайно. На наш взгляд, они прежде всего связаны с реализацией различных моделей перехода к рыночной экономике: в России через приватизацию всех форм соб-

ственности, в Китае — через развитие всех форм собственности. В КНР произошла не приватизация собственности, а определение прав собственности и разделение прав собственности и хозяйствования. В результате большая часть крупных китайских предприятий в базовых отраслях, где объективно существуют наиболее благоприятные условия для сотрудничества с российскими предприятиями, не являются частными.

Поэтому развитие торгово-экономических связей между Россией и Китаем, как правило, происходит только по линии необщественных форм собственности. Это в значительной степени подрывает основу сотрудничества с российскими предприятиями, которые в большинстве своем являются предприятиями частного капитала и не могут получить необходимые государственные гарантии. Кроме того, российские власти по ряду причин не настроены допускать китайский акционерный (а по сути государственный) капитал к процессам приватизации российских предприятий, в приобретении акций которых сильно заинтересована китайская сторона. Большая часть совместных инвестиционных проектов, связанных с включением китайских предприятий общественных форм собственности, таких, как нефтепровод Ангарск — Дацин, выход на российский аукцион китайских компаний или поставка турбин для проекта гидроэлектростанции «Санься» на р. Янцзы и др., обычно заканчиваются неудачей из-за того, что обе стороны представляют предприятия различных форм собственности с различным объемом капитала и уровнем гарантий. Все это будет оказывать сильное влияние на дальнейшее наращивание объема российско-китайской торговли и заметно ограничивает резервы российско-китайского торгово-экономического сотрудничества практически по всем направлениям, особенно в вопросах развития инвестиционного и научно-технического сотрудничества и использования китайской рабочей силы на российской территории. В результате из-за использования Россией и Китаем разных моделей перехода к рыночной экономике база российско-китайского торгово-экономического сотрудничества остается ограниченной, в основном на уровне внешней торговли, характеризующейся экспортом российских природных ресурсов и импортом китайских потребительских товаров.

Источники

¹ Гуанмин жибао. 09.11.2002.

² Журналист. 2001. № 6. С. 92.

- ³ *Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу.* Указ. соч. Предисловие к российскому изданию. М.: ИДВ РАН, 2001. С. 14–15.
- ⁴ Подробнее см.: Новые экономические теории в КНР. Взаимодействие теории и практики / Сост. А.В.Островский, П.М.Кожин. М.: ИДВ РАН, 2002. Экспресс-информация. №11. С. 50–65.
- ⁵ «Отечество» — Отечеству: Программа преобразований / Материалы экономической конференции «Россия в меняющемся мире — путь к процветанию». Москва, 14 марта 2001 г. М., 2001. С. 62–66.
- ⁶ *Караваяев В.* Инвестиции поданы // Прямые инвестиции. 2007. № 3. С. 20.
- ⁷ Подробнее см.: *Островский А.В.* Формирование рынка рабочей силы в КНР. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2003. С. 8–9.
- ⁸ *Ли Теин.* Поиски направлений реформы и политики открытости / Пер. с китайского. Т. 2. Б.м.: Изд-во документации общественных наук, б.г. С. 247, 215.
- ⁹ Чжунго уцзя. 2002. № 1. С. 43–45.
- ¹⁰ Чжунго тунци няньцзянь — 2006. С. 191.
- ¹¹ Там же. С. 282.
- ¹² Там же. С. 758, 733, 753; Чжунхуа жэньминь гунхэго 2006 нянь гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань тунци гунбао (Статистическая сводка об экономическом и социальном развитии народного хозяйства КНР в 2006 г. <http://www.stats.gov.cn>).
- ¹³ Сборник статей: ЧжунЭ гуаньсиды лиши юй сяньши (История и современное состояние российско-китайских отношений) / Гл. ред. Луань Цзинхэ. Чжэнчжоу: Изд-во Хэнаньского ун-та, 2004. С. 831.
- ¹⁴ Там же. С. 846.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя некоторые итоги китайской реформы экономической системы за 20 лет с лишним, надо сказать, что как по конкретным экономическим достижениям, так и с точки зрения жизнеспособности выработанной экономической модели развития общества Китай намного опережает Россию. За прошедшие годы дороги наших стран в сфере проведения реформы сильно разошлись, особенно после объявленной в России в 1992 г. либерализации цен и приватизации. Как показывает анализ работ главных теоретиков и практиков китайской реформы, используемая в Китае теоретическая модель перехода к рынку в основном соответствует российским реалиям, но практические мероприятия реформы в значительной мере определяются конкретной китайской спецификой¹. **На наш взгляд, используемая в Китае теоретическая модель перехода к рынку могла бы быть применена в определенной степени и в российских условиях с учетом российской специфики.**

Для выполнения основных задач экономической реформы в КНР намечены средние темпы роста ВВП 7—8% в год на период 2000—2020 гг. В настоящее время Китай, как и в 1980—1990-е годы, идет с опережением графика и уже в 2006 г. вышел на уровень, намеченный на 2010 г. по показателям объема ВВП, ВВП на душу населения и прироста инвестиций. Даже в неудачном для него 2003 г., осложненном эпидемией атипичной пневмонии, неурожаями из-за наводнений, рост ВВП составил 9,1%. Главными препятствиями для выполнения поставленной задачи является необходимость постоянного роста опережающими темпами таких отраслей, как энергетика и транспорт, и ликвидации неравномерности экономического развития между приморскими и внутренними районами. В 1997—2000 гг. эти условия соблюдены не были. Если темпы роста ВВП за эти годы составляли 7,9% годовых, то темпы роста грузооборота на транспорте не превышали 2%, а вместо увеличения производства электроэнергии произошло падение, в частности в 1999 г. -12,2%.

В начале XXI в. в Китае учли этот фактор, и в последние годы показатели развития экономической инфраструктуры развивались опережающими темпами. В частности, в 2005 г. при увеличении

ВВП на 9,5% рост производства электроэнергии составил 12,3%, грузооборот на транспорте — 15,6%². Для обеспечения высоких темпов экономического роста в конце XX в. — начале XXI в. были намечены и уже выполнены частично или полностью программы развития западных районов Китая и реконструкции Северо-Востока Китая по пяти крупным инфраструктурным проектам: 1) железная дорога Голмуд — Лхаса; 2) газопровод Синьцзян — Шанхай; 3) гидроэлектростанция «Санься» на р. Янцзы; 4) высоковольтная линия электропередачи Запад — Восток из пров. Сычуань в пров. Гуандун; 5) переброска вод с Юга на Север страны. Реализация этих проектов позволит сохранить запланированные темпы экономического роста и обеспечить решение намеченных планов социально-экономического развития страны на 2020 г.

Одним из важных факторов реализации программы социально-экономического развития КНР до 2020 г. являются внешнеэкономические связи, которые развиваются на основе принятой Пекином в 1999 г. на вооружение концепции «идти вовне» (*цзоучуцзюй*). Суть концепции состоит в резком увеличении объемов внешней торговли за счет экспорта произведенной в КНР промышленной продукции и закупок за рубежом необходимых природных ресурсов, сырья, материалов и новейшей технологии. С этой целью Китай вступил в ВТО, и после вступления в эту международную организацию резко увеличил объемы промышленного производства внутри страны, внешней торговли и золотовалютных запасов. Фактически, в настоящее время, пользуясь льготами после вступления в ВТО, Китай стал «производственным цехом» для всего мира.

К сожалению, доля России во внешней торговле Китая в 2006 г., несмотря на ежегодно увеличивающиеся объемы, невелика — менее 2% и будет сокращаться в дальнейшем, невзирая на абсолютный рост объемов товарооборота. На государственном уровне Китай всегда будет более заинтересован в поддержании российско-китайской торговли, нежели Россия, поскольку в экспорте из России преобладают недостающие в КНР природные ресурсы, а в импорте из КНР в Россию — потребительские товары, которые можно производить и на территории России, хотя их себестоимость будет, видимо, всегда выше китайской. Сохранение и развитие таких тенденций в российско-китайской торговле приведет к дальнейшему усилению сырьевой специализации российской стороны и будет в значительной степени сдерживать инвестиционное сотрудничество между двумя странами по реализации крупных проектов по развитию инфраструктуры в обеих странах (транспорт, энергетика), банковской сферы,

науки и техники, машиностроения. Сохраняющаяся и модифицирующаяся система «народной» (или «челночной») торговли может привести лишь к развитию российско-китайской торговли по сценарию: «товары народного потребления из КНР в обмен на природные ресурсы (металлы, древесина, рыба) из России». Реализация такого сценария, в конечном счете, окажет негативное влияние не только на расширение российско-китайских торгово-экономических отношений, но и может создать серьезные проблемы во внешнеполитических отношениях между двумя странами.

По-прежнему сохраняют свою актуальность для КНР и социальные проблемы. В последние годы в трудоспособное население вступает примерно 15—20 млн. человек в год, в то время как страна может обеспечить не более 10 млн. новых рабочих мест. Важнейший путь решения социальной проблемы — развитие западных районов путем создания новых малых городов и поселков, создания волостно-поселковых и других малых предприятий и переориентация миграционных потоков с направления Запад — Восток на направление Восток — Запад.

Для решения возникших в ходе реформы социальных проблем значительно активизировали свою работу биржи труда, которые стали важным социальным институтом в китайском обществе. Государство с помощью создаваемых в городах бирж труда (*чжэнь цзешао цзигоу*) пытается регулировать характерные для рыночной экономики, но ранее незнакомые для китайских рабочих и служащих такие социальные вопросы, как выплата социальных пособий по безработице после увольнения с работы, обучение рабочих и служащих с целью переквалификации, предложение новых трудовых вакансий для потерявших работу, трудоустройство зарегистрированных на бирже труда на временную работу и т.д.

К этому следует добавить, что свыше 100 млн. сельского населения находятся в «подвешенном состоянии». С одной стороны, они уже не связаны с сельскохозяйственным производством и уезжают в город в поисках работы на предприятия вне сферы сельского хозяйства. С другой стороны, они часто не могут трудоустроиться на постоянную работу в городах, не имея прописки, и нанимаются на временную работу без каких-либо социальных гарантий для обеспечения основными жизненными средствами. В настоящее время происходит дальнейшее формирование новой структуры интересов в ходе реформы госпредприятий. При этом нередко ущемляются интересы занятых на предприятиях госсектора ради интересов занятых на предприятиях других форм собственности.

Особенно заметно за годы реформ вырос жизненный уровень городского населения, о чем можно судить по заметно изменившейся структуре расходов городского населения. Если до начала реформы большая часть расходов населения уходила на питание и одежду, а оставшаяся часть доходов накапливалась для покупки одного из предметов потребления длительного пользования (холодильник, телевизор, стиральная машина), то в конце XX в. ситуация резко изменилась. По данным ГСУ КНР, в 2005 г. большая часть расходов семьи шла на питание — 36,7% в городе и 36,1% в деревне, затем на образование и отдых — 13,8% в городе и в деревне, а также на жилье — 10,2% в городе и 16,0% в деревне, медицинское обслуживание — 7,6% в городе и 7,9% в деревне, покупку домашних предметов и оплата сферы услуг — 5,6% в городе и 5,2% в деревне, расходы на одежду — 10,1% в городе и 6,9% в деревне, на транспорт — 12,6% в городе и 11,5% в деревне и прочие расходы — 3,5% в городе и 2,5% в деревне³. Однако постоянно увеличивается разрыв в доходах между бедными и богатыми. Например, в конце 2003 г. в стране насчитывалось 4,89 млн. легковых автомобилей, зарегистрированных в личном пользовании, но при этом сохранялось 29,0 млн. бедных. Все это показывает, что одним из результатов китайской реформы стало усиление социальной дифференциации в обществе, которая постепенно становится одним из главных препятствий для успешного проведения реформ и обеспечения стабильного экономического роста.

Важным фактором развития экономики является урегулирование производственной структуры, что постепенно уменьшает ее различия по сравнению с другими странами. В 1990-е годы произошли значительные изменения в структуре ВВП Китая, выражающиеся в увеличении доли «третьей» сферы, сокращении доли «первой» сферы и сохранении на прежнем уровне «второй» сферы. Однако при сравнении отраслевой структуры ВВП как с развитыми, так и с развивающимися странами легко обнаружить, что доля «первой» и «второй» сферы в КНР намного выше, чем во многих странах мира. Таким образом, у Китая обнаруживаются существенные резервы экономического развития при значительном повышении производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве и создании значительного количества рабочих мест в «третьей» сфере, и прежде всего в сфере услуг, которая является наиболее трудоемкой. На наш взгляд, именно здесь — в создании дополнительных рабочих мест и увеличении занятости населения в третьей «сфере» в ходе реформы крупных предприятий государственного сектора и

неизбежном сокращении численности занятых на них — скрыты дополнительные резервы развития экономики КНР в XXI в.

В настоящее время Китай уже обогнал по экономической мощи Францию, Италию и Великобританию и занимает 4-е место в мире после США, Японии и Германии. Для дальнейшего ускорения экономического развития на XVI съезде КПК были выдвинуты следующие задачи: совершенствование системы социалистической рыночной экономики, урегулирование экономической структуры, осуществление индустриализации, всестороннее развитие информатизации, ускорение процесса модернизации народного хозяйства при непрерывном повышении жизненного уровня населения. В результате осуществления такой программы социально-экономического развития Китай в сфере повышения уровня материального благосостояния населения постепенно сможет совершить переход от общества, в котором достигнут уровень «обогреть и накормить» (*вэньбао*) население к уровню «малого благоденствия» (*сяокан шэцзуй*).

Как мы видим, вряд ли можно найти в китайском опыте более или менее серьезные теоретические обоснования и практические мероприятия, призванные подкрепить так называемую «программу Грефа» — среднесрочную программу социально-экономического развития России, поскольку объявленная в ней цель — модернизация экономики входит в противоречие со средствами достижения этой цели — дальнейшая либерализация экономики и отказ от активной роли государства в выработке социально-экономической политики развития общества.

На наш взгляд, *для реализации Россией стратегии сравнительных преимуществ — в данном случае имеется в виду богатство природных ресурсов, наличие квалифицированных кадров, стратегически удобное географическое положение страны — наиболее предпочтителен китайский опыт, в котором главным является разумное сочетание государства и рынка.* Изучением опыта китайских реформ следовало бы заняться еще в середине 1980-х годов. Однако идеологические догмы взяли верх, и китайские реформы рассматривались руководством КПСС как отступление от социализма. В дальнейшем в начале 1990-х годов руководство РФ также предпочло полностью игнорировать опыт китайских реформ по двум причинам. Во-первых, по идеологическим причинам, связанным с тем, что экономические реформы в КНР осуществляет руководство КПК. Во-вторых, по надуманным экономическим причинам, которые обосновывались тем, что успехи китайской рефор-

мы связаны с намного более низким уровнем развития производительных сил в Китае по сравнению с Россией.

Драгоценное время оказалось упущенным. Из-за отказа изучать опыт китайской реформы Россия потеряла по меньшей мере 20 лет для своего экономического развития, не смогла своевременно и успешно провести экономические реформы, направленные на переход к рыночной экономике. В настоящее время, чтобы в полной мере воспользоваться опытом китайских реформ, основой которого является создание рыночной экономики под контролем государства, *Россия должна начать с периода «урегулирования» экономики после «шоковой» терапии, которая по своим последствиям означает для России то же, что «большой скачок» для Китая в 1958—1960 гг.* Только в ходе «урегулирования», которое может помочь обеспечить выход на дореформенные темпы экономического роста и повысить удельный вес обрабатывающей промышленности и наукоемких отраслей в объеме производства ВВП, можно будет выйти на новый начальный рубеж реформ и проводить необходимые мероприятия по переходу к рыночной экономике.

Главное для России в китайском опыте — это комплексный и целостный подход к реформе экономической системы, обеспечивающий постепенный, без «шоковой» терапии переход от командно-административной системы к рыночной экономике под государственным контролем. Все мероприятия реформы являются в той или иной мере элементами целостной системы перехода к рынку, которая разрабатывается в Китае уже около 30 лет. Конечно, многие мероприятия можно использовать и в российской модели реформ. Однако эти мероприятия должны находиться под контролем государства, и по мере необходимости в них должны вноситься коррективы.

Источники

- ¹ *Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу.* Чжунго цзинци гайгэ юй фачжань (Китайская экономическая реформа и развитие). Шанхай: Изд-во «Саньяньшудянь», 1999; *Ли Теин.* Гайгэ кайфан таньсо (Исследования о реформах и открытости). Пекин, 1999 и др.
- ² Чжунго тунци чжайяо — 2006. С. 12—13.
- ³ Чжунго тунци няньцзянь — 2006. С. 349, 373.

ОСТРОВСКИЙ **Андрей Владимирович**

доктор экономических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра экономических и соци-

циальных исследований Китая, историк-востоковед и экономист-международник, специалист по проблемам Китая.

В 1972 г. закончил Институт восточных языков (в настоящее время — Институт стран Азии и Африки) при Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова. После окончания работал в Институте Дальнего Востока АН СССР (с 1991 г. — Российской Академии наук). В 1984—1985 гг. занимался научными исследованиями в Институте труда и кадров Китайского Народного университета (Пекин), в 1989 г. — в Институте стратегических исследований Стэнфордского университета (США, Пало-Альто). В 1995—1999 гг. работал в Институте России Тамканского университета (Тайвань).

Является членом Ассоциации китаеведения Российской Академии наук (АКИТ РАН) и Европейской ассоциации китаеведения (ЕАК). С 2000 по 2004 гг. — вице-президент ЕАК, в 2004—2006 гг. — член Правления ЕАК. Неоднократно выступал с докладами на международных научных конференциях — в Москве, Новосибирске, Владивостоке, Берлине, Праге, Пекине, Гуанчжоу, Гуйяне, Чанчуне, Сеуле, Барселоне, Лейдене, Турине, Гейдельберге, Любляне, Харбине и др.

А.В.Островский опубликовал более 200 научных работ, включая фундаментальные монографии по социально-экономическим проблемам развития китайского общества, тайваньской проблеме, а также

по вопросам, связанным с проведением экономических реформ в России. В частности, им были опубликованы книги “Население Китая” (в соавторстве) (1991 г.); “Китай: проблемы занятости и подготовки кадров” (1993 г.); “Тайвань накануне XXI века” (1999 г.), «Формирование рынка рабочей силы в КНР» (2003 г.). Имеет также публикации за рубежом в Бангладеш, США, КНР, Чехии, Республике Корея, Тайване, Испании, Италии, Индии и других странах мира.

***В 2005–2007 гг. Институт Дальнего Востока РАН
подготовил к печати следующие научные работы:***

- Ежегодник «КНР в 2004–2005: политика, экономика, культура». Справочно-аналитическое издание.
- Россия и Китай. Сотрудничество в условиях глобализации.
- Александрова М.В.* Российско-китайские приграничные экономические отношения.
- Бони Л.Д.* Китайская деревня на пути к рынку.
- Энциклопедия «Духовная цивилизация Китая». Т. I.
- Жигулева В.В.* Реформа системы ценообразования в КНР.
- Москалев А.А.* Нация и национализм в КНР.
- Смирнов Д.А.* Идеино-политические аспекты модернизации Китая: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину.
- Бирюлин Е.В., Кранина Е.И.* Экологические проблемы КНР. Опыт правового регулирования.
- Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации.
- Ежегодник «КНР в 2006 г.: политика, экономика, культура». Справочно-аналитическое издание.
- Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай–Россия 2050: стратегия соразвития.
- Кондрашова Л.И.* Китай ищет свой путь.
- Портяков В.Я.* От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века.
- Сладковский М.И.* Знакомство с Китаем и китайцами (*Переиздание*).
- Галенович Ю.М.* Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае.
- Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества.
- Актуальные проблемы современной Японии.
- Кузнецов В.С.* Буддийский фактор во внешней политике КНР.
- Жебин А.З.* Эволюция политической системы КНР.
- Корейский полуостров и вызовы глобализации.
- Мамаева Н.Л.* Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы.

Политическая система и право КНР в процессе реформ. Сб. материалов
Ганишин В.Г. Формирование гражданского общества в Китае и России.
Степанов Е.Д. Политика начинается с границы.
ВКП(б), Коминтерн и Китай. Сб. документов. Т. V.
Галенович Ю.М. Российско-китайские отношения (конец XIX – начало
XXI в.).

В ближайшее время увидят свет:

Ежегодник «КНР в 2007 г.: политика, экономика, культура». Справочно-аналитическое издание.
Торопцев С.А. Творчество режиссера Чжан Имоу.
Смирнов Д.А. Идеологическое обоснование модернизации КНР.
Энциклопедия «Духовная цивилизация Китая». Т. II.
Образ Китая в современной России. Сб. статей.
Горбунова С.А. Китайский буддизм и власть.
Аллаберт А.В. Конфуцианство и модернизация Китая.
Новый этап экономической реформы в КНР: проблемы и вызовы. Сб. статей
Ушаков И.В. Экологическая проблема в Китае.
Проблемы территориально-государственного устройства Китая и России. Сб. статей.
Шилов А.П. Духовное состояние современного китайского общества и поиск новых ценностей.
Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Евразии. Сб. материалов

Более подробную информацию можно получить
в Научно-издательском отделе ИДВ РАН
по телефону: 8 (495) 124-09-15.

Научное издание

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

ОСТРОВСКИЙ
Андрей Владимирович

**КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ
ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ**

Редактор *В.И.Шабалин*

Корректор *Н.Б.Потапова*

Оригинал-макет и обложка *С.А.Суднициковой*

Институт Дальнего Востока РАН,
117218, Москва, Нахимовский проспект, 32.

Подписано в печать 17.09.2007
Печать офсетная. Формат 60 x 84/16.
Печ. л. 13. Тираж 300 экз.
Заказ № 31.

1
009

В книге рассматривается китайская модель перехода от плановой к рыночной экономике в ходе реформы хозяйственной системы (с конца 1970-х годов по настоящее время).

Исследуются основные аспекты экономической реформы в КНР (реформа собственности, формирование рыночной инфраструктуры, изменения в системе государственного регулирования экономики и распределительных отношений, открытость во внешнеэкономической сфере).

На этой основе анализируются проблемы российско-китайского экономического сотрудничества и дается сравнительная характеристика китайской и российской моделей постепенного перехода к рынку.

ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН